

Поразительная книга. Захватывающая. Прекрасная и удивительная.
Я могла бы запутаться в прилагательных превосходной степени,
но важнее другое. Совершенно ясно, что Финн создал детектив
нового поколения... **Гиллиан Флинн, автор бестселлера «Исчезнувшая»**

Женщина в окне

роман

А. Дж. Финн

Annotation

Анна Фокс живет отшельницей в своем нью-йоркском доме. Около года тому назад она пережила сильнейший стресс, поэтому не может выходить на улицу. Близкие оставили Анну, хотя она каждый день разговаривает с ними по телефону. И все же ей хочется верить, что жизнь изменится к лучшему. Она коротает время за просмотром старых фильмов, вспоминает счастливые дни, любимую работу... и от скуки порой подглядывает за соседями. Однажды в доме, расположенном через сквер, появляются новые жильцы: отец, мать, сын-подросток. Благополучная, просто идеальная семья. Но как-то раз Анна, наставив в окно объектив камеры, видит сцену, которая ее шокирует, – сцену жестокого убийства. Женщина поднимает тревогу, но соседи опровергают все, что она говорит. Ей никто не верит – ни полицейские, ни друзья, – и ее мир начинает рушиться... Тогда она решает самостоятельно разобраться, где правда, а где вымысел.

Впервые на русском языке!

- [А. Дж. Финн](#)
 -
 -
 -
 - [Воскресенье,](#)
 -
 - [Глава 1](#)
 - [Понедельник,](#)
 -
 - [Глава 2](#)
 - [Вторник,](#)
 -
 - [Глава 3](#)
 - [Среда,](#)
 -
 - [Глава 4](#)
 - [Четверг,](#)
 -
 - [Глава 5](#)

- [Пятница,](#)
 - [Глава 6](#)
- [Суббота,](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
- [Воскресенье,](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
- [Понедельник,](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
- [Вторник,](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
 - [Глава 18](#)
 - [Глава 19](#)
- [Среда,](#)
 - [Глава 20](#)
 - [Глава 21](#)
 - [Глава 22](#)
 - [Глава 23](#)
 - [Глава 24](#)
 - [Глава 25](#)
 - [Глава 26](#)
- [Четверг,](#)
 - [Глава 27](#)
 - [Глава 28](#)
 - [Глава 29](#)
 - [Глава 30](#)

- [Глава 31](#)
- [Глава 32](#)
- [Глава 33](#)
- [Глава 34](#)
- [Пятница,](#)
 - [Глава 35](#)
 - [Глава 36](#)
 - [Глава 37](#)
 - [Глава 38](#)
 - [Глава 39](#)
 - [Глава 40](#)
 - [Глава 41](#)
 - [Глава 42](#)
 - [Глава 43](#)
 - [Глава 44](#)
 - [Глава 45](#)
- [Суббота,](#)
 - [Глава 46](#)
 - [Глава 47](#)
 - [Глава 48](#)
 - [Глава 49](#)
 - [Глава 50](#)
 - [Глава 51](#)
 - [Глава 52](#)
 - [Глава 53](#)
 - [Глава 54](#)
 - [Глава 55](#)
- [Воскресенье,](#)
 - [Глава 56](#)
 - [Глава 57](#)
 - [Глава 58](#)
 - [Глава 59](#)
 - [Глава 60](#)
 - [Глава 61](#)
 - [Глава 62](#)
 - [Глава 63](#)

- [Глава 64](#)
- [Глава 65](#)
- [Понедельник](#)
 - [Глава 66](#)
 - [Глава 67](#)
 - [Глава 68](#)
 - [Глава 69](#)
 - [Глава 70](#)
 - [Глава 71](#)
 - [Глава 72](#)
 - [Глава 73](#)
 - [Глава 74](#)
 - [Глава 75](#)
 - [Глава 76](#)
- [Вторник](#)
 - [Глава 77](#)
- [Среда](#)
 - [Глава 78](#)
- [Четверг](#)
 - [Глава 79](#)
 - [Глава 80](#)
 - [Глава 81](#)
- [Пятница](#)
 - [Глава 82](#)
- [Суббота](#)
 - [Глава 83](#)
 - [Глава 84](#)
 - [Глава 85](#)
 - [Глава 86](#)
 - [Глава 87](#)
 - [Глава 88](#)
- [Воскресенье](#)
 -

- [Глава 89](#)
- [Глава 90](#)
- [Глава 91](#)
- [Глава 92](#)
- [Глава 93](#)
- [Глава 94](#)
- [Понедельник,](#)
 - [Глава 95](#)
 - [Глава 96](#)
 - [Глава 97](#)
 - [Глава 98](#)
- [Шесть недель спустя](#)
 - [Глава 99](#)
 - [Глава 100](#)
- [Благодарности](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)

- [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)
 - [27](#)
 - [28](#)
 - [29](#)
 - [30](#)
 - [31](#)
-

А. Дж. Финн

Женщина в окне

A. J. Finn
THE WOMAN IN THE WINDOW

Серия «Звезды мирового детектива»

Copyright © 2018 by A. J. Finn
All rights reserved
© И. Иванченко, перевод, 2018
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2018
Издательство АЗБУКА®

* * *

Посвящается Джорджу

У меня такое чувство, что в душе каждого человека есть нечто такое, о чем никто не догадывается.

Тень сомнения. Фильм Альфреда Хичкока 1943 года

**Воскресенье,
24 октября**

Глава 1

Ее муж почти на пороге дома. На этот раз он поймает ее.

На окнах дома номер двести двенадцать ни намека на шторы или жалюзи. Это ржаво-красный особняк, в котором до недавнего времени жили новобрачные Мотты, пока не развелись. Я не была знакома с ними, но время от времени заглядываю в Интернет: его резюме есть в «Линкедине», ее страничка – в «Фейсбуке». На сайте «Мейсиса» до сих пор висит их свадебный список товаров. Я все еще могу воспользоваться предложением и купить для них столовые приборы.

Как я сказала, на окнах никаких тряпок. Так что красный дом под номером двести двенадцать безучастно таращится на улицу, а я таращусь на него, наблюдая, как хозяйка ведет подрядчика в гостевую спальню. Что не так с этим домом? Это место, где умирает любовь.

Хозяйка прелестна – натуральные рыжие волосы, зеленые глаза и россыпь крошечных родинок на спине. Гораздо симпатичнее своего мужа, доктора Джона Миллера, психотерапевта – да, он консультирует женатые пары, – и одного из 436 000 Джонов Миллеров в Сети. Конкретно этот индивидуум работает у Грэмерси-парка и не признает страхование. Согласно договору о продаже, он заплатил за этот дом три миллиона шестьсот тысяч долларов. Должно быть, бизнес у него продвигается неплохо.

О жене я знаю не так уж мало. Явно не из домовитых хозяйств – Миллеры въехали два месяца тому назад, а эти окна все еще без штор, ай-ай-ай. Три раза в неделю она посещает занятия по йоге – вижу, как она спускается по лестнице, в обтягивающих легинсах, со свернутым волшебным ковриком под мышкой. И наверное, где-то работает волонтером – по понедельникам и пятницам уходит из дома чуть позже одиннадцати, примерно в то время, что я встаю, и возвращается между пятью и половиной шестого, когда я собираюсь смотреть вечерний фильм. Кстати, на этот вечер я в очередной раз выбрала «Человека, который слишком много знал». Надо признать, я из тех женщин, кто жить не может без кино.

Я заметила, она любит выпить вечером. Я тоже люблю. А любит ли она выпить утром? Как я.

Но возраст ее для меня загадка, хотя она определенно моложе и доктора Миллера, и меня. Да и пошустрее. Об имени тоже могу лишь гадать. Для меня она Рита, потому что похожа на Риту Хейворт в

«Джильде». «Меня это нисколько не интересует» – мне нравится эта фраза.

Меня же это очень интересует. Не ее тело – позвонки, выступающие на бледной спине; лопатки, напоминающие зачатки крыльев; стягивающий груди бюстгальтер младенчески-голубого цвета. Как только что-то из этого попадает в мой объектив, я сразу сдвигаю его в сторону. Нет, в фокусе моего внимания – ее жизнь. Тем более что у нее на две жизни больше, чем у меня.

Полдень. Ее муж появился из-за угла за секунду до того, как его жена притащила в дом подрядчика и захлопнула дверь. Вообще-то, это отклонение от обычного распорядка – по воскресеньям доктор Миллер обязательно возвращается домой в четверть четвертого.

Так или иначе, в настоящий момент славный доктор вышагивает по тротуару. Каждый выдох превращается в облачко пара, покачивается зажатый в руке кейс, мерцает обручальное кольцо. Я навожу объектив на его ноги: начищенные до блеска темно-красные «оксфорды» притягивают к себе осеннее солнце, с каждым шагом будто пиная его.

Поднимаю камеру выше. От моего «Никона Д5500», в особенности с объективом «Оптека», ничто не укроется: растрепанные сальные волосы, очки в тонкой дешевой оправе, островки щетины на впалых щеках. О ботинках доктор заботится лучше, чем о лице.

Возвращаюсь к номеру двести двенадцать, где Рита с подрядчиком торопливо раздеваются. Я могла бы заглянуть в телефонный справочник, позвонить и предупредить ее. Не буду. Наблюдать – все равно что фотографировать природу: нельзя вмешиваться в жизнь ее диких обитателей.

Доктор Миллер, наверное, через полминуты будет у двери. Губы его жены ласкают шею подрядчика. Она скидывает блузку.

Еще четыре шага. Пять, шесть, семь. Остается самое большое двадцать секунд.

Улыбаясь ему, она хватает зубами галстук. Теребит его рубашку. Подрядчик покусывает ее за ухо.

Ее муж перепрыгивает через битую тротуарную плитку. Пятнадцать секунд.

Я почти слышу, как галстук соскальзывает с воротника. Она швыряет свою добычу через комнату.

Десять секунд. Я снова беру крупный план, вывернув объектив почти до упора. Рука доктора ныряет в карман и вытаскивает связку ключей. Семь секунд.

Она распускает свой «конский хвост», волосы рассыпаются по плечам.

Три секунды. Он поднимается по ступеням.
Обнимая подрядчика, она страстно целует его.
Муж вставляет ключ в замок. Поворачивает.
Я приближаю ее лицо, широко раскрытые глаза. Она услышала.
Щелкаю затвором.
А потом вдруг кейс с шумом расстегивается.

Из него выпадает пачка бумаг и разлетается по ветру. Я рывком снова перевожу камеру на доктора Миллера. По его губам отчетливо читается: «Черт подери!» Он ставит кейс на ступени крыльца, придавливает несколько листов этими своими сияющими ботинками и сгребает другие бумаги в охапку. Оторвавшийся клочок застрял в ветках дерева. Доктор не замечает этого.

Рита поспешно накидывает блузку, на ходу собирает волосы в хвост и выбегает из комнаты. Растроенный подрядчик спрыгивает с кровати и запихивает свой галстук в карман.

Я шумно перевожу дух – словно из воздушного шарика выпустили воздух. Я и не догадывалась, что затаила дыхание.

Открывается входная дверь. Рита устремляется вниз по ступенькам, окликая мужа. Он поворачивается. Наверное, улыбается – отсюда не видно. Она наклоняется, подбирает с тротуара бумаги.

В дверях появляется подрядчик, одна его рука засунута в карман, другая поднята для приветствия. Доктор Миллер машет ему в ответ. Он берет кейс, поднимается на крыльцо, и мужчины обмениваются рукопожатием. Они входят в дом, за ними Рита.

Что ж. Может быть, шоу состоится в следующий раз.

**Понедельник,
25 октября**

Глава 2

Только что мимо протарахтел автомобиль – медленно и торжественно, будто катафалк. Вспыхивают в темноте задние габаритные огни.

– Новые соседи, – сообщаю я дочери.

– Из какого дома?

– Через сквер. Из двести седьмого.

Едва различимые в сумраке, как привидения, новоселы извлекают коробки из багажника.

Дочь чавкает.

– Что ты ешь? – спрашиваю я.

Конечно, это вечер китайской еды, она ест ло-мейн.

– Ло-мейн.

– Пожалуйста, только не в то время, когда разговариваешь с мамочкой.

Она вновь чавкает, причмокивая:

– Ма-ам.

Межу нами идет борьба, – к моему неудовольствию, она укоротила «мамочку» до какого-то невыразительного мычания. «Да пускай», – советует Эд. Однако он-то по-прежнему «папочка».

– Тебе надо пойти познакомиться с ними, – предлагает Оливия.

– Я бы с радостью, тыковка. – Я поднимаюсь на второй этаж, оттуда вид лучше. – О-о, здесь тыквы повсюду. У всех соседей по одной, а у Греев аж четыре. – Выхожу на площадку, с бокалом вина в руке. – Хотелось бы мне выбрать для тебя тыкву. Попроси папу, чтобы купил тебе одну. – Я прихлебываю вино. – Скажи, чтобы купил две: одну тебе, другую мне.

– Ладно.

Я мельком вижу свое отражение в темном зеркале ванной.

– Ты счастлива, милая?

– Да.

– Тебе не одиноко?

У нее никогда не было в Нью-Йорке настоящих друзей: она слишком застенчива.

– Не-а.

Я всматриваюсь в мрак над лестницей. Днем солнце проникает через куполообразный световой фонарь над головой. Ночью это широко открытый глаз, заглядывающий вглубь лестничного проема.

– Скучаешь по Панчу?

– Нет.

С котом она тоже не поладила. Однажды наутро после Рождества он двумя быстрыми ударами крест-накрест расцарапал ей запястье. На коже пропустила ярко-красная сетка, и Эд едва не вышвырнул кота в окно. Сейчас я как раз его ищу, и вот он – свернулся на диване в библиотеке и наблюдает за мной.

– Дай поговорить с папой, ягодка.

Я одолеваю следующий пролет, ощущая ступнями грубую ковровую дорожку. Ротанг. О чем мы только думали? Он так легко пачкается.

– Привет, бездельница, – приветствует меня Эд. – У тебя новые соседи?

– Да.

– А вроде недавно кто-то въехал по соседству, нет?

– Да, два месяца тому назад. В дом двести двенадцать. Миллеры.

Повернувшись, я начинаю спускаться по лестнице.

– А эти, новенькие, где живут?

– В двести седьмом. По ту сторону сквера.

– Округа меняется.

Вот и площадка. Поворачиваю.

– Они не много с собой привезли. На легковушке приехали.

– Наверное, скоро придет машина с мебелью.

– Думаю, да.

Молчание. Делаю глоток вина. Я опять в гостиной, у камина. В углах притаились тени.

– Послушай... – начинает Эд.

– У них есть сын.

– Что?

– Сын, – повторяю я, прижимаясь лбом к холодному оконному стеклу. В этом районе Гарлема еще не появились натриевые лампы, и улицу освещает лишь лимонная долька луны, но я все же различаю силуэты мужчины, женщины и высокого мальчика. Он таскает коробки к входной двери. – Подросток, – добавляю я.

– Полегче, тигрица.

Мне никак не остановиться.

– Жаль, тебя здесь нет.

Я сама захвачена врасплох. Судя по реакции, Эд тоже. Наступает пауза.

– Понимаю, тебе нужно время, – наконец произносит он.

Я молчу.

– Врачи говорят, чересчур много контактов не полезно для здоровья.

– Я тот врач, который это сказал.

– Ты одна из них.

За спиной слышится треск – в камине вспыхнула искра. С шумом разгорается пламя.

– Почему бы тебе не пригласить этих новых соседей? – спрашивает он.

Я допиваю бокал.

– Думаю, на сегодня хватит.

– Анна...

– Эд...

Кажется, я ощущаю его дыхание.

– Жаль, мы сейчас не с тобой.

Слышу удары своего сердца.

– Мне тоже жаль.

Панч спустился за мной следом. Я беру его на руки, иду в кухню. Ставлю телефон на столешницу. Еще один бокал перед сном.

Взяв бутылку за горлышко, я поворачиваюсь к окну, к трем привидениям, маячащим на тротуаре, и приветственно поднимаю бокал.

**Вторник,
26 октября**

Глава 3

Год назад мы планировали продать этот дом, даже наняли брокера. Оливия в сентябре следующего года должна была пойти в мидтаунскую школу, и Эд нашел непыльную работу в Ленокс-Хилле.

– На новом месте будет здорово, – обещал он. – Для тебя персонально я установлю биде.

Я похлопала его по плечу.

– Что такое биде? – спросила Оливия.

Но потом он ушел, и она вместе с ним... У меня опять сердце кровью обливалось, когда я вчера вспомнила первые слова так и не пригодившегося объявления: «ГАРЛЕМСКАЯ ЖЕМЧУЖИНА, ДОСТОПРИМЕЧАТЕЛЬНОСТЬ XIX ВЕКА ПОСЛЕ БЕРЕЖНОЙ РЕСТАВРАЦИИ! ЧУДЕСНЫЙ ДОМ ДЛЯ СЕМЬИ!» Полагаю, насчет «достопримечательности» и «жемчужины» можно еще поспорить. «Гарлемская» – без вопросов, как и XIX век – 1884 год постройки. «Бережная реставрация» – да, могу подтвердить, – и к тому же дорогая. «Чудесный дом для семьи» – тоже правда.

Итак, мое владение и его форпосты.

Цокольный этаж. Или, как говорит наш брокер, мезонет^[1]. Апартаменты занимают всю площадь этажа, есть отдельный вход, кухня. Ванная, спальня, небольшой кабинет. Рабочее пространство Эда на протяжении восьми лет. Он, бывало, завалит весь стол светокопиями, прибьет к стене сводки подрядчика... В настоящее время цокольный этаж сдается в аренду.

Сад. В патио можно пройти через первый этаж. Плитка из известняка, пара старых садовых кресел, молодой ясень, печально склонившийся в дальнем углу, как одинокий долговязый подросток. Часто мне хочется обнять его.

Первый этаж. Цокольный этаж у британцев – это premier étage у французов. Я не принадлежу ни к тем ни к другим, разве что стажировалась в Оксфорде – причем жила в цокольном этаже, – а в июле этого года начала изучать французский онлайн. Кухня со свободной планировкой, задняя дверь выходит в сад, а боковая – в сквер. Полы из белой бересклета, теперь они залятаны пятнами от мерло. Из коридора попадаешь в туалетную комнату – я называю ее красной комнатой. «Цвет спелого томата», согласно каталогу «Бенджамин Мур». Гостиная с диваном

и кофейным столиком. На полу персидский ковер, мягкий, как плюш, хотя далеко не новый.

Второй этаж. Библиотека Эда – полки плотно заставлены книгами с желто-коричневыми пятнами на обложках и потрескавшимися корешками. И мой кабинет – просторный, на столе от «ИКЕА» – «макинтош», поле для шахматных сражений онлайн. Ванная комната с сидячей ванной, выложенная голубой плиткой «Божественный восторг», что несколько двусмысленно для помещения с унитазом. Удобный глубокий стенной шкаф, который однажды я смогу преобразовать в темную комнату, если захочу перейти от цифры к пленке. Хотя, кажется, я теряю к этому интерес.

Третий этаж. Спальня хозяина (хозяйки?) и ванная. В этом году я много времени провела в постели. У меня программируемый матрас с двойной регулировкой. Эд запрограммировал свою сторону на мягкость пуховой перины, моя же сторона жесткая.

– Ты спиши на кирпичах, – сказал он однажды, барабаня пальцами по простыне.

– А ты – на облаке, – ответила я.

Потом он поцеловал меня – долгим, неспешным поцелуем.

После ухода Эда и Оливии, на протяжении всех этих пустых, унылых месяцев, с трудом отрываясь от простыни, я, как набегающая волна, перекатывалась с одного края кровати на другой, наматывая на себя, а затем разматывая одеяло.

Есть еще смежная гостевая спальня.

Четвертый этаж. Когда-то здесь было помещение для прислуки, а теперь спальня Оливии и вторая гостевая. Иногда по вечерам я, словно привидение, брожу по ее комнате. Порой стою в дверях, наблюдая, как в солнечном свете медленно кружатся пылинки. В иные недели я совсем не наведываюсь на четвертый этаж, и он начинает стираться из памяти, как ощущение от дождя на коже.

Как бы то ни было, завтра я снова поговорю с мужем и дочерью...

Тем временем люди на той стороне сквера исчезли.

**Среда,
27 октября**

Глава 4

Из входной двери дома двести семь, как конь из стартовых ворот, вырывается стройный подросток и галопом мчится по улице на восток, мимо моих фасадных окон. Мне не удается хорошо его рассмотреть – я проснулась рано, а накануне допоздна смотрела «Из прошлого» и теперь пытаюсь понять, поможет ли мне глоток мерло, – однако успеваю заметить промелькнувшие светлые волосы и висящий на одном плече рюкзак. Мальчик убегает.

Я медленно беру бокал, плыву наверх и устраиваюсь за письменным столом. Достаю «Нikon».

В кухне дома двести семь я вижу отца, крупного и широкоплечего, освещенного телевизором. Я подношу камеру к глазам и приближаю изображение: идет передача «Сегодня». Можно спуститься, включить телевизор, размышляю я, и смотреть передачу параллельно с соседом. Или поглядывать на его экран прямо отсюда, через объектив.

Я останавливаюсь на втором варианте.

Через некоторое время навожу объектив на фасад, а «Гугл» показывает мне вид на улицу – дом из побеленного камня, построенный со слабым намеком на боз-ар^[2] и увенчанный вдовьей площадкой. Отсюда я могу, разумеется, видеть лишь боковую часть здания – через восточные окна хорошо просматриваются кухня, гостиная на втором этаже и спальня над ней.

Вчера прибыла мебель с бригадой грузчиков, которые перетащили в дом диваны, телевизоры и старинный платяной шкаф. Разгрузкой и переноской руководил муж. Жену я не видела с вечера их приезда. Интересно, как она выглядит.

Вечером меня отрывает от компьютера звонок в домофон, помешав поставить мат программе «Рук-энд-ролл». Не спеша спускаюсь, хлопаю ладонью по сирене, отпираю дверь в прихожей и вижу, что за порогом бесцеремонно маячит мой съемщик. До чего хорош – мужественная челюсть, глазища как плошки, темные и глубокие. Ну просто Грегори Пек. Между прочим, не я одна так считаю. Как я заметила, Дэвид любит поразвлечься со случайными дамочками. По сути дела, слышала.

– Вечером отправляюсь в Бруклин, – сообщает он.

Я провожу рукой по волосам.

– Хорошо.

– Не нужна ли вам какая-нибудь помощь, пока я не уехал?

Это звучит как предложение, как фраза из фильма-нуар. «Просто сожми губы и дуй»^[3].

– Спасибо. Все хорошо.

Он, прищурившись, глядит мимо меня.

– Может, поменять лампочки? Здесь темно.

– Мне нравится полумрак, – говорю я. Хочется добавить: «Черный, как мой парень».

Это что, шутка из фильма «Аэроплан!»? «Хорошо...» Повеселиться? Провести время? Потрахаться?.. «...провести время».

Он поворачивается, собираясь уйти.

– Знаете, можете входить через дверь цокольного этажа, – стараясь говорить игриво, сообщаю я. – Есть шанс, что я буду дома.

Надеюсь, Дэвид улыбнется. Он живет здесь уже два месяца, и я ни разу не видела его улыбки.

Кивнув, он уходит.

Я закрываю дверь.

Я изучаю себя в зеркале. Сеточка морщин вокруг глаз. Падающие на плечи темные пряди, кое-где пробивается седина. Отросшие волосы под мышками. Отвислый живот. Неаппетитные ямки на бедрах. Кожа бледная, почти как у покойника; выступающие синие вены на ногах и руках.

Морщины, ямки, лохмы... Следует поработать над собой. Если верить некоторым знакомым, а также Эду, когда-то я была такой... по-домашнему уютной. И потому привлекательной. «Ты казалась мне соседской девчонкой», – грустно сказал Эд незадолго до нашей разлуки.

Я опускаю взгляд на пальцы ног, подрагивающие на плитках пола, – длинные и красивые. Это одно – или десять – из моих достоинств. Увы, в данный момент они напоминают когти хищника. Порывшись в аптечке, забитой поставленными друг на друга флаконами – совсем как тотемные столбы, – я извлекаю кусачки для ногтей. По крайней мере, эту проблему я в состоянии решить.

**Четверг,
28 октября**

Глава 5

Вчера был заключен договор купли-продажи. Мои новые соседи – Алистер и Джейн Рассел. Они заплатили за свое скромное жилище три миллиона четыреста пятьдесят тысяч долларов. «Гугл» поведал мне, что муж – партнер в некрупной консалтинговой компании, ранее размещавшейся в Бостоне. Жену вычислить не удалось – попробуйте запустить в поисковую систему «Джейн Рассел».

Веселенький квартал они выбрали.

Дом Миллеров через улицу – «оставь надежду, всяк сюда входящий» – один из пяти особняков, видных мне из южных окон. С восточной стороны стоят два совершенно одинаковых дома, названных нами «Сестры Грей»: те же сандрики над окнами, те же входные двери бутылочно-зеленого цвета. В том, что справа, живут Генри и Лиза Вассерман, аборигены. «Мы тут больше сорока лет», – похвалялась миссис Вассерман. Она заглянула после нашего переезда, чтобы сказать нам «прямо в лицо», как она «и мой Генри» возмущены появлением «еще одного клана яппи» во «вполне приличном квартале».

Эд разозлился. А Оливия назвала своего игрушечного кролика Яппи.

С тех пор Водяные, как мы их окрестили, не разговаривают со мной, хотя теперь я сама себе клан. Похоже, они не проявляют дружеских чувств и к обитателям другой «Сестры Грей» – семейству Грей, по чистому совпадению. Две девочки-подростка, близняшки; отец – служащий специализированной брокерской фирмы «Эм-энд-Эй»; мать – увлеченная хозяйка клуба книголюбов. Как написано на ее страничке митапов^[4], в этом месяце она выбрала книгу «Джуд Незаметный», которую сейчас обсуждают в ее гостиной восемь женщин среднего возраста.

Роман я читала и вообразила себя одной из этих любительниц литературы. Пробую кофейный торт, пью вино. Первое, впрочем, вряд ли, а второе вполне вероятно. «Что вы думаете о Джуде, Анна?» – спросила бы меня Кристина Грей, и я ответила бы, что нахожу его весьма незаметным. Мы посмеялись бы. По сути дела, они и сейчас смеются. Я пытаюсь веселиться за компанию, попивая вино.

На запад от Миллеров живут Такеда. Муж японец, жена белая, сын у них неземной красоты. Он виолончелист. Когда тепло, он репетирует в гостиной с открытыми окнами. Заслушав музыку, Эд, в свою очередь, тоже поднимал рамы. Давным-давно, июньским вечером, мы с Эдом танцевали

под звуки бауховской сюиты. Мальчик через улицу играл, а мы в кухне покачивались в такт; я положила голову Эду на плечо, он сплел пальцы у меня за спиной.

Нынешним летом музыка порхала у моего дома, приближалась к гостиной, робко стучала в стекло: «Впусти меня». Я не могла – никогда не открываю окна, никогда! – и все же слышала тихие мольбы: «Впусти меня. Впусти!»

К дому Такеда примыкает номер двести шесть – двести восемь, пустующий дуплекс из бурого песчаника. Два года назад его приобрела какая-то компания с ограниченной ответственностью, но никто туда не въехал. Загадка. Примерно год фасад был облеплен лесами, наподобие висячих садов. Неожиданно леса исчезли – это случилось за несколько месяцев до того, как уехали Эд с Оливией, – и с тех пор ничего не изменилось.

Вот, полюбуйтесь на мою южную империю и ее подданных. Ни один из этих людей не был моим другом, с большинством из них я встречалась не чаще одного-двух раз. Думаю, дело в городской жизни. Может быть, Водяным было что-то известно? Интересно, знают ли они о том, что стало со мной?

С востока к моему дому почти вплотную примыкает заброшенная католическая школа Святой Димфны, окна которой всегда были закрыты ставнями. Когда Оливия плохо себя вела, мы пугали ее тем, что отправим туда. Изъеденный бурый песчаник, темные от сажи стекла. По крайней мере, это то, что я помню, – уже давно глаза мои не видели этого убожества.

А на западе расположен крошечный сквер – всего лишь два на два участка. С двух сторон его защищает невысокая металлическая ограда. По нему проходит узкая, вымощенная кирпичом дорожка, вдоль нее часовыми стоят платаны с пламенеющими листьями. Она соединяет нашу улицу с той, что к северу от нас. Сквер, по словам упомянутого брокера, весьма оригинален.

По другую сторону сквера есть еще один дом, под номером двести семь. Два месяца назад семья Лорд продала его и быстренько убралась – улетела на юг: на свою виллу в Веро-Бич. Сюда переехали Алистер и Джейн Рассел.

Джейн Рассел! Моя массажистка никогда о ней не слышала. Мы разговаривали сегодня днем.

– «Джентльмены предпочитают блондинок», – сказала я.

– У меня не было такого опыта, – откликнулась она.

Бина моложе меня, – может быть, дело в этом.

Я не успела ей возразить, поскольку она, перекрутив мне ноги, опрокинула меня на правый бок. Я задохнулась от боли.

– Это нужно твоим подколенным сухожилиям, – уверила она меня.

– Ну стерва, – выдохнула я.

Она прижала мое колено к полу.

– Ты платишь мне не за то, чтобы я с тобой миндальничала.

Я прищурилась.

– Можно заплатить тебе за то, чтобы ты ушла?

Бина приходит ко мне раз в неделю, чтобы поддержать во мне ненависть к жизни, как я люблю повторять, и сообщить свежие новости о своих сексуальных приключениях, почти таких же захватывающих, как мои. Только в случае с Биной это происходит потому, что она разборчивая. «Половина парней в таких приложениях вывешивает свои снимки пятилетней давности, – жалуется она, перекинув через плечо каскад волос, – а другая половина – женатики. А еще одна половина имеет вескую причину оставаться в холостяках».

Получается три половины, однако бессмысленно вступать в математические дебаты с человеком, ломающим вам спину.

Я зарегистрировалась в «Хаппн»^[5] месяц назад – хотелось просто посмотреть, как я говорила себе. Бина объяснила, что «Хаппн» сводит с людьми, с которыми уже приходилось встречаться. А что, если вам ни с кем не приходилось встречаться? Что, если вы вечно топчетесь на одних и тех же четырех тысячах квадратных футов, размещенных на разных уровнях, и больше нигде не бываете?

Не знаю. Первый же попавшийся мне профиль принадлежал Дэвиду. Я моментально удалила свой аккаунт.

Прошло четыре дня с тех пор, как я мельком увидела Джейн Рассел. У нее явно не те формы, что были даны от природы, – груди-торпеды, осиная талия, – но ведь и у меня тоже не те. Сын Расселов попался мне на глаза лишь раз, вчера утром. А вот муж – широкие плечи, косматые брови, острый нос – постоянно маячит в доме: взбивает яйца в кухне, читает в гостиной, время от времени бросая взгляд в спальню, словно кого-то там ищет.

**Пятница,
29 октября**

Глава 6

Сегодня у меня урок французского, а вечером «Дьяволицы». Муж – подонок, жена – «маленькая развалина», любовница, убийство, пропавший труп. Можете представить себе пропавший труп?

Но сначала деловые контакты. Я глотаю пилюли, сажусь за компьютер,двигаю мышью в одну сторону, ввожу пароль. И вхожу в «Агору».

Каждый час в любое время суток там регистрируются по меньшей мере несколько десятков пользователей. Плеяда, разбросанная по всему миру. Некоторых я знаю по имени: Талия с залива Сан-Франциско, Фил из Бостона, адвокат из Манчестера с неадвокатским именем Митзи, боливиец Педро, чей искаженный английский, вероятно, не хуже моего пиджин-французского. Другие идут под никами, включая меня, – в какой-то момент я называлась Энн-аграфоб, но потом выложила себя другому пользователю как психолога, и сообщение быстро разошлось. Так что теперь я ВрачПришел. Сейчас он вас осмотрит.

Аграфобия в переводе – боязнь открытого пространства, на практике – термин для целого ряда неврозов страха. Впервые документирована в конце 1800-х, затем столетие спустя «описана как независимый объект диагностики», хотя в основном сопутствует неврозу страха. Если пожелаете, можете прочитать об этом в «Руководстве по диагностике и статистике психических расстройств», пятое издание. Кратко «РДС-5». Это заглавие всегда веселило меня – звучит как медиафраншиза. Понравился фильм «Психоз-4»? Сиквел вам тоже придется по душе.

Когда дело касается диагностики, медицинская литература становится почти что художественной. «Аграфобия... распространяется на пребывание вне дома в одиночестве, нахождение в толпе или нахождение в очереди, пребывание на мосту». Я бы много дала, чтобы постоять на мосту. Черт, да ничего не жалко, чтобы потолкаться в очереди. Вот это мне тоже нравится: «Нахождение в центре театрального ряда». Центральные места, не меньше.

Если вас это интересует, читайте со сто тринадцатой страницы до сто тридцать третьей.

Многие из нас – пострадавшие наиболее сильно, борющиеся с посттравматическим расстройством – не выходят из дома, прячась от огромного неприветливого мира. Одни страшатся движущейся толпы, другие – шквала транспорта на дорогах. На меня наводят панику простор

неба, бесконечный горизонт, появление на людях, сокрушительный натиск улицы. «РДС-5» расплывчено называет все это открытыми пространствами, опираясь на сто восемьдесят шесть постраничных примечаний.

Как врач, утверждаю, что страждущий ищет окружение, которое он может контролировать. Такова клиническая точка зрения. Как страждущий (это слово подходит), я говорю, что агорафобия скорее не разрушила мою жизнь, а стала ею.

Меня приветствует долгожданная картинка «Агоры». Просматриваю форумы, темы. «Три месяца торчу дома». Понимаю, Кала88, сама почти десять месяцев взаперти. «Агора зависит от настроения?» Больше похоже на социальную фобию, Ранняя Пташка. Или проблемы со щитовидкой. «Никак не могу найти работу». О, Меган, я знаю, каково это, и мне жаль. Благодаря Эду работа мне не нужна, но так не хватает моих пациентов! Я беспокоюсь за них.

Какая-то новенькая написала мне письмо по электронке. Отсылаю ее к руководству по выживанию, которое состряпала весной: «Значит, у вас невроз страха». Полагаю, это звучит мило и непринужденно.

Вопрос: Как мне питаться?

Ответ: «Блю эпрон», «Плэйтед», «Хеллофреш»... В Штатах полно вариантов доставки! Живущие за границей, вероятно, смогут найти аналогичные службы.

Вопрос: Как мне получать лекарства?

Ответ: Сейчас все основные аптеки приходят прямо к вам на порог. Если есть проблемы, попросите вашего врача объяснить ситуацию в местной аптеке.

Вопрос: Как содержать дом в чистоте?

Ответ: Убирайте его! Найдите клининговое агентство или делайте это сами.

Кстати, я не делаю ни того ни другого. Моему дому не помешала бы влажная уборка.

Вопрос: А вынести мусор?

Ответ: Об этом позаботится уборщик, или попросите друга помочь.

Вопрос: Как спастись от скуки?

Ответ: Ну, это сложный вопрос...

И так далее. В целом я довольна документом. Была бы счастлива получить подобное руководство.

На экране появляется чат.

Салли4-я: Привет, док!

Чувствую, как уголки моих губ тронула улыбка. Салли: двадцать шесть, живет в Перте. На нее напали в этом году в пасхальное воскресенье. Сломанная рука, сильные ушибы глаз и всего лица. Насильник так и не опознан и не задержан. Салли провела четыре месяца дома, в изоляции – в самом изолированном городе мира, но в течение последних десяти недель начала выходить из дома. Ей это на пользу, по ее словам. Помощь психолога, аверсивная терапия^[6] и пропранолол. Никаких бета-блокаторов.

ВрачПришел: Привет тебе! Все хорошо?

Салли4-я: Все хорошо! Пикник сегодня утром!!

Ей всегда нравились восклицательные знаки, даже в разгар депрессии.

ВрачПришел: Как все прошло?

Салли4-я: Выжила! 😊

К тому же она эмоциональна.

ВрачПришел: Молодчина! Как тебе индерал?

Салли4-я: Хорошо, уменьшила до 80 мг.

ВрачПришел: Два раза в день?

Салли4-я: Один!!

ВрачПришел: Минимальная доза! Потрясающе! Побочные эффекты есть?

Салли4-я: Сухость глаз, вот и все.

Удачно. Я принимаю аналогичное лекарство, кроме прочих, и время от времени голова просто разрывается от головной боли. «Пропранолол может вызывать мигрень, аритмию сердца, учащение дыхания, депрессию, галлюцинации, сильную кожную реакцию, тошноту, диарею, снижение либидо, бессонницу и сонливость».

– В чем медицина нуждается, так это в увеличении числа побочных эффектов, – сказал мне как-то Эд.

– Спонтанное возгорание, – предположила я.

- Неудержимый понос.
- Медленная мучительная смерть.

ВрачПришел: Рецидивы были?

Салли4-я: На той неделе у меня была трясучка.

Салли4-я: Но я справилась.

Салли4-я: Делала дыхательные упражнения.

ВрачПришел: Старый бумажный пакет.

Салли4-я: Чувствую себя идиоткой, но это работает.

ВрачПришел: Так и есть. Молодец.

Салли4-я: Спасибо. 😊

Отпиваю вино. Всплывает другой чат: Эндрю, мужчина, с которым я познакомилась на сайте любителей классического кино.

«Серия по произведениям Грэма Грина и „Анжелика“ на этой неделе?»

Я задумываюсь. «Поверженный идол» – мой любимый фильм. Обреченный дворецкий, зловещий бумажный самолетик... И уже пятнадцать лет прошло, как я смотрела «Министерство страха». Старые фильмы – именно они сблизили меня с Эдом.

Но я не объяснила свою ситуацию Эндрю. В итоге: «Недоступна».

Возвращаюсь к Салли.

ВрачПришел: Общаешься с психологом?

Салли4-я: Да, спасибо. Один раз в неделю. Она говорит, у меня отличный прогресс.

Салли4-я: Главное – лекарства и постельный режим.

ВрачПришел: Ты хорошо спишь?

Салли4-я: По-прежнему бывают дурные сны.

Салли4-я: А у вас?

ВрачПришел: Я много сплю.

Возможно, чересчур много. Следует сказать об этом доктору Филдингу. Не знаю, скажу ли.

Салли4-я: А как ваш прогресс? Готовы к битве?

ВрачПришел: Я не такая шустрая, как ты! ПТСР – настоящее чудовище. Но я крутая.

Салли4-я: Так и есть!

Салли4-я: Просто хотела узнать, как там мои друзья, –

думаю обо всех вас!!!

Я прощаюсь с Салли, и в этот момент звонит по скайпу мой репетитор.
– Бонжур, Ив, – бормочу я себе под нос.

Я отвечаю не сразу, осознавая, что с нетерпением жду встречи с ним. Эти иссиня-черные волосы, этот смуглый румянец на щеках... Эти брови, сходящиеся домиком, когда его озадачивает мое произношение, что бывает нередко.

Если Эндрю опять объявится, проигнорирую его. Может быть, навсегда. Классическое кино – это то, что роднит нас с Эдом. И ни с кем другим.

Переворачиваю стоящие на моем столе песочные часы и наблюдаю, как пульсирует пирамидка из песка, теряя песчинки, утекающие тонкой струйкой. Так много времени утекло... Почти год. Я почти год не выходила из дома.

Ну, практически не выходила. Пять раз за восемь недель я отважилась выйти наружу, в сад. С помощью «секретного оружия», как называет его доктор Филдинг, то есть моего зонта. Вернее, это зонт Эда – хитроумное изобретение компании «Лондон фог». Впрочем, довольно хлипкое. Доктор Филдинг, такой же хлипкий и хитроумный, должен стоять в саду как пугало, когда я tolknу дверь, выставив перед собой зонтик. Я напряженно всматриваюсь в купол, в ребра и кожу зонта. Темная клетчатая ткань, четыре черных квадрата на каждом сегменте купола, четыре пересекающиеся белые линии. Четыре квадрата, четыре линии. Четыре черных, четыре белых. Вдохни, сосчитай до четырех. Выдохни, сосчитай до четырех. Четыре. Магическое число.

Я выставляю перед собой зонт как саблю, как щит.

А потом делаю шаг на улицу.

Выдох, два, три, четыре.

Вдох, два, три, четыре.

Нейлон сверкает на солнце. Я спускаюсь на первую ступеньку (ступенек, естественно, четыре) и, чуть поворачивая зонт к небу, украдкой смотрю на ботинки и голени доктора. В моем периферическом зрении мир переливается как вода, которая вот-вот зальет водолазный колокол.

– Помните, у вас есть «секретное оружие», – говорит доктор.

Это никакой не секрет, хочется мне закричать, это чертов зонтик, которым я размахиваю средь бела дня.

Выдох, два, три, четыре, вдох, два, три, четыре – и неожиданно у меня

получается. Что-то помогает мне спуститься по ступенькам (выдох, два, три, четыре) и пройти несколько ярдов по лужайке (вдох, два, три, четыре). Пока на меня волной не накатывает паника, застилая мне взор и заглушая голос доктора Филдинга. А потом... лучше об этом не думать.

**Суббота,
30 октября**

Глава 7

Гроза. Ясень клонится на ветру, известняк поблескивает, серый от влаги. Помню, как однажды уронила бокал в патио – он лопнул, будто мыльный пузырь, мерло темной кровью разлилось по земле, заполняя вены каменной кладки и подбираясь к моим ногам.

Когда небо нависает над головой, я иногда представляю себя высоко-высоко – в самолете или на облаке, – обозревающей раскинувшийся внизу остров: спицы мостов его восточного берега; автомобили, летящие к нему как мотыльки на свет лампы.

Моя кожа давно не ощущала капель дождя. Или порывов ветра, чуть не сказала – ласки, хотя это звучит как строчка из романа, купленного в супермаркете.

Но это так. И целую вечность не чувствовала тающих на щеках снежинок. Правда, снега я больше не хочу.

Утром мне доставили фреш из персиков и яблок «гренни смит». Интересно, как им это удалось.

В день нашего знакомства на артхаусном просмотре «39 ступеней» мы с Эдом сравнивали наши истории. Я рассказала ему, что моя мать воспитала меня на старых триллерах и классическом нуаре. Подростком я предпочитала компании одноклассников общество Джин Тирни и Джимми Стюарта.

– Не могу понять, мило это или грустно, – вздохнул Эд, до сего дня не видевший ни одного черно-белого фильма.

Через два часа он целовал меня в губы.

«Хочешь сказать, это ты меня поцеловала». Я представляю себе, как он это произносит.

В те годы, до рождения Оливии, мы, бывало, по меньшей мере раз в неделю смотрели кино: старомодные ленты, полные саспенса, из моего детства: «Двойная страховка», «Газовый свет», «Диверсант», «Большие часы»… В те вечера мы жили в монохромном мире. Для меня это был шанс увидеть старых друзей, для Эда – возможность обрести новых.

И мы составляли списки. Франшизу на «Тонкого человека», начиная с лучшего (оригинал) и кончая худшим («Песня тонкого человека»). Лучшие картины небывалого урожая 1944-го. Прекраснейшие моменты Джозефа

Коттена.

Разумеется, я могу составлять собственные списки. Например: лучшие хичкоковские фильмы, не снятые Хичкоком. Вот, пожалуйста: «Мясник», ранний Клод Шаброль, – фильм, который, как известно, собирался снять Хич. «Черная полоса» с Хамфри Богартом и Лорен Бэкколл – «валентинка» из Сан-Франциско; эту ленту можно назвать предшественницей всех фильмов, в которых герой, чтобы изменить внешность, ложится под нож пластического хирурга. «Ниагара» с Мэрилин Монро, «Шарада» с Одри Хепбёрн, «Внезапный страх» с бровями Джоан Кроуфорд в главной роли. «Дождь темноты» – здесь вновь блестает Хепбёрн. Ее героиня, ослепшая женщина, оказалась в затруднительном положении в своей квартире в цокольном этаже. Я в моем полуподвале обычно впадаю в бешенство.

Теперь фильмы, вышедшие после Хича. «Исчезающий», с его неожиданным финалом. «Неукротимый», ода мастеру Полански. «Побочный эффект», который начинается как длинное скучное повествование, направленное против фармакологии, а потом плавно переходит в совершенно иной жанр.

Ладно.

Известны неправильные цитаты из фильмов. «Сыграй еще, Сэм» – будто бы из «Касабланки», хотя ни Богарт, ни Бергман этого не говорили. «Он жив» – Франкенштейн не приписывал своему монстру какой-либо пол, там суворо сказано: «Оно живое». «Элементарно, мой дорогой Ватсон» – действительно появляется в первом же звуковом фильме про Холмса, но вы этого не найдете в романе Конан Дойла.

Ладно.

Что дальше?

Я открываю ноутбук, захожу на «Агору». Сообщение от Митзи из Манчестера, сообщение об успехах Ямочек 2016 из Аризоны. Ничего примечательного.

В гостиной дома двести десять мальчик Такеда проводит смычком по виолончели. На восток от него четверо Греев, спасаясь от дождя, со смехом взбегают по ступеням крыльца. На той стороне сквера Алистер Рассел в кухне наливает в стакан воду из-под крана.

Глава 8

Ближе к вечеру я наполняю стакан калифорнийским пино нуар, и вдруг раздается звонок в дверь. Я роняю стакан.

Он разбивается, вино длинным языком выплескивается на доски из белой березы.

– Твою мать! – ору я.

Надо заметить, в отсутствие людей я ругаюсь чаще и громче. Эд поразился бы. Я тоже поражена.

Успеваю схватить ворох бумажных полотенец, но в этот момент снова звонят. Кого это черт принес? Я подумала или уже сказала это? Дэвид час назад уехал на работу в Ист-Гарлем – я видела его из кабинета, – и я не ожидаю никакой доставки. Наклонившись, прикрываю пятна полотенцами и иду к двери.

На экране переговорного устройства – высокий парень в узком пиджаке, сжимающий в руках белую коробочку. Сын Расселов.

Я нажимаю кнопку для переговоров.

– Да? – спрашиваю я.

Менее ласково, чем «Привет», более любезно, чем «Кого это черт принес?».

– Я живу на той стороне сквера! – едва не кричит он невероятно милым голосом. – Мама просила вам это передать.

Я смотрю, как он подносит коробку к динамику, потом, засомневавшись, там ли находится камера, медленно поворачивается, поднимая подарок над головой.

– Можешь просто... – начинаю я.

Стоит ли просить его оставить коробку в холле? Боюсь, это не очень-то по-соседски, но я два дня не принимала ванну, кроме того, парня может укусить кот.

Мальчик по-прежнему стоит на крыльце, высоко держа коробку.

– ...войти, – заканчиваю я, нажимая кнопку.

Слышу, как открывается замок, и иду к двери с опаской – так подбирается Панч к чужим людям. Во всяком случае, он делал это раньше, когда в дом являлись незнакомцы.

На заиндевевшее стекло падает смутная стройная тень, как от молодого деревца. Я поворачиваю ручку.

Он и вправду высокий, с детским лицом и голубыми глазами, волной

рыжеватых волос и едва заметным шрамом, который прорезает одну бровь и задевает лоб. Ему лет пятнадцать. Он похож на одного знакомого мальчика, с которым я когда-то целовалась в летнем лагере в Мэне, четверть столетия тому назад. Мне нравится гость.

– Итан, – представляется он.

– Входи, – повторяю я.

Он входит.

– Здесь темно.

Я щелкаю выключателем.

Пока я разглядываю его, он изучает комнату: картины, кота, разлегшегося на кушетке, холмик намокших полотенец на кухонном полу.

– Что случилось?

– Маленькая авария, – говорю я. – Меня зовут Анна. Фокс, – добавляю на тот случай, если он приучен к формальностям.

По возрасту я могла бы быть его матерью. Молодой матерью, впрочем.

Мы обмениваемся рукопожатием, затем Итан протягивает мне блестящую коробочку, перевязанную лентой.

– Это вам, – застенчиво произносит он.

– Поставь сюда, пожалуйста. Выпьешь что-нибудь?

Он подходит к кушетке.

– Можно мне воды?

– Конечно. – Я возвращаюсь в кухню, убираю разгром. – Со льдом?

– Нет, спасибо.

Я наполняю стакан, затем другой, не обращая внимания на бутылку пино нуар, стоящую на столешнице.

Коробочка лежит на кофейном столике рядом с ноутбуком. Я еще не вышла из «Агоры». Мне только что удалось в процессе беседы с ДискоМики погасить у него начинавшийся приступ паники. На экране крупными буквами написаны слова благодарности.

– Хорошо, – говорю я, садясь рядом с Итаном, и ставлю перед ним стакан. Потом захлопываю ноутбук и беру подарок. – Посмотрим, что у нас там.

Тяну за ленточку, откидываю крышку и достаю из вороха оберточной бумаги свечу. В полупрозрачном парафине видны цветочки, как насекомые в янтаре. Подношу свечку ближе, чтобы рассмотреть.

– Лаванда, – сообщает Итан.

– Я так и думала. – Нюхаю подарок. – Люблю лаванду.

Итан улыбается краем рта, словно его потянули за веревочку. Я понимаю, что через несколько лет он превратится в красивого мужчину.

Этот шрам женщины оценят. Возможно, девочкам он уже сейчас нравится. Или мальчикам.

– Мама просила меня передать это вам. Уже несколько дней назад.

– Очень чутко с ее стороны. Но на самом деле это вам новые соседи должны делать подарки.

– Одна леди уже заходила, – говорит он. – Она сказала, что для нашей маленькой семьи не нужен такой большой дом.

– Готова поспорить, это была миссис Вассерман.

– Да.

– Не обращайте внимания.

– Мы так и сделали.

Панч соскочил с кушетки на пол и осторожно приближается к нам. Итан наклоняется вперед, кладет руку на ковер ладонью вверх. Кот замирает, потом плавно подходит к нам и, понюхав пальцы Итана, лижет их. Итан хихикает.

– Мне нравятся кошачьи языки, – говорит он, словно признаваясь в чем-то.

– Мне тоже. – Я отпиваю воду. – Они покрыты крошечными шипами – крошечными иголками, – говорю я на случай, если он не знает слова «шип». До меня доходит, что я не знаю, как разговаривать с подростком, – моим самым старшим пациентам было двенадцать. – Зажечь свечку?

Итан с улыбкой пожимает плечами:

– Конечно.

В ящике стола нахожу коробок спичек вишнево-красного цвета с надписью: «Рыжий кот». Я вспоминаю, как ужинала в этом ресторане с Эдом более двух лет назад. Кажется, мы ели тажин из курицы, и, припоминаю, Эд одобрил вино. В то время я так много не пила.

Чиркнув спичкой, я зажигаю фитилек.

– Посмотри только, – говорю я, когда в воздухе появляется язычок пламени и цветы озаряются светом. – Как мило.

Наступает молчание. Панч вьется вокруг ног Итана, потом запрыгивает к нему на колени. Итан с довольным видом смеется.

– Похоже, ты ему нравишься.

– Пожалуй, да, – говорит он, согнутым пальцем легонько почесывая кота за ухом.

– Он не выносит большинства людей. Дурной характер.

Раздается низкое урчание, будто тихо работает двигатель. Панч мурлычет.

Итан улыбается.

– Он у вас домашний?

– Для него есть кошачья дверка в кухонной двери. – Я указываю на нее. – Но он в основном бывает дома.

– Хороший мальчик, – бормочет Итан, когда Панч зарывается к нему под мышку.

– Как тебе ваш новый дом? – спрашиваю я.

Итан отвечает не сразу, массируя голову кота костяшками пальцев.

– Скучаю по старому, – говорит он после заминки.

– Еще бы. Где вы жили раньше?

Разумеется, ответ мне известен.

– В Бостоне.

– Почему вы переехали в Нью-Йорк?

Этот ответ я тоже знаю.

– Папа получил новую работу. – (Формально был перевод, но вряд ли я буду сейчас спорить.) – Здесь у меня комната больше, – сообщает он так, словно эта мысль только что пришла ему в голову.

– Прежние хозяева провели большую реконструкцию.

– Мама говорит, это была адская работа.

– Точно. Адская работа. И они объединили несколько комнат наверху.

– Вы были в моем доме? – спрашивает он.

– Несколько раз. Я не очень хорошо знала этих Лордов. Но они каждый год перед отпуском устраивали вечеринку, и я к ним ходила.

По сути, последний раз я была у них год назад. Вместе с Эдом. Две недели спустя он ушел от меня.

Я понемногу расслабляюсь. В первый момент приписываю это обществу Итана – с ним так легко, даже кот это чувствует, – но потом начинаю осознавать, что возвращаюсь в режим психоаналитика, к живому диалогу. Любознательность и сострадание – инструменты моего ремесла.

И я на миг оказываюсь в своем кабинете на Восточной Восемьдесят восьмой, в маленькой, тихой, неярко освещенной комнате, где напротив друг друга стоят два глубоких кресла, а между ними голубой ковер на полу. Шелестит батарея отопления.

Дверь отодвигается, и в приемной видны диван, деревянный стол, на котором лежат стопки журналов «Хайлайтс» и «Рейнджер Рик», коробка лего. В углу мурлычет генератор белого шума.

А вот дверь в кабинет Уэсли. Уэсли Брилл – мой деловой партнер, научный руководитель, человек, который посоветовал мне заняться частной практикой. Мы называли его Уэсли Бриллиант. Неопрятные волосы, непарные носки, и при этом блистательный и быстрый как молния ум и

громовой голос. Я вижу его в кабинете – вот он развалился в кресле, вытянув длинные ноги к центру комнаты и положив на колени книгу. Окно открыто, он вдыхает зимний воздух. Только что курил. Он поднимает глаза.
«Привет, Фокс», – говорит он.

– Здесь у меня комната больше моей прежней, – повторяет Итан.

Я откидываюсь назад, закидываю ногу на ногу. Эта поза кажется мне немного нелепой. Не помню, когда я последний раз так сидела.

– В какую школу ты ходишь?

– В домашнюю школу, – говорит он. – Меня учит мама. – Пока я думаю, как ответить, он кивает на фотографию, стоящую на приставном столике. – Это ваша семья?

– Да. Муж и дочь. Эд и Оливия.

– Они сейчас дома?

– Нет, они здесь не живут. Мы расстались.

– А-а. – Он гладит Панча по спине. – Сколько ей лет?

– Восемь. А тебе сколько?

– Шестнадцать. Семнадцать будет в феврале.

Что-то в этом роде сказала бы и Оливия. Он выглядит моложе своих лет.

– Моя дочь тоже родилась в феврале. В День святого Валентина.

– А я двадцать восьмого.

– Еще немного, и угодил бы в високосный год, – говорю я.

Итан кивает.

– Чем вы занимаетесь?

– Я психолог. Работаю с детьми.

Он морщит нос:

– Зачем детям психолог?

– Причины самые разные. У одних проблемы в школе, у других сложности дома. Для кого-то даже переезд на новое место вызывает затруднения.

Итан молчит.

– Так что, полагаю, если ты учишься дома, тебе не мешает встречаться с друзьями.

– Папа нашел для меня команду по плаванию, – вздыхает он.

– Давно занимаешься?

– С пяти лет.

– Наверное, ты здорово плаваешь.

– Да, хорошо. Отец говорит, я способный.

Я киваю.

– Довольно-таки хорошо, – скромно признается он. – Я учу.
– Учишь плаванию?
– Людей с физическими недостатками, – добавляет он.
– Инвалидов вследствие порока развития?
– Ага. Я много занимался этим в Бостоне. Здесь я тоже хочу этим заняться.

– С чего это началось?

– У сестры моего друга синдром Дауна. Пару лет назад она посмотрела Олимпийские игры и захотела научиться плавать. И вот я стал учить эту девочку и других детей из ее школы. А потом подключился ко всей этой... – он подыскивает слово, – сфере.

– Здорово.

– Меня не интересуют вечеринки или что-то в этом роде.

– Не твоя сфера.

– Да. – Итан улыбается. – Совсем не моя. – Он крутит головой, разглядывая кухню. – Из моей комнаты виден ваш дом, – говорит он. – Вон оттуда.

Я поворачиваюсь. Если он видит наш дом, значит у него вид на восток, на мою спальню. Мысль об этом меня не беспокоит, – в конце концов, он всего лишь подросток. Во второй раз я задумываюсь о том, не гей ли он.

А потом я замечаю, как глаза у Итана становятся словно стеклянными.

– О-о... – Я смотрю вправо – в моем офисе с этой стороны под рукой были бумажные платки.

Вместо этого вижу фотографию, с которой мне щербатым ртом широко улыбается Оливия.

– Извините, – шепчет Итан.

– Не надо извиняться, – говорю я. – Что случилось?

– Ничего. – Он трет глаза.

Я пережидаю. Он ребенок, напоминаю я себе, – высокий, с ломающимся голосом, но еще ребенок.

– Я скучаю по друзьям, – бормочет он.

– Не сомневаюсь. Конечно.

– Я никого здесь не знаю.

По щеке у него скатывается слеза. Он смахивает ее тыльной стороной ладони.

– Переезд – штука непростая. Поселившись здесь, я не сразу смогла обзавестись знакомыми.

Итан громко шмыгает носом.

– Когда вы переехали?

– Восемь лет назад. Или теперь уже фактически девять. Из Коннектикута.

Он опять шмыгает носом и теребит его пальцем.

– Это не так далеко, как Бостон.

– Да. Но, откуда бы ты ни приехал, привыкать к новому месту нелегко.

Мне хочется его обнять. Не стану. Сразу представляется строчка: «МЕСТНАЯ ОТШЕЛЬНИЦА СОВРАЩАЕТ СОСЕДСКОГО РЕБЕНКА».

С минуту мы сидим в молчании.

– Можно еще воды? – спрашивает он.

– Сейчас принесу.

– Нет, не беспокойтесь.

Он встает. Панч соскальзывает по его ноге и распластывается под кофейным столиком.

Итан подходит к раковине. Пока из крана бежит вода, я поднимаюсь, подхожу к телевизору и выдвигаю ящик под ним.

– Любишь фильмы? – интересуюсь я.

Ответа нет. Повернувшись, я вижу, что он стоит у кухонной двери и смотрит на сквер. Рядом с ним флуоресцируют бутылки в контейнере для переработки. В следующий миг Итан поворачивается ко мне.

– Что?

– Любишь фильмы? – повторяю я, и он кивает. – Иди посмотри. У меня большая видеотека. Очень большая. Чересчур большая, как говорит мой муж.

– Я думал, вы в разводе, – бормочет Итан, подходя ко мне.

– Но он по-прежнему мой муж. – Я рассматриваю кольцо на левой руке, верчу его. – Но ты прав. – Я указываю на открытый ящик. – Если захочешь что-нибудь взять, милости прошу. У вас есть дивиди-плеер?

– У папы есть дисковод в ноутбуке.

– Подойдет.

– Он может мне его одолжить.

– Будем надеяться.

Я начинаю представлять себе Алистера Рассела.

– Какие фильмы?

– В основном старые.

– Типа черно-белые?

– В основном черно-белые.

– Никогда не видел черно-белого фильма.

Я делаю круглые глаза.

– Ты получишь удовольствие. Все лучшие фильмы – черно-белые.

Он смотрит с сомнением, но заглядывает в ящик. Там почти две сотни спилкейсов с фильмами из коллекции «„Критерион“ и кино», хичкоковская коллекция «Юниверсал», систематизированная коллекция фильмов-нуар, «Звездные войны» (я всего лишь человек). Просматриваю надписи на корешках: «Ночь и город», «Водоворот», «Это убийство, моя милочка».

– Вот. – Я вытаскиваю диск и протягиваю его Итану.

– «Когда настанет ночь», – читает он.

– Подходит для начала. Напряженный, но не слишком страшный.

– Спасибо. – Итан пытается откашляться. – Извините. – Он делает глоток воды из стакана. – У меня аллергия на кошек.

Смотрю на него с удивлением:

– Почему ты ничего не сказал? – И бросаю сердитый взгляд на кота.

– Он такой дружелюбный. Не хотел обижать его.

– Это смешно, – говорю я. – Но очень мило.

Итан улыбается.

– Пожалуй, я пойду. – Он ставит на кофейный столик свой стакан, наклоняется и, глядя через стекло на Панча, обращается к нему: – Не из-за тебя, приятель. Ты хороший мальчик.

Выпрямившись, Итан отряхивает джинсы.

– Дать тебе чистящий ролик?

Я не уверена, что он у меня есть.

– Не беспокойтесь. – Он оглядывается по сторонам. – Можно мне в туалет?

Указываю на красную комнату:

– К твоим услугам.

Пока он находится там, я смотрюсь в зеркало. Вечером нужно обязательно принять душ. В любом случае не позднее завтрашнего дня.

Я возвращаюсь к дивану и открываю ноутбук. «Спасибо за помощь, – пишет ДискоМики. – Вы моя героиня».

Быстро выстукиваю ответ и слышу, как сливается вода в унитазе. Через секунду появляется Итан, вытирая ладони о джинсы.

– Все в порядке, – докладывает он.

Потом, засунув руки в карманы, шагает к двери развинченной походкой школьника.

Я иду следом.

– Спасибо, что зашел.

– Увидимся, – произносит он, открывая дверь.

«Это вряд ли», – думаю я, а вслух говорю:

– Обязательно.

Глава 9

После ухода Итана я вновь смотрю «Лору». Не должно подействовать: Клифтон Уэбб упивается пейзажами, Винсент Прайс пробует южный акцент – словом, лед и пламень. Но все же действует, и – ах! – эта музыка. «Мне прислали сценарий, а не партитуру», – пожаловалась однажды Хеди Ламарр.

Я оставляю свечку зажженной, колеблется маленький язычок пламени.

А затем, напевая себе под нос мелодию из «Лоры», я провожу пальцем по экрану телефона и вхожу в Интернет, чтобы найти своих пациентов. Бывших пациентов. Десять месяцев назад я потеряла всех: девятилетнюю Мэри, которая пыталась противостоять разводу родителей; восьмилетнего Джастина, брат-близнец которого умер от меланомы; Анну-Марию, в свои двенадцать по-прежнему боящуюся темноты. Я потеряла Рашида (одиннадцать лет, транссексуал) и Эмили (девять лет, жертва буллинга); потеряла страдающую депрессией десятилетнюю девочку, которую, как это ни странно, звали Джой^[7]. Я потеряла их слезы, тревоги, гнев и радость. Потеряла девятнадцать детей. Двадцать, если считать мою dochь.

Разумеется, мне известно, где сейчас Оливия. За остальными я стараюсь наблюдать. Не слишком часто – психолог не обязан собирать сведения о своих пациентах, включая бывших, – но раз в месяц или около того я в порыве тоски обращаюсь к Сети. В моем распоряжении несколько интернет-ресурсов: фантомный аккаунт в «Фейсбуке», банальный профиль в «Линкедине». Правда, для молодежи подходит только «Гугл».

Изучив текст состязания по орфографии для Авы и правила выборов в ученический совет для Джейкоба, просмотрев в «Инстаграме» альбомы матери Грейс, прокрутив «Твиттер» Бена, осушив слезы и прикончив три бокала красного вина, я снова в спальне – пролистываю фото на телефоне. А потом я вновь разговариваю с Эдом.

- Угадай кто, – как всегда, говорю я.
- Ты здорово напилась, бездельница, – замечает он.
- Долгий был день. – Взглянув на пустой бокал, я чувствую укол вины. – Чем занимается Ливви?
- Готовится к завтрашнему дню.
- О-о. Какой у нее костюм?
- Привидения, – отвечает Эд.
- Тебе повезло.

– В каком смысле?

Я смеюсь.

– В прошлом году она изображала пожарную машину.

– Черт, на это ушло несколько дней.

– У меня на это ушло несколько дней.

Я слышу, как он ухмыляется.

На той стороне сквера на третьем этаже в глубине темной комнаты светится экран компьютера. Вижу освещенный стол, настольную лампу и Итана. Он снимает свитер. Действительно, наши спальни находятся друг против друга.

Он поворачивается с опущенными глазами и стаскивает с себя рубашку. Я отвожу взор.

**Воскресенье,
31 октября**

Глава 10

Сквозь окно спальни просачивается тусклый утренний свет. Я перекатываюсь на другую сторону кровати, ударившись бедром о ноутбук. До поздней ночи играла в шахматы. Мои кони повержены, ладьи разбиты.

Тащусь в душ, а потом из душа, замотав голову полотенцем и освежив подмышки дезодорантом. Готова для битвы, как говорит Салли. Счастливого Хеллоуина.

Конечно, сегодня вечером я никому не стану открывать дверь. Дэвид уйдет в семь, – по-моему, он сказал, что отправится в центр. Держу пари, там будет весело.

Чуть раньше он предложил оставить на крыльце вазочку с конфетами.

– Любой ребенок моментально унесет это с собой – вазочку и все прочее, – сказала я Дэвиду.

Похоже, он рассердился.

– Увы, я не детский психолог, – отрезал он.

– Чтобы это понять, не нужно быть детским психологом. Нужно быть ребенком.

Так что я намерена выключить свет и сделать вид, что никого нет дома.

Я открываю мой сайт фильмов. Эндрю сейчас онлайн, он прислал ссылку на статью Полин Кейл о фильме «Головокружение» – «глупый», «поверхностный» – и под этим размещает комментарий: «Разве это не тот нуар, при просмотре которого хочется держаться за руки?» («Третий человек». Звучит последний одиночный выстрел.)

Я читала статью Кейл и пишу ему об этом. Через пять минут он покидает сайт.

Не помню, когда меня последний раз держали за руку.

Глава 11

Бац!

Стук в дверь с улицы. На сей раз я, свернувшись калачиком на диване, смотрю «Риффи»^[8] – долгую сцену ограбления. Уже полчаса ни одного слова или музыкальной ноты, лишь закадровые звуки и шум крови в ушах. Ив предложил мне уделять больше времени французскому кинематографу. Очевидно, он не имел в виду полунемые картины. Какая жалость!

Опять раздается глухой стук снаружи.

Я стаскиваю одеяло с ног, поднимаюсь и, нашарив пульт, останавливаю просмотр фильма.

За окном уже сумерки. Иду к двери и открываю ее.

Бац!

Я в прихожей – это единственная часть дома, которую я недолюблю и которой не доверяю, прохладная серая зона между моим царством и внешним миром. Сейчас там потемки, темные стены похожи на руки, которые вот-вот сожмут меня.

Входная дверь украшена полосками стекла в свинцовой оправе. Я подхожу к одной, смотрю через нее.

Раздается треск, окно дрожит. В стекло попал крошечный снаряд – лопнувшее яйцо, растекшееся по стеклу. Я судорожно взываю. Сквозь размазанный желток я вижу на улице троих мальчишек с раскрасневшимися лицами. Они нагло ухмыляются, один из них сжимает в кулаке яйцо.

Пошатнувшись, упираюсь ладонью в стену.

Это мой дом. Это мое окно.

В горле ком. На глаза наворачиваются слезы. Я удивлена и озадачена.

Бац!

А теперь я рассержена.

Я не могу распахнуть дверь и прогнать наглецов. Не могу выскочить наружу и дать им отпор. Я резко стучу в окно.

Бац!

Я колочу по двери ладонью.

Бью по ней кулаком.

Я громко жалуюсь, потом рычу, и мой голос отдается эхом в маленькой полутемной прихожей.

Я беспомощна.

«Нет, это не так», – слышу я голос доктора Филдинга.

Вдох, два, три, четыре.

Нет, не беспомощна.

Не беспомощна. Я почти десять лет работала в качестве бакалавра. Пятнадцать месяцев проходила практику в школах бедных районов города. Семь лет практиковала как врач. Я крутая, и недаром написала об этом Салли.

Убрав волосы со лба, иду в гостиную, перевожу дух и нажимаю на кнопку домофона.

– Убирайтесь подальше от моего дома, – шиплю я.

Наверняка они услышат в динамике лишь невнятный треск.

Бац!

Вновь нажимаю кнопку.

– Прочь от моего дома!

Я ковыляю через комнату, поднимаюсь по лестнице, врываюсь в кабинет и подхожу к окну. Вот они – сгрудились на улице, будто мародеры, осаждающие мой дом. В сумерках видны их тени. Я стучу в стекло.

Один из них со смехом указывает на меня. Отводит руку назад, как питчер, готовящийся к броску. Швыряет очередное яйцо.

Я сильнее стучу в стекло – того и гляди выбью его. Это мое окно. Это мой дом.

У меня перед глазами туман.

И вдруг я бросаюсь вниз по ступеням и снова оказываюсь в полумраке прихожей – стою босыми ногами на плитках, взявшись за ручку двери. Во мне кипит гнев, в глазах помутилось. Я судорожно вздыхаю – раз, другой.

Вдох, два, три...

И распахиваю дверь. Свет и воздух действуют на меня так же, как взрывная волна.

На миг воцаряется тишина, какая бывает в фильмах. Миг длится долго, словно заход солнца. Дома напротив. Троє детей. Улица вокруг. Все тихо и неподвижно, как остановившиеся часы.

Могу поклясться, слышен треск, будто дерево упало.

А потом...

...А потом оно выпирает в мою сторону, разбухает и бьет с силой камня, пущенного из катапульты, поддает мне в живот так, что я сгибаюсь пополам. Моя челюсть отваливается, как фрамуга окна. Туда врываются вихрь. Я словно пустой дом с подгнившими балками, в котором завывает

ветер. Крыша со стоном обрушивается...

...И я охаю, поскользываюсь, срываюсь с края лавиной, одной рукой цепляясь за кирпичи, а другую выбрасывая вверх. Перед глазами все плывет и кружится; огненно-красные листья, потом темнота. Вспышка выхватывает из тьмы женщину в черном, свет меркнет, глаза заливает расплавленная белая масса. Я пытаюсь закричать, и мои губы задеваются гравий. Я чувствую вкус асфальта. Чувствую кровь. Чувствую, как раскинулись на земле мои руки и ноги. Земля пульсирует под давлением моего тела. Тело пульсирует под давлением воздуха.

Где-то в дальнем уголке сознания всплывает подсказка: однажды это уже случалось, на этих самых ступенях. Я припоминаю тихий гул голосов, сквозь который прорываются четко произнесенные слова: «упала», «соседка», «кто-нибудь», «сумасшедшая». На этот раз – ничего.

Я обхватила рукой чью-то шею. Моего лица касаются волосы, но это не мои, чужие, более жесткие. Ноги немощно шаркают по земле, потом по полу, и вот я внутри, в прохладе прихожей, в тепле гостиной.

Глава 12

– Вы упали!

Мир вокруг проявляется как снимок, сделанный поляроидом. Я поднимаю глаза к единственному потолочному светильнику, который уставился на меня своим круглым блестящим глазом.

– Сейчас принесу вам кое-что – секунду...

Я поворачиваю голову набок. Под ухом поскрипывает велюр. Кушетка в гостиной – дамский «обморочный диван», да и только. Ха.

– Секунду, секунду...

У кухонной раковины стоит женщина. Вижу ее спину, длинную темную косу.

Я подношу руки к лицу, закрываю нос и рот, делаю вдох, потом выдох. Спокойно. Спокойно. Больно губе.

– Шла к соседям и вдруг увидела, как эти маленькие паршивцы кидаются яйцами, – объясняет женщина. – Говорю им: «Что вы делаете, негодники?» – и тут вы... пошатываясь, выходите из дверей и падаете с крыльца, как мешок...

Она не заканчивает предложение. Наверное, хотела сказать «мешок дерьма».

Женщина поворачивается со стаканом в каждой руке – один с водой, другой с чем-то густым и золотистым. Надеюсь, это бренди из бара.

– Понятия не имею, помогает ли бренди, – говорит она. – Такое чувство, что яучаствую в сериале «Аббатство Даунтон». Я ваша Флоренс Найтингейл!

– Вы живете с другой стороны сквера, – бормочу я, с трудом ворочая языком, как пьяная.

«Я крутая». Вероятно, выгляжу жалко.

– Что-что? – спрашивает она.

Помимо желания выдавливаю:

– Вы Джейн Рассел.

Она смотрит на меня в изумлении, потом смеется, зубы сверкают в полумраке.

– Откуда вы знаете?

– Вы сказали, что шли к соседям? – говорю я, стараясь отчетливо произносить слова. – Ко мне заходил ваш сын.

Я изучаю незнакомку через неплотно сомкнутые ресницы. Эд

одобрительно назвал бы ее цветущей женщиной – у нее полные бедра, пухлые губы, пышный бюст. Ярко-голубые глаза. На ней джинсы цвета индиго и черный свитер с вырезом, на груди висит серебряный кулон. Полагаю, ей около сорока. Должно быть, рано родила.

Мне нравится, как выглядят они оба: она и ее сын.

Она подходит к кушетке, задев мое колено своим.

– Приподнимитесь. На тот случай, если у вас было сотрясение.

Я подчиняюсь, а она ставит стаканы на стол, потом садится напротив меня на то место, где вчера сидел ее сын. Повернувшись к телевизору, она хмурится.

– Что вы смотрите? Черно-белый фильм?

Она озадачена.

Я беру пульт и нажимаю на кнопку выключения. Экран гаснет.

– Здесь темно, – замечает Джейн.

– Не могли бы вы включить свет? – спрашиваю я. – Мне немного... – Не могу закончить фразу.

– Конечно.

Она дотягивается до выключателя за диваном. Торшер вспыхивает, комната озаряется светом.

Я откидываю голову, рассматриваю покосившийся молдинг на потолке. Вдох, два, три, четыре. Надо подправить. Попрошу Дэвида. Выдох, два, три, четыре.

– Итак, – говорит Джейн, упираясь локтями в колени и пристально разглядывая меня. – Что же случилось?

Я зажмуриваюсь.

– Приступ паники.

– Ах, милая... как вас зовут?

– Анна. Анна Фокс.

– Анна, это просто глупые мальчишки.

– Нет, дело в другом. Я не могу выходить из дома.

Опустив глаза, хватаю стакан с бренди.

– Но вы все же вышли на улицу. Слушайте, вы бы полегче с этим, – добавляет она, глядя, как я опрокидываю стакан.

– Да, не следовало так горячиться. В смысле выходить за дверь.

– Почему же нет? Вы вампир?

Практически да, если судить по моей мертвенно-бледной коже.

– Я страдаю... агорафобией? – говорю я.

Она поджимает губы:

– Это вопрос?

– Нет, просто я не была уверена, что вам известно значение этого слова.

– Конечно известно. Вы не переносите открытых пространств.

Я снова закрываю глаза и киваю.

– Но я думала, агорафобия означает, что вы не можете ходить в походы и все такое прочее.

– Я никуда не могу ходить.

Джейн цокает языком.

– И давно это с вами?

Я допиваю последние капли бренди.

– Десять месяцев.

Она не продолжает эту тему. Я дышу глубоко, потом начинаю кашлять.

– Вам нужен ингалятор или что-нибудь в этом роде?

Я качаю головой:

– От этого будет только хуже. Участится сердцебиение.

Она задумывается.

– А бумажный пакет?

Я ставлю стакан, тянусь за водой.

– Нет. Я имею в виду – иногда помогает, но сейчас не надо. Спасибо, что привели меня в дом. Мне очень неловко.

– О-о, не стоит...

– Да, неудобно, очень. Обещаю, это не войдет у меня в привычку.

Она вновь сжимает губы. Я заметила, что рот у нее очень подвижный.

Возможно, курильщица, хотя пахнет от нее маслом ши.

– Значит, такое случалось и раньше? Выходите из дома и...

– Было весной, – скривившись, говорю я. – Курьер оставил на крыльце продукты, и я подумала, что могу просто... забрать их.

– И не смогли.

– Не смогла. К счастью, мимо проходили люди. Они быстро сообразили, что я не сумасшедшая и не бездомная.

Джейн оглядывает комнату.

– Вы определенно не бездомная. Дом у вас... ух какой! – с приподнятым проинтонациям произносит она, потом достает из кармана телефон и смотрит на экран. – Мне пора, – поднимаясь, говорит она.

Я пытаюсь встать, но ноги не слушаются.

– Ваш сын очень милый мальчик, – говорю я ей. – Он принес мне вот это. Спасибо, – добавляю я.

Джейн смотрит на свечу, стоящую на столе, дотрагивается до цепочки у себя на шее.

- Он хороший мальчик. И всегда был хорошим.
- К тому же очень симпатичный.
- И всегда был симпатичным!

Она поддевает ногтем медальон, он со щелчком открывается, и Джейн наклоняется ко мне. Медальон раскачивается. Понимаю, Джейн хочет, чтобы я взяла его. В этом есть что-то странно интимное – склонившаяся надо мной незнакомка, мои пальцы на ее цепочке. Или, может быть, я просто отвыкла от контакта с людьми.

Внутри медальона крошечная глянцевая фотография маленького мальчика лет четырех – пышные рыжеватые волосы, редкие зубы. На одной брови шрам. Без сомнения, это Итан.

- Сколько ему здесь?
 - Пять. Но кажется, что ему меньше, не находите?
 - Я бы дала ему четыре.
 - Точно.
 - Когда он успел так вырасти? – спрашиваю я, разжимая пальцы.
- Джейн осторожно закрывает медальон.
- Как-то между делом! – Она смеется. Потом резко говорит: – Ничего, если я уйду? У вас не начнется гипервентиляция?
 - Нет.
 - Хотите еще бренди? – спрашивает Джейн, наклоняясь к кофейному столику, и я замечаю на нем фотоальбом, который она, вероятно, принесла с собой.

Она засовывает его под мышку и указывает на пустой стакан.

- Продержусь на воде, – вру я.
- Ладно. – Джейн умолкает, глядя в окно, и повторяет: – Ладно... Сейчас по тротуару прошел очень красивый мужчина. – Она смотрит на меня. – Это ваш муж?
- О, нет. Это Дэвид. Мой съемщик. Живет внизу.
- Он ваш съемщик? – вскрикивает Джейн. – Вот мне бы такого!

В этот вечер в дверь больше ни разу не звонили. Может быть, ряженых отпугнули темные окна. Или засохший на них желток.

Я рано ложусь в постель.

Где-то в середине курса обучения в магистратуре мне повстречался семилетний мальчик с так называемым синдромом Котара, психологическим состоянием, когда человек считает себя мертвым. Расстройство редкое, тем более у детей. Рекомендуемое лечение состоит в назначении антипсихотических средств, а в тяжелых случаях –

электрошока. Но мне удалось беседами вывести его из этого состояния. То был мой первый большой успех, привлекший ко мне внимание Уэсли.

Тот мальчик теперь стал подростком, ему почти столько же лет, сколько Итану, и он примерно вдвое младше меня. Сегодня вечером я думаю о нем, уставившись в потолок и чувствуя себя мертвой. Мертвой, но не исчезнувшей. Я наблюдаю кипящую вокруг меня жизнь, не в силах в нее вмешаться.

**Понедельник,
1 ноября**

Глава 13

Спустившись утром в кухню, я нахожу записку под дверью, что ведет в цокольный этаж. «Яйца».

В замешательстве изучаю записку. Дэвид хочет заказать завтраки? Потом переворачиваю листок и вижу под сгибом слово «убрал». Спасибо, Дэвид.

Если подумать, «яйца» – это звучит неплохо, так что я разбиваю три на сковородку и готовлю глазунью. Несколько минут спустя я уже сижу за письменным столом, доедая остатки желтка, и пробую зайти на сайт «Агора».

Утром там «час пик» – агорафобы часто испытывают острую тревогу после пробуждения. Без сомнения, сегодня мы в трудном положении. Два часа я трачу на утешение и поддержку. Я отсылаю пользователей к смешанным препаратам – предпочитаю имипрамин, хотя ксанакс никогда не выходит из моды. Я поддерживаю спор о (неоспоримых) преимуществах аверсивной терапии. Смотрю, по просьбе Ямочек 2016, клип, в котором кошка играет на барабане.

Я уже собираюсь покинуть сайт, переключиться на шахматный форум, отыграться за субботние поражения, когда на экране вспыхивает значок сообщения.

ДискоМики: Еще раз спасибо за недавнюю помощь, доктор.

Приступ паники. Я почти час барабанила по клaviатуре, пока ДискоМики, по его словам, бесился.

ВрачПришел: К твоим услугам. Тебе лучше?

ДискоМики: Намного.

ДискоМики: Разговаривал с одной леди, она новенькая.

Спрашивала, есть ли здесь профессионалы. Я переслал ей ваши ЧАВО^[9].

Направление к врачу. Я смотрю на часы.

ВрачПришел: Сегодня у меня может не оказаться времени, но все равно отправь ей мою ссылку.

ДискоМики: Круто.

ДискоМики вышел из чата.

В следующую секунду всплывает второе окно чата. БабуляЛиззи. Я кликаю на имя, просматриваю профиль пользователя. Возраст: семьдесят. Место проживания: Монтана. Присоединилась: два дня назад.

Я бросаю взгляд на часы. Ради семидесятилетней дамы из Монтаны шахматы могут подождать.

В нижней части экрана всплывает уведомление, что БабуляЛиззи печатает текст. Я жду минуту, другую... Либо она сочиняет длинное послание, либо дело в возрасте. Родители, бывало, стучали по клавиатуре указательным пальцем – с подобной осторожностью фламинго пробирается по мелководью. У них полминуты уходило на то, чтобы написать «привет».

БабуляЛиззи: Привет, вот и я!

Мило. Я не успеваю ответить.

БабуляЛиззи: ДискоМики прислал мне ссылочку. Ужасно нужен совет!

БабуляЛиззи: По поводу шоколада тоже, но это другая тема...

Мне удается вставить фразу.

ВрачПришел: Привет вам! Вы новенькая на форуме?

БабуляЛиззи: Да!

ВрачПришел: Надеюсь, ДискоМики принял вас радушно.

БабуляЛиззи: Да, так и есть!

ВрачПришел: Чем я могу вам помочь?

БабуляЛиззи: Ну, боюсь, вы не сможете помочь мне насчет шоколада!

Она сейчас возбуждена или вообще нервная? Я пережидаю.

БабуляЛиззи: Дело в том...

БабуляЛиззи: И мне неприятно об этом говорить...

Барабанная дробь...

БабуляЛиззи: Последний месяц я была не в состоянии

выходить из дома.

БабуляЛиззи: Так что проблема в ЭТОМ!

ВрачПришел: Сочувствую. Можно называть вас Лиззи?

БабуляЛиззи: Конечно.

БабуляЛиззи: Я живу в Монтане. Во-первых, я бабушка, во-вторых, учитель рисования!

Мы поговорим об этом, но попозже.

ВрачПришел: Лиззи, месяц назад случилось что-то особенное?

Пауза.

БабуляЛиззи: Умер мой муж.

ВрачПришел: Как звали вашего мужа?

БабуляЛиззи: Ричард.

ВрачПришел: Я так сочувствую вашей потере, Лиззи. Ричардом звали моего отца.

БабуляЛиззи: Ваш отец умер?

ВрачПришел: Он и моя мать умерли четыре года назад. У нее был рак, а через пять месяцев после ее ухода у отца случился удар. Я всегда считала, что имя Ричард может принадлежать одним из лучших людей.

БабуляЛиззи: Как Никсону!!![\[10\]](#)

Хорошо: у нас налаживается взаимопонимание.

ВрачПришел: Сколько лет вы были женаты?

БабуляЛиззи: Сорок семь лет.

БабуляЛиззи: Мы познакомились на работе. ЛЮБОВЬ С ПЕРВОГО ВЗГЛЯДА, МЕЖДУ ПРОЧИМ!

БабуляЛиззи: Он преподавал химию. Я преподавала рисование. Противоположности сходятся!

ВрачПришел: Это удивительно! И у вас есть дети?

БабуляЛиззи: Двое сыновей и трое внуков.

БабуляЛиззи: Сыновья довольно смазливые, а внуки просто красавчики!

ВрачПришел: Как много мальчиков!

БабуляЛиззи: И не говорите!

БабуляЛиззи: Чего только я не насмотрелась!

БабуляЛиззи: Чего только не нанюхалась!

Я отмечаю про себя интонацию – оживленную и неизменно оптимистичную, отмечаю язык – неформальный, но уверенный, – и точную пунктуацию, и редкие ошибки. Она умна, общительна. К тому же скрупулезна – пишет цифры словами, не использует акронимы, хотя, возможно, тут дело в многолетней привычке. Так или иначе она относится к тем взрослым, с которыми можно работать.

БабуляЛиззи: А ВЫ, между прочим, мальчик?

БабуляЛиззи: Жаль, если так, просто девочки тоже иногда бывают врачами! Даже здесь, в Монтане!

Я улыбаюсь. Она мне нравится.

ВрачПришел: На самом деле я девочка-врач.

БабуляЛиззи: Отлично! Надо, чтобы таких, как вы, было больше!

ВрачПришел: Расскажите, Лиззи, что случилось после кончины Ричарда.

И она рассказывает. Рассказывает, что, когда вернулась с похорон, ей было страшно приглашать к себе гостей, а в последующие дни казалось, «будто внешний мир пытается проникнуть внутрь», поэтому она опустила жалюзи. Рассказывает о сыновьях, находящихся далеко, на юго-востоке страны, об их замешательстве, их участии.

БабуляЛиззи: Должна сказать вам – шутки в сторону, все это очень меня огорчает.

Пора засучить рукава.

ВрачПришел: Естественно. Происходит, я думаю, вот что: уход Ричарда совершенно изменил ваш мир, но внешний мир продолжает существовать без него. И с этим очень трудно примириться.

Я жду ответа. Ничего.

ВрачПришел: Вы сказали, что не убрали ничего из вещей Ричарда, и это я могу понять. Но хочу, чтобы вы подумали об этом.

Молчание.

А потом:

БабуляЛиззи: Я так рада, что нашла вас. Правда-правда.

БабуляЛиззи: Так говорят мои внуки. Они услышали это в «Шреке». Правда-правда.

БабуляЛиззи: Вы не будете возражать, если в скором времени я вновь с вами поговорю, правда?

ВрачПришел: Правда-правда!

Не смогла удержаться.

БабуляЛиззи: Я правда-правда (!!) благодарна ДискоМики за то, что рассказал про вас. Вы прелесть.

ВрачПришел: С удовольствием помогу.

Жду, что Лиззи выйдет из чата, но она продолжает набирать текст.

БабуляЛиззи: До меня дошло: я даже не знаю, как вас зовут!

Я в сомнении. Никому на «Агоре» я не сообщала своего имени, даже Салли. Не хочу, чтобы кто-то нашел меня, связал мое имя с моей профессией – словом, вычислил, кто я на самом деле. И все же история Лиззи растрогала меня. Одинокая вдова, не желающая склонять голову перед грозными небесами; этот ее шутливый тон... Но она сидит дома как на привязи, и это ужасно.

ВрачПришел: Анна.

Пока я готовлюсь покинуть сайт, на экране возникает последнее сообщение.

БабуляЛиззи: Спасибо, Анна.

И она вышла из чата.

Ощущаю подъем. Я помогла человеку. Наладила контакт. «Только наладить контакт». Где я это слышала?

Я заслужила выпивку.

Глава 14

Спускаясь в кухню, я верчу головой из стороны в сторону и слышу, как хрустят у меня позвонки. Что-то привлекает мое внимание наверху: над лестничной площадкой третьего этажа я замечаю пятно – должно быть, от протекающего люка на крыше, рядом со световым фонарем.

Я стучу в дверь к Дэвиду. Он открывает не сразу – босой, в измятой футболке и домашних джинсах. Вижу, что разбудила его.

– Извините, – говорю я. – Вы спали?

– Нет.

Да спал он, точно.

– Не могли бы вы мне помочь? Мне кажется, на потолке протечка.

Мы поднимаемся на верхний этаж, проходим мимо кабинета, мимо моей спальни и останавливаемся на площадке между комнатой Оливии и гостевой.

– Большой у вас световой фонарь, – замечает Дэвид.

Не знаю, комплимент ли это.

– Оригинальный, – говорю я только для того, чтобы что-нибудь сказать.

– Овальный.

– Да.

– Не много видел таких.

– Овальных?

Однако обмен репликами окончен. Дэвид рассматривает пятно.

– Это плесень, – негромко произносит он, как врач, сообщающий пациенту неприятные новости о его здоровье.

– Можно просто удалить ее?

– Это не решит проблему.

– А что решит?

Он вздыхает.

– Сначала мне надо осмотреть крышу.

Он дотягивается до цепи люка и дергает дверцу. Качнувшись, она открывается, лесенка со скрипом соскальзывает вниз, в люк врывается солнечный свет. Я отступаю в сторону, подальше от света. Может быть, я все же вампир.

Дэвид тянет лестницу, пока она с глухим ударом не упирается в пол. Я смотрю, как он поднимается по ступеням и его обтянутый джинсами зад

исчезает в проеме.

– Что-нибудь видно? – кричу я.

Ответа нет.

– Дэвид?..

Слышится какой-то лязг. На лестничную площадку выливаются струйка воды, ярко сверкающая в солнечном свете. Я отодвигаюсь назад.

– Извините, – говорит Дэвид. – Лейка упала.

– Ничего страшного. Вы что-нибудь видите?

Пауза, затем вновь голос Дэвида, почти благоговейный:

– Там, наверху, настоящие джунгли.

Эта идея возникла у Эда четыре года назад, после смерти моей матери. «Тебе нужно что-то новое в доме», – решил он. И мы занялись преобразованием крыши в садик – там появились клумбы, маленький огород, ряд карликовых самшитов. Главная достопримечательность, которую наш брокер так и величал по-французски: «Pièce de résistance», – арочная шпалера, увитая растениями весной и летом, тенистый туннель протяженностью двенадцать футов, шириной три. Когда позже у моего отца случился удар, Эд поставил под аркой мемориальную скамью. Надпись гласила: «Ad astra per aspera» – «Через тернии к звездам». Бывало, весенними и летними вечерами я сидела там, в золотисто-зеленом свете, читая книгу и потягивая вино.

Последнее время я и думать забыла о саде на крыше. Должно быть, он одичал.

– Он страшно разросся, – подтверждает Дэвид. – Совсем как лес.

Мне хочется, чтобы Дэвид спустился.

– Там, наверху, что-то вроде шпалеры? – спрашивает он. – И она прикрыта сверху брезентом?

Мы каждую осень закрывали арку брезентом. Я ничего не говорю, просто вспоминаю.

– Наверху вам надо быть осторожной. Не хочу наступать на этот фонарь.

– Я не собираюсь подниматься туда, – напоминаю я ему.

Дэвид постукивает ногой по стеклу, и оно дребежит.

– Хрупкое. Если на него упадет ветка, все окно может вылететь. – Проходит еще минута. – Это просто невероятно. Хотите, чтобы я сфотографировал?

– Нет, спасибо. Как нам быть с сыростью?

Дэвид ставит на лестницу одну ногу, потом другую.

– Здесь нужен профи. – Он спускается на пол, убирает лестницу на

место. – Надо герметизировать крышу. Но я могу удалить плесень при помощи скребка для краски. – Он закрывает дверцу люка на потолке. – Ошкурить это место. Потом нанести грунтовку и эмульсионную краску.

– У вас все это есть?

– Есть грунтовка и краска. И хорошо бы тут проветрить.

Я цепенею:

– Что вы имеете в виду?

– Открыть окна. Но не на этом этаже.

– Я не открываю окна. Нигде.

Он пожимает плечами:

– Это помогло бы.

Я поворачиваюсь к лестнице. Он идет за мной следом. Мы в молчании спускаемся.

– Спасибо, что убрали грязь снаружи, – говорю я, когда мы оказываемся в кухне, в основном чтобы что-то сказать.

– Кто это сделал?

– Какие-то ребята.

– Не знаете кто?

– Нет. – Я выдерживаю паузу. – А что? Оборвали бы им уши?

Он моргает. Я продолжаю:

– Надеюсь, вам удобно внизу?

Он живет здесь уже два месяца – с тех самых пор, как доктор Филдинг предложил мне взять съемщика, который выполнял бы мелкие поручения, выносил мусор, помогал с обслуживанием дома и так далее, – и все это в обмен на сокращение арендной платы. Дэвид первым откликнулся на мое объявление, размещенное на «Эйрбиэнби». Помню, его письмо по электронке показалось мне весьма лаконичным, и только при встрече я поняла, что этот человек очень словоохотлив. Недавно переехал из Бостона, мастер на все руки, некурящий, семь тысяч долларов в банке. В тот день мы договорились об аренде.

– Угу. – Он поднимает глаза к потолочным светильникам. – Есть какая-нибудь причина, почему у вас здесь так темно? Медицинские соображения или что-то еще?

Я чувствую, что краснею.

– Многие люди в моем... – (Какое слово здесь подходит?) – положении чувствуют себя уязвимыми при слишком ярком свете. – Я указываю на окна. – И в любом случае в этом доме полно естественного света.

Дэвид задумчиво кивает.

– В вашей квартире хорошее освещение? – спрашиваю я.

– Нормальное.

Теперь киваю я.

– Если вам попадутся другие светокопии Эда, дайте мне знать. Я их храню.

Слышу, как хлопает шторка кошачьей дверцы, и в кухню проскальзывает Панч.

– Я на самом деле очень ценю все, что вы для меня делаете, – бормочу я в спину Дэвиду, который направляется к двери в цокольный этаж. – Мусор, работа по дому и прочее. Вы – мой спаситель, – неловко добавляю я.

– Разумеется.

– А не могли бы вы пригласить кого-нибудь для ремонта потолка?

– Конечно.

Панч прыгает на площадку между нами и роняет что-то из пасти. Я смотрю на это.

Дохлая крыса.

Я отшатываюсь. С удовлетворением замечаю, что Дэвид тоже. Крыса маленькая, с лоснящейся шкуркой и черным длинным хвостом, тельце раздавлено.

Панч с гордостью взирает на нас.

– Да что ж это такое! – браню я его.

Кот настороживается.

– Он от души с ней наигрался, – говорит Дэвид.

Я рассматриваю крысу.

– Это ты ее так?! – восклицаю я, не сразу сообразив, что допрашиваю кота.

Панч спрыгивает с площадки.

– Вы только посмотрите, – с придыханием произносит Дэвид.

Я поднимаю голову. Он стоит напротив, наклонившись вперед, его темные глаза блестят.

– Наверное, надо закопать крысу? – спрашиваю я. – Не хочу, чтобы она гнила в мусорном контейнере.

Дэвид откашливается.

– Завтра вторник, будут вывозить мусор, – говорит он. – Сейчас я ее вынесу. У вас есть газета?

– Разве теперь у кого-нибудь дома есть газеты? – Это выходит более язвительно, чем мне хотелось бы. Я быстро добавляю: – У меня найдется пластиковый пакет.

Извлекаю его из ящика. Дэвид протягивает руку, но я в состоянии

сделать это сама. Выворачиваю пакет, засовываю в него пальцы, осторожно беру тушку. Меня слегка передергивает.

Потом я расправлю пакет и плотно соединяю верхние края. Давид берет упакованную крысу и, открыв бак для мусора под площадкой, бросает туда. Покойся с миром.

В тот момент, когда он вытаскивает из контейнера мешок с мусором, снизу раздаются звуки: поют трубы, стены будто переговариваются друг с другом. Кто-то в душе.

Я смотрю на Дэвида. Не моргнув глазом, он завязывает мешок и перебрасывает его через плечо.

– Вынесу на улицу, – говорит он, направляясь к входной двери.

Я ведь не собираюсь спрашивать его, как ее зовут.

Глава 15

– Угадай, кто это.

– Мама.

Я пропускаю это слово мимо ушей.

– Как прошел Хеллоуин, детка?

– Хорошо.

Она что-то жует. Надеюсь, Эд не забывает следить за ее весом.

– Много сладкого подарили?

– Много. Больше, чем всегда.

– А самое любимое?

Разумеется, это «Эм-энд-эмс» с арахисом.

– Сникерсы.

Я в шоке.

– Они маленькие, – объясняет она, – будто бы сникерсы-малыши.

– Так что ты ела на ужин – китайскую еду или сникерсы?

– То и другое.

Надо поговорить с Эдом.

Но во время разговора он принимает оборонительную позицию.

– Это единственный раз в году, когда она получает за ужином сладкое, – говорит он.

– Не хочу, чтобы у нее возникли проблемы.

– С зубами? – уточняет он, помолчав.

– С весом.

Он вздыхает:

– Я могу о ней позаботиться.

Я вздыхаю в ответ:

– Я и не говорю, что не можешь.

– Но звучит именно так.

Я прижимаю ладонь ко лбу.

– Просто дело в том, что ей восемь, а многие дети в этом возрасте сильно прибавляют в весе. Особенно девочки.

– Буду осторожен.

– И не забывай, одно время она была очень пухлой.

– Хочешь, чтобы она была тощей?

– Нет, это тоже плохо. Хочу, чтобы была здоровой.

– Отлично. Перед сном я поцелую ее малокалорийным поцелуем, –

говорит он. – Диетический чмок.

Я улыбаюсь. Но все же, когда мы прощаемся друг с другом, я чувствую натянутость.

**Вторник,
2 ноября**

Глава 16

В середине февраля, почти шесть недель простояв взаперти и осознав, что мне не становится лучше, я обратилась к психиатру. Его лекцию «Атипичные антипсихотические средства и посттравматическое стрессовое расстройство» я прослушала пять лет назад на конференции в Балтиморе. Тогда мы не были знакомы. Теперь он хорошо знает меня.

Люди, не знакомые с психотерапией, считают, что психотерапевт по умолчанию вкрадчив и внимателен. Вы размазываетесь по его кушетке, как масло по тосту, и таете. «Это не обязательно так», как поется в песне^[11]. Аномальный случай: доктор Джудиан Филдинг.

Во-первых, кушетки нет. Мы встречаемся каждый вторник в библиотеке Эда – доктор Филдинг в клубном кресле, я в дизайнерском кресле «с ушами» у окна. И хотя он разговаривает тихо и его голос скрипит, как старая дверь, доктор точен, обстоятелен, каким и должен быть хороший психиатр. «Мужик того типа, который выходит из душа пописать», – не один раз говорил про него Эд.

– Итак, – скрипит доктор Филдинг. Из окна на его лицо падает луч послеполуденного света, превращая стекла очков в крошечные желтые солнца. – Вы говорите, что вчера вы с Эдом спорили из-за Оливии. Эти разговоры помогают вам?

Повернув голову, я бросаю взгляд на дом Расселов. Интересно, чем занимается Джейн Рассел. Хочется выпить.

Я провожу пальцами по горлу и вновь смотрю на доктора Филдинга.

Он глядит на меня, и морщины на его лбу становятся резче. Должно быть, он устал, а я – я просто изнемогаю. Этот сеанс был насыщен событиями. Я рассказала о моем паническом приступе, и это встревожило доктора; о делах с Дэвидом, которыми доктор не заинтересовался; о разговорах с Эдом и Оливией, что снова вызвало у Филдинга озабоченность.

И вот я снова перевожу немигающий бездумный взгляд на книги, стоящие на полках Эда. История агентов Пинкертон. Два тома истории Наполеона. «Архитектура области залива Сан-Франциско». Разносторонним читателем был мой муж. Раздельно проживающий супруг, если уж на то пошло.

– Похоже, эти беседы вызывают у вас смешанные чувства, – говорит доктор Филдинг.

Классический жаргон психотерапевта: «Похоже... Как я это понимаю... Полагаю, вы хотите сказать...» Мы интерпретаторы. Переводчики.

— Я продолжаю... — слетают с моих губ непрошеные слова. Смогу ли я вновь вторгнуться туда? Смогу — и делаю это. — Продолжаю думать... не могу не думать... о той поездке. Я так сожалею, что это была моя идея.

Никакой реакции с другого конца комнаты — наверное, потому, что доктор обо всем знает, слышал об этом много раз.

— По-прежнему сожалею. Сожалею, что это не была идея Эда. Или не чья-то еще. Сожалею, что мы поехали. — Я сплетаю пальцы. — Это очевидно.

— Но вы все же поехали, — осторожно произносит Филдинг.

Меня опаляет боль.

— Вы организовали семейный отдых. Никому не следует такого стыдиться.

— В Новой Англии, зимой.

— Многие ездят зимой в Новую Англию.

— Это было глупо.

— Это было разумно.

— Невероятно глупо, — настаиваю я.

Доктор Филдинг не отвечает.

— Если бы я этого не сделала, мы были бы по-прежнему вместе.

Он пожимает плечами:

— Возможно.

— Определенно.

Я почти физически ощущаю на себе его взгляд.

— Вчера я кое-кому помогла, — говорю я. — Женщине из Монтаны. Пожилой. Она месяц не выходит из дома.

Филдинг привык к этим резким переходам — синаптическим прыжкам, как он их называет, — хотя оба мы понимаем, что я умышленно меняю тему разговора. Но я выпускаю пар, рассказывая о БабулеЛиззи и о том, как я выдала ей свое имя.

— Что заставило вас это сделать?

— Я почувствовала, что она пытается наладить контакт.

Разве не это увещевает нас делать Форстер? Только наладить контакт?
«Говардс-Энд»^[12] — июльский выбор клуба книголюбов.

— Я хотела ей помочь, — продолжаю я. — Хотела проявить сочувствие.

— Вы проявили великодушие, — говорит он.

— Надеюсь, да.

Он задвигался в кресле.

– Похоже, вы подходите к тому моменту, когда других людей воспринимаешь исходя из их представлений, а не только из собственных.

– Возможно.

– Это прогресс.

В комнату прокрался Панч и трется у ног, нацеливаясь на мои колени. Я убираю ступню с пола и подсовываю под бедро другой ноги.

– Как проходит физиотерапия? – спрашивает доктор Филдинг.

Я провожу ладонью по ногам и торсу, словно демонстрируя приз в телеигре. «Вы можете выиграть это изъятое из употребления тело тридцативосьмилетней женщины!»

– Прежде я выглядела лучше. – И сразу, не дав ему поправить меня, добавляю: – Знаю, это не фитнес-программа.

И все же он замечает:

– Это не только фитнес-программа.

– Да, конечно.

– Значит, все идет хорошо?

– Я лечусь. Уже лучше.

Он спокойно смотрит на меня.

– Правда. С позвоночником все нормально, трещин в ребрах уже нет. Я больше не хромаю.

– Да, я заметил.

– Но мне нужна гимнастика. И Бина мне нравится.

– Вы с ней подружились.

– В каком-то смысле, – соглашаюсь я. – За дружбу надо платить.

– Бина приходит по средам, верно?

– Обычно.

– Хорошо, – говорит доктор, как будто среда – особенно подходящий день для занятий аэробикой.

Он ни разу не видел Бину. Не могу представить их рядом – такое ощущение, что они находятся в разных измерениях.

Ему пора уходить. Я знаю об этом, даже не глядя на часы, стоящие на каминной полке, – так же как знает об этом доктор Филдинг. После нескольких лет общения мы оба научились засекать пятьдесят минут с точностью до секунды.

– Хочу, чтобы вы продолжали прием бета-блокаторов в той же дозировке, – произносит он. – Сейчас вы принимаете тофрайл, по пятьдесят миллиграммов раз в день. Увеличим до двух раз. – Он хмурится. – Это основано на том, что мы обсуждали сегодня. Должно

помочь с вашими перепадами в настроении.

– Из-за тофрина я утрачиваю ясность, – напоминаю я.

– Ясность?

– Или четкость, наверное. Или то и другое.

– Вы имеете в виду зрение?

– Нет, не зрение. Более...

Мы это уже обсуждали – разве он не помнит? Обсуждали или нет? Ясность. Четкость. Дело в том, что иногда у меня возникает чересчур много мыслей сразу. Как будто в мозгу перекресток и все пытаются проехать одновременно.

Посмеиваюсь слегка сконфуженно.

Доктор Филдинг хмурится, потом вздыхает.

– Что ж, эта наука не очень точная, как вы знаете.

– Знаю-знаю.

– Вы сейчас принимаете немало разных препаратов. Будем подбирать дозировку каждого, пока не добьемся успеха.

Я киваю. Все ясно. Он считает, мне становится хуже. У меня сжимается сердце.

– Попробуйте две таблетки по пятьдесят и понаблюдайте за самочувствием. Если возникнут проблемы, можем подобрать препарат, улучшающий концентрацию внимания.

– Ноотроп?

Аддерол. Родители часто спрашивали меня, поможет ли их детям аддерол, и не один раз я жестко отвергала его. И вот теперь сама обращаюсь к нему. Ничто не ново под луной.

– Потом обсудим, как и когда, – говорит Филдинг.

Он одним росчерком расписывается на рецептурном бланке, отрывает верхний листок и протягивает мне. Бумага дрожит в его руке. Эссенциальный трепет или пониженный сахар в крови? Нет, полагаю, раннее наступление болезни Паркинсона. Впрочем, не мне об этом спрашивать. Я беру листок.

– Спасибо, – говорю я. – Найду этому хорошее применение.

Филдинг встает, разглаживая галстук. Кивает:

– Тогда до следующей недели. – Он идет к двери. – Анна... – Поворачивается.

– Да?

Он вновь кивает:

– Пожалуйста, заполните этот рецепт.

После ухода доктора Филдинга я делаю запрос онлайн. Лекарства доставят к пяти часам вечера. У меня есть время выпить бокал. Или даже два.

Правда, еще не сейчас. Сначала я подвожу мышь к забытому уголку монитора, несмело кликаю два раза по файлу meds.xlsx.

Открывается таблица в «Эксель». Здесь у меня собраны все лекарства, которые я принимаю, все дозировки, все инструкции... все ингредиенты моего фарм-коктейля. Вижу, что файл не обновлялся с августа.

Доктор Филдинг, как обычно, прав: мне прописали изрядное количество препаратов. Чтобы сосчитать все, понадобятся пальцы обеих рук. И я знаю — морщусь при мысли об этом, — что не всегда принимаю лекарства, как следует и когда следует. Удвоенные, пропущенные дозы, прием с алкоголем... Доктор Филдинг пришел бы в ярость. Надо исправляться. Не хочу потерять контроль над собой.

Команда «Q», и я выхожу из «Эксель». Пора выпить.

Глава 17

С бокалом в одной руке и «Никоном» в другой я устраиваюсь в углу кабинета, между южным окном и западным, и обозреваю окрестности. Контроль товарно-материальных ценностей, как любил говорить Эд. Вот Рита Миллер, которая возвращается после йоги, блестящая от пота, с прижатым к уху мобильным. Я настраиваю объектив и даю крупный план: она улыбается. Интересно, не ее ли подрядчик на связи. Или муж. Или ни тот ни другой.

Из двери соседнего с миллеровским дома двести четырнадцать выходят и осторожно спускаются по ступеням крыльца миссис Вассерман и ее Генри. Полная идиллия.

Я перемещаю камеру на запад: два пешехода замешкались у дуплекса, один из них указывает на ставни. Я представляю себе, как он говорит: «А каркас-то неплохой».

Господи. Я уже сочиняю чужие разговоры.

Осторожно, словно боясь быть пойманной, а я действительно этого боюсь, перевожу оптику на ту сторону сквера, к Расселам. Кухня полутемная и пустая, жалюзи частично приспущены, как полузакрытые глаза, но этажом выше, в гостиной на маленьком диване с обивкой в полоску, стоящем у окна, я вижу Джейн и Итана. На ней желтоватый джемпер, в вырезе которого видна глубокая ложбинка меж грудей. Там, как альпинист над ущельем, болтается ее медальон.

Я поворачиваю объектив, изображение становится более четким. Джейн быстро говорит, взмахивая руками, в улыбке обнажаются зубы. Итан сидит с опущенными глазами, на губах эта его застенчивая кривая ухмылка.

Я не рассказывала доктору Филдингу о Расселах. Знаю, что он скажет, ведь я способна к самоанализу. Мол, эта нуклеарная семья – мать, отец, единственный ребенок – напомнила мне собственную. В соседнем доме, считай за соседней дверью, живет семья, чем-то похожая на мою. У этих людей своя жизнь, но ведь и у меня была семейная жизнь, которую теперь я считаю безвозвратно потерянной, – однако вот она, такая же, сразу за сквером. «Ну и что?» – думаю я. Может быть, говорю это вслух, теперь я ни в чем не уверена.

Я отпиваю вина, вытираю губы, вновь поднимаю фотоаппарат. Смотрю в объектив.

Джейн тоже смотрит на меня.

Я роняю камеру на колени.

Никакой ошибки – даже невооруженным глазом я вижу, как она пристально глядит на меня, приоткрыв рот.

Она поднимает руку, машет мне.

Мне хочется спрятаться.

Стоит ли мне помахать в ответ? Или отвести глаза? Или тупо заморгать, словно направляла камеру на что-то другое поблизости от нее? Дескать, я вас там не заметила.

Нет.

Я вскакиваю, камера падает на пол.

– Оставь ее. – Я определенно говорю это вслух и выбегаю из комнаты в темноту лестницы.

Прежде меня никто не подавливал. Ни доктор, ни Рита Миллер, ни Такеда, ни Вассерманы, ни толпа Греев. Ни Лорды, перед тем как переехать, ни Мотты перед своим разводом. Ни проезжающие мимо такси, ни прохожие. Даже почтальон, которого я фотографировала каждый день у каждой двери, не замечал меня. И многие месяцы я сосредоточенно изучала снимки, оживляя в памяти моменты прошлого, пока наконец мне не наскучило быть в курсе всего, происходящего за окном. Разумеется, я по-прежнему делаю странные исключения – меня интересуют Миллеры. Или интересовали до приезда Расселов.

А этот объектив «Оптека» лучше бинокля.

Но сейчас я сгораю от стыда. Я думаю обо всех и обо всем, что попало в объектив моей камеры. Соседи, незнакомцы, поцелуи, ссоры, обкусанные ногти, рассыпанная по полу мелочь, широкие шаги, спотыкание. Мальчик Такеда играет, глаза полузакрыты, пальцы дрожат на струнах виолончели. Греи поднимают бокалы с вином в легкомысленном тосте. Миссис Лорд в столовой зажигает свечи на торте. Молодые Мотты в дни крушения брака орут друг на друга с разных концов гостиной – красной, выкрашенной в цвет святого Валентина. На полу – осколки вазы.

Я думаю о своем накопителе на жестком диске, распухшем от украденных образов. Я думаю о том, как на меня с той стороны сквера смотрела не мигая Джейн Рассел. Я отнюдь не невидимка. Я живая, я у всех на виду, и мне стыдно.

Вспоминаю слова доктора Брюлова из «Завороженного»: «Моя дорогая девочка, нельзя постоянно биться головой о реальность и говорить, что ее не существует».

Через три минуты я вновь вхожу в кабинет. Диван Расселов пуст. Я заглядываю в спальню Итана – он там, сидит, уткнувшись в компьютер.

Осторожно поднимаю с пола камеру. Не разбилась.

Потом раздается звонок в дверь.

Глава 18

– Похоже, вы ужасно скучаете, – говорит она, когда я открываю дверь в прихожую.

А потом обнимает меня. Я нервно смеюсь.

– Могу поспорить, вас тошнит от всех этих черно-белых фильмов.

Она буквально врывается в дом. Я не произнесла еще ни слова.

– Я вам кое-что принесла. – Она с улыбкой запускает руку в сумку. – Холодное.

Запотевшая бутылка рислинга. У меня текут слюнки. Я уже сто лет не пила белого.

– О, не надо было...

Но Джейн уже чешет в кухню.

За десять минут мы приканчиваем вино. Джейн прикуривает сигарету «Виргиния слим», потом вторую, и скоро воздух под потолком наполняется клубами табачного дыма. Его запахом отдает рислинг в моем бокале. Оказывается, я ничего не имею против. Это напоминает мне о магистратуре, о беззвездных вечерах на барных улицах Нью-Хейвена, о мужчинах с пепельными губами.

– У вас там много мерло, – говорит Джейн, оглядывая кухонную стойку.

– Я заказываю его оптом, – объясняю я. – Мне оно нравится.

– Как часто вы пополняете запасы?

– Несколько раз в год.

По меньшей мере раз в месяц.

Она кивает.

– Вы давно уже находитесь в этом состоянии? – спрашивает она. – Помоему, вы говорили – полгода?

– Почти одиннадцать месяцев.

– Одиннадцать. – Складывает губы в виде крошечной буквы «о». – Свистеть я не умею. Но представьте, что сейчас свистнула. – Джейн тушит сигарету в чашке для хлопьев, складывает вместе ладони и наклоняется вперед, словно в молитве. – Так чем же вы занимаетесь целый день?

– Консультирую людей, – с достоинством произношу я.

– Каких людей?

– В Интернете.

– А-а.

– Еще беру онлайн уроки французского. А также играю в шахматы, – добавляю я.

– Онлайн?

– Онлайн.

Она проводит пальцем по ободку своего бокала.

– Значит, Интернет, – говорит она, – что-то вроде вашего... окна в мир.

– Ну, как и обычное окно. – Я указываю на застекленное пространство у нее за спиной.

– И ваша подзорная труба, – говорит она, и я краснею. – Шучу, шучу.

– Мне так неловко, что...

Джейн машет рукой, затягивается сигаретой.

– Ах, перестаньте. – Она выпускает дым изо рта. – У вас есть настоящая шахматная доска?

– Вы играете?

– Раньше играла. – Джейн прислоняет сигарету к чашке. – Покажите-ка свои шахматы.

Наша первая партия в разгаре, когда звонят в дверь. Пять коротких звонков – доставка лекарств. Джейн пошла открывать.

– Наркотики вразнос! – верещит она, возвращаясь из прихожей. – Есть от них какой-то толк?

– Это стимуляторы, – говорю я, откупоривая вторую бутылку, на этот раз мерло.

– Теперь у нас вечеринка.

За выпивкой и игрой мы болтаем. Мне известно, что у нее, как и у меня, один ребенок, но я не знала, что мы обе морячки. Джейн предпочитает ходить под парусом в одиночку, я привыкла плавать вдвоем, – по крайней мере, так было раньше.

Я рассказываю ей о медовом месяце с Эдом. Тогда мы зафрахтовали тридцатирефтовую яхту «Алерион» и плавали по греческим островам, от Санторини к Делосу, от Наксоса к Миконосу.

– Вдвоем, – вспоминаю я, – носились по Эгейскому морю.

– Совсем как в «Мертвом штиле», – говорит Джейн.

Я делаю глоток.

– Мне кажется, в «Мертвом штиле» они были в Тихом океане.

– Ну, не считая этого, совсем как в «Мертвом штиле».

– К тому же они вышли в море, чтобы оправиться от несчастья.

– Ладно, пусть так.

– А потом они спасли психопата, который пытался их убить.

– Вы дадите мне высказать мою мысль или нет?

Пока она хмурится, глядя на шахматную доску, я шарю в холодильнике в поисках шоколадного батончика, потом разрезаю его кухонным ножом. Мы сидим за столом и жуем. Сладкое на ужин. Совсем как у Оливии.

Спустя некоторое время Джейн спрашивает:

– У тебя бывает много народа?

Она наносит мне удар слоном, передвинув его через доску.

Я качаю головой, проталкивая вино в глотку:

– Нет. Только ты и твой сын.

– Почему? Почему нет?

– Не знаю. Родители умерли, а я слишком много работала и не успела обзавестись друзьями.

– И коллеги не приходят?

Я думаю об Уэсли.

– Мы практиковали вдвоем, – говорю я. – Так что теперь напарнику приходится выполнять двойную нагрузку.

Она смотрит на меня.

– Это печально.

– И не говори.

– У тебя есть даже телефон?

Я указываю на провод, притаившийся в углу за кухонной стойкой, и похлопываю себя по карману.

– Древний-древний айфон, но он работает. На случай, если позвонит мой психиатр. Или кто-то еще. Мой съемщик.

– Твой красивый съемщик.

– Мой красивый съемщик, да.

Сделав глоток, я беру ее королеву.

– Это было круто.

Она смахивает со стола крупицу пепла и разражается громким смехом.

После второй партии она просит показать ей дом. Я немного колеблюсь – Дэвид последним изучал дом сверху донизу, а до этого... я, право, не могу вспомнить. Бина никогда не поднималась выше первого этажа. Доктор Филдинг бывает только в библиотеке. Сама мысль кажется интимной, словно я собираюсь вести по дому за руку нового любовника.

Но я соглашаюсь и вожу Джейн из комнаты в комнату, с этажа на этаж.

Красная комната.

– Такое ощущение, будто меня заперли внутри артерии.

Библиотека.

– Как много книг! Неужели ты прочитала все?

Я качаю головой.

– Хоть одну прочитала?

Я хихикаю.

Спальня Оливии.

– Пожалуй, маловата? Слишком маленькая. Нужна комната на вырост, как у Итана.

С другой стороны мой кабинет.

– Ох, ах! – восклицает Джейн. – В таком месте девушка найдет чем заняться.

– Ну, в основном я играю в шахматы и разговариваю с другими затворниками. Если ты называешь это занятием.

– Послушай. – Она ставит бокал на подоконник, засовывает руки в задние карманы джинсов. Наклоняется к окну. – Вон мой дом, – говорит она низким, почти хриплым голосом.

Только что она была такой игривой, такой веселой, и этот ее серьезный вид приводит меня в замешательство.

– Да, он там, – соглашаюсь я.

– Красивый, правда? Дом что надо.

– Да.

Она еще с минуту смотрит туда. Потом мы возвращаемся в кухню.

Время идет.

– Часто пользуюсь этим? – спрашивает Джейн, расхаживая по гостиной, пока я обдумываю следующий ход.

Солнце быстро клонится к закату. В этом изменчивом свете Джейн в своем желтом джемпере скользит по моему дому, как дух.

Она указывает на зонт, притулившийся у стены, будто человек, который выпил лишку.

– Чаще, чем можно подумать, – отвечаю я.

Откинувшись на спинку кресла, я описываю предложенную доктором Филдингом терапию на заднем дворе – нетвердые шаги вниз по ступеням крыльца, пузырь из нейлона, защищающий меня от забытья, прозрачность воздуха, порывы ветра.

– Любопытно, – говорит Джейн.

– Лучше сказать – нелепо.

– Но это помогает? – спрашивает она.

Я пожимаю плечами.

– Вроде да.

– Ну вот, – произносит она, похлопывая зонт по ручке, как похлопывают собаку по голове, – у тебя все получится.

– Эй, когда у тебя день рождения?

– Хочешь мне что-нибудь подарить?

– Давай-ка полегче.

– На самом деле уже скоро, – говорю я.

– У меня тоже.

– Одиннадцатого ноября.

У нее глаза лезут на лоб.

– Это и мой день рождения.

– Шутишь!

– Нет. Одиннадцатое число одиннадцатого месяца.

Я поднимаю бокал.

– За одиннадцатое одиннадцатого.

Мы чокаемся.

– Есть ручка и бумага?

Я достаю то и другое из ящика, кладу перед ней.

– Просто сядь здесь, – велит мне Джейн. – Сделай красивое лицо.

Я хлопаю ресницами.

Несколько коротких, резких штрихов, и на белом листе возникают мои черты: темные глаза, гладкие скулы, немного выступающий подбородок.

– Постарайся передать мой патологический прикус, – говорю я, но она шикает на меня.

Рисует минуты три, дважды подносит бокал к губам.

– Вуаля! – восклицает она, показывая мне бумагу.

Я изучаю набросок. Сходство поразительное.

– Ловко у тебя получается.

– Правда?

– А другое умеешь рисовать?

– Портреты других людей? Хочешь верь, хочешь нет, я могу.

– Нет, я имею в виду животных или, скажем, натюрморты.

– Не знаю. Меня в основном интересуют люди. Как и тебя. – Она ставит в углу размашистую подпись. – Та-да. Оригинал от Джейн Рассел.

Я засовываю набросок в выдвижной ящик, в котором держу хорошее

столовое белье. Иначе портрет может испачкаться.

– Посмотрите-ка на это.
Кажется, по столу разбросаны самоцветы.
– От чего пилюлька?
– Какая?
– Розовая. Восьмиугольная. Нет, шестиугольная.
– Это индерал. Бета-блокатор.
Джейн прищуривается.
– Это же от сердечных приступов.
– И также от приступов паники. Замедляет сердечный ритм.
– А та от чего? Маленькая белая, овальной формы?
– Арипипразол. Атипичное антипсихотическое средство.
– Звучит серьезно.
– Да, и в некоторых случаях это действительно серьезно. Для меня это просто добавка. Она позволяет оставаться в здравом уме, но от нее я толстею.

Джейн кивает.

– А это что?
– Имипрамин. Тофранил. От депрессии. От него бывает ночное недержание мочи.

– У тебя энурез?
– Сегодня ночью может быть.
Я прихлебываю вино.

– А эта?
– Темазепам. Снотворное. Приму позже.

Джейн кивает.

– Разве можно принимать что-то из этого с алкоголем?

Я глотаю.

– Не-а.

И только в тот момент, когда пилюли проскальзывают в глотку, я вспоминаю, что уже пила лекарства утром.

Джейн откидывает голову, выпуская изо рта струйки дыма.

– Пожалуйста, не говори «шах и мат». – Она хихикает. – Мое это не может принять трех поражений подряд. Не забывай, что я много лет не играла.

– Это заметно, – говорю я.

Она фыркает и смеется, выставив на обозрение серебряные пломбы.

Я осматриваю своих «пленников»: обе ладьи, оба слона, толпа пешек. Джейн «съела» коня и пешку. Она видит, что я разглядываю ее трофеи, сбивает коня на бок.

– Лошадь упала, – произносит она. – Вызови ветеринара.

– Люблю лошадей, – сообщаю я.

– Посмотри-ка. Чудесное выздоровление.

Она поднимает коня, гладит его мраморную гриву.

Улыбнувшись, я допиваю красное вино. Джейн наполняет мой бокал.

Я смотрю на нее.

– Мне нравятся твои серьги.

Она теребит одну из них, потом другую. В каждом ухе – маленькая гроздь жемчужин.

– Подарок бывшего бойфренда, – говорит она.

– Алистер не против того, что ты их носишь?

Подумав немного, она смеется:

– Сомневаюсь, что Алистер знает.

Джейн поворачивает колесико зажигалки большим пальцем, подносит ее к сигарете.

– Знает, что ты их носишь, или знает, от кого они?

Она затягивается, потом выпускает дым в сторону.

– Ни то ни другое. С ним бывает трудно. – Она постукивает сигаретой по чашке. – Не пойми меня превратно – Алистер хороший муж и хороший отец. Но у него все под строгим контролем.

– Почему?

– Доктор Фокс, вы анализируете мои действия? – спрашивает она.

Голос у нее веселый, а глаза холодные.

– Если уж на то пошло, я анализирую твоего мужа.

Она вновь затягивается, потом хмурится.

– Он всегда был таким. Не очень доверчивым. По крайней мере, в отношении меня.

– А почему так?

– О, в детстве я была неуправляемой, – говорит она. – Распущенной – во всяком случае, по выражению Алистира. Плохая компания, плохие перспективы.

– Так было, пока ты не встретила Алистира?

– И после нашей встречи тоже. Я не сразу избавилась от недостатков.

Думаю, на это не могло уйти так уж много времени – судя по ее виду, матерью она стала в двадцать с небольшим.

Она качает головой:

– Какое-то время я встречалась с другим.

– Кто это был?

Гримаса.

– «Был» – это правильно. Не стоит вспоминать. Все мы совершаем ошибки.

Я молчу.

– Так или иначе, все кончилось. Но моя семейная жизнь по-прежнему... – Джейн щелкает пальцами, – испытание на стойкость. Я бы так сказала.

– Le mot juste^[13].

– Эти уроки французского полностью окупаются. – Она хмыкает сквозь зубы, сигарета торчит кверху.

Я продолжаю давить на нее:

– Что делает твою семейную жизнь испытанием на стойкость?

Джейн выпускает дым. В воздухе повисает идеальное по форме голубоватое кольцо.

– Сделай так еще, – вопреки желанию, прошу я.

Джейн выдувает второе кольцо, и я понимаю, что напилась.

– Понимаешь... – Она откашливается. – Дело не только в этом. Все так сложно. Алистер меня напрягает. Семья напрягает.

– Но Итан замечательный парень. Я говорю это как человек, который с первого взгляда понимает, что перед ним хороший ребенок, – добавляю я.

Джейн смотрит мне в глаза.

– Рада, что ты так думаешь. Я тоже так считаю. – Она снова стряхивает пепел с сигареты. – Ты, наверное, скучаешь по своим родным.

– Да. Ужасно. Но я каждый день с ними разговариваю.

Она кивает. Глаза у нее осоловели. Вероятно, она тоже пьяна.

– Хотя болтать по телефону и быть рядом – разные вещи, правда?

– Да. Конечно, это совсем другое дело.

Она кивает еще раз.

– Видишь, Анна... Заметь, я не спрашиваю, что именно привело тебя на этот путь.

– Излишек веса? – говорю я. – Ранняя седина?

Я правда наклюкалась.

Она пьет вино, потом произносит:

– Агорафобия.

– Ну... – Если уж мы делимся секретами, я признаюсь. – Травма. С любым может случиться такое. – Я нервничаю. – Поэтому я впала в депрессию. Глубокую. Не хочется об этом вспоминать.

Но Джейн качает головой:

– Нет-нет, понимаю, это не мое дело. И догадываюсь, что ты не в состоянии приглашать гостей на вечеринку. Просто мне кажется, что тебе надо найти еще какие-то занятия. Помимо шахмат и черно-белых фильмов.

– И шпионажа.

– И шпионажа.

Я обдумываю предложение.

– Когда-то я занималась фотографией.

– Такое впечатление, что ты по-прежнему этим занимаешься.

Я притворно улыбаюсь:

– Вполне справедливо. Но я имею в виду фотографирование на улице.

Мне это очень нравилось.

– Что-то вроде «Людей Нью-Йорка»?

– Скорее, съемка природы.

– В Нью-Йорке?

– В Новой Англии. Иногда мы туда ездили.

Джейн поворачивается к окну.

– Взгляни на это. – Она указывает на запад, и я гляжу на сочный закат.

Сумерки сгущаются; здания на сияющем фоне, словно вырезанные из бумаги; невдалеке кружит птица. – Это и есть природа, верно?

– Формально – да. Какая-то ее часть. Но я имею в виду...

– Мир – прекрасное место, – настаивает Джейн, и говорит она вполне серьезно. У нее спокойный взгляд, ровный голос. Она встречается со мной глазами, долго смотрит на меня. – Не забывай об этом. – Наклонившись вперед, она вдавливает окурок в дно чашки. – И не упусти его.

Я выуживаю из кармана телефон, направляю на бокал, делаю снимок. Потом смотрю на Джейн.

– Молодец, – ворчливо произносит она.

Глава 19

Я провожаю гостью в прихожую в начале седьмого.

– Меня ждут очень важные дела, – сообщает она.

– Меня тоже, – откликаюсь я.

Два с половиной часа прошло... Когда я в последний раз разговаривала с кем-то два с половиной часа? Я пытаюсь выудить из памяти воспоминания – месяц за месяцем... Ничего. Ни одного случая. Начиная с первой встречи с доктором Филдингом – давным-давно, в середине зимы. Но и тогда я не могла говорить так долго, поскольку у меня была повреждена трахея.

Я вновь чувствую себя молодой, я почти в эйфории. Может быть, дело в вине, но думаю, нет. Дорогой дневник, представляешь, сегодня у меня появилась подруга.

Продолжение следует тем же вечером. Я дремлю за просмотром «Ребекки», когда трещит звонок.

Отбрасываю одеяло, ковыляю к двери. «Почему ты не уходишь? – фыркает у меня за спиной Джудит Андерсон. – Почему не уезжаешь из Мэндерли?»

Я смотрю на монитор переговорного устройства. Высокий мужчина, широкоплечий, с узкими бедрами и отчетливым «вдовым мысом». Ну да, я привыкла видеть этого человека при естественном освещении, так что узнаю его не сразу, через секунду. Алистер Рассел.

– Интересно, что тебе надо? – говорю я или, может, думаю.

Кажется, все же произнесла это вслух. Определенно еще не протрезвела. Не стоило глотать тогда те таблетки.

Я нажимаю на кнопку. Клацает защелка, скрипит дверь. Жду, когда она захлопнется.

Открываю дверь в прихожую – он стоит там. В полумраке белеет его бледное лицо. Улыбается. Крепкие зубы растут из крепких десен. Ясные глаза, в их уголках мелкие морщинки.

– Алистер Рассел, – произносит он. – Мы живем в доме двести семь, на той стороне сквера.

– Входите. – Я протягиваю ему руку. – Я Анна Фокс.

Он не принимает мою руку, оставаясь на месте.

– Мне, право, не хочется вам мешать, извините, что отвлекаю вас от

ваших занятий. Смотрите фильм?

Я киваю.

Он вновь улыбается. Сияет, как рождественская витрина.

– Просто хотел узнать, были ли у вас сегодня гости.

Я хмурюсь. Пока собираюсь ответить, у меня за спиной раздается грохот. Сцена кораблекрушения. «Судно к берегу! – ревут с буксирных катеров. – Всех в бухту!» В общем, много шума.

Я возвращаюсь к дивану, ставлю фильм на паузу. Повернувшись к гостю, вижу, что Алистер уже шагнул в комнату. В холодном свете экрана он похож на мертвеца с черными подглазьями. За его спиной в стене зияет провал открытой двери.

– Будьте добры, закройте дверь. – (Он закрывает.) – Спасибо, – невнятно бормочу я, с трудом ворочая языком.

– Я пришел не вовремя?

– Нет, все нормально. Хотите выпить?

– О, благодарю, не стоит.

– Я имела в виду – воды, – уточняю я.

Он вежливо качает головой.

– У вас были вечером гости? – повторяет он.

Что ж, Джейн меня предупреждала. Он, со своими ясными глазами и тонкими губами, не похож на человека, привыкшего все контролировать. Скорее, неунывающий светский лев в пору своей осени – эта острая бородка, эта резкая линия роста волос. Я представляю, как они с Эдом по-приятельски беседуют, попивая виски и обмениваясь армейскими историями. Но наружность обманчива, и все такое прочее.

Разумеется, это не его дело. И все же я не хочу оправдываться.

– Весь вечер я была одна. Разгар киношного марафона, знаете ли.

– Что смотрите?

– «Ребекку». Один из моих любимых фильмов. А вы...

Потом я замечаю, что он, нахмурив темные брови, смотрит мимо меня.

Я поворачиваюсь.

Шахматная доска.

Я уже успела загрузить бокалы в посудомойку, отмыть чашку, но шахматная доска по-прежнему здесь. На ней стоят оставшиеся в живых фигуры, рядом – поверженные, король Джейн валяется на боку.

Я вновь поворачиваюсь к Алистеру.

– Ах, это. Мой съемщик любит играть в шахматы, – небрежно поясняю я.

Рассел, прищурившись, изучает меня. Не могу понять, о чем он

думает. Обычно для меня это не проблема – я вот уже шестнадцать лет копаюсь в чужих головах. Но, очевидно, теряю навык. Или же действует алкоголь. И лекарства.

– Вы играете?

Он отвечает не сразу.

– Давно не играл, – наконец произносит он. – Здесь только вы и ваш съемщик?

– Нет, я… да. Я в разводе с мужем. Наша дочь живет с ним.

– Понятно. – Бросив последний взгляд на шахматную доску и на телевизор, он идет к двери. – Спасибо, что уделили мне время. Извините, что побеспокоил.

– Все в порядке, – говорю я, когда он выходит в прихожую. – И поблагодарите жену за свечку.

Обернувшись, он сверлит меня взглядом.

– Свечку принес Итан, – добавляю я.

– Когда это было? – спрашивает Рассел.

– Несколько дней назад. В воскресенье. – Постойте, какой сегодня день? – Или в субботу. – Я злюсь: зачем ему знать, когда приходил Итан? – Это имеет значение?

Алистер молчит, приоткрыв рот. Потом на губах его мелькает рассеянная улыбка, и он уходит, не сказав ни слова.

Перед тем как завалиться в постель, я смотрю в окно на дом двести семь. Вот она, семья Расселов, собралась в гостиной – Джейн с Итаном на диване, Алистер в кресле напротив, о чем-то оживленно разговаривают. «Хороший муж и хороший отец».

Кто знает, что происходит в чужой семье? Никто не знает. Я поняла это, учась в магистратуре.

– Можно годами общаться с пациентом, и все же не исключено, что однажды он удивит вас, – сказал мне Уэсли, когда мы впервые обменялись рукопожатием.

Я тогда заметила, что пальцы у него желтые от никотина.

– Как это? – спросила я.

Он уселся за письменный стол, пригладил волосы пятерней.

– Вы можете услышать о чьих-то тайнах, страхах и надеждах, но помните, что все это существует параллельно с тайнами и страхами других людей, живущих в тех же комнатах. Вы ведь знаете высказывание о том, что все счастливые семьи похожи друг на друга?

– «Война и мир», – сказала я.

– «Анна Каренина», но дело не в этом. А дело в том, что это неверно. Семьи, счастливые или несчастливые, разительно отличаются. У Толстого много всякой чуши. Помните об этом.

Я вспоминаю его слова сейчас, осторожно поворачивая большим пальцем кольцо наводки и выстраивая кадр. Семейный портрет.

Но потом опускаю камеру.

**Среда,
3 ноября**

Глава 20

Я просыпаюсь с мыслями об Уэсли.

Уэсли и тяжелое похмелье. Как в тумане спускаюсь в кабинет, потом бегу в ванную, и меня выворачивает. Неземное блаженство.

Я обнаружила, что блюю с большим мастерством. Могла бы стать профи, как говорит Эд. Один раз нажимаю на кнопку смыва, и вся гадость проскальзывает вниз. Я полощу рот, похлопываю по бледным щекам и возвращаюсь в кабинет.

На той стороне сквера в окнах Расселов никого, комнаты не освещены. Я вглядываюсь в дом, он вглядывается в меня. Похоже, мне не хватает моих соседей.

Я смотрю в южном направлении – по улице тащится видавшее виды такси, вслед за ним идет женщина со стаканчиком кофе в руке и голдендумлем на поводке. Часы в телефоне показывают 10:28. Как меня угораздило так рано встать?

Правильно, я забыла принять темазепам. Ну да, отключилась, не успев о нем вспомнить. От него приходишь в полуబессознательное состояние, и на тебя наваливается непомерная тяжесть.

А теперь у меня в голове яркими вспышками мелькают картины вчерашнего вечера. Похоже на карусель из «Незнакомцев в поезде». Было ли это вообще? Да, мы откупорили вино Джейн, болтали без умолку, лопали шоколад. Я фотографировала, мы обсуждали наши семьи, я разложила на столе свои таблетки, мы выпили еще. Впрочем, все происходило в другом порядке.

Три бутылки вина – или их было четыре? Пусть так, я могу и больше, опыта хватает.

– Таблетки! – восклицаю я таким тоном, каким сыщик вскрикивает «Эврика!».

Моя дозировка! Помню, что вчера приняла двойную дозу. Наверное, мои проблемы – от таблеток.

«Держу пари, от них у тебя задница распухнет», – хихикала Джейн, когда я проглотила горсть, запив вином.

Голова раскалывается, руки трясутся. Я достаю спрятанный в глубине выдвижного ящика флакончик адвилла, забрасываю в рот три капсулы. Срок годности кончился девять месяцев назад. Я размышляю о том, что за это время были зачаты и родились дети. Созданы целые жизни.

Потом проглатываю четвертую – на всякий случай.

А потом... Что было потом? Да, потом пришел Алистер и спрашивал про жену.

Движение за окном. Поднимаю глаза. Это доктор Миллер, он уходит на работу.

– Увидимся в четверть четвертого, – говорю я ему. – Не опаздывайте.

«Не опаздывайте» – таково было золотое правило Уэсли.

– Для некоторых людей это самые важные пятьдесят минут за всю неделю, – напомнит он мне, бывало, – так что, ради бога, чем бы вы ни занимались, не опаздывайте.

Уэсли Бриллиант. Я уже три месяца неправлялась о нем. Хватаю мышь и вхожу в «Гугл». Курсор мечется по полю поиска в ритме неровного пульса.

Вижу, Уэсли по-прежнему занимает тот же пост адъюнкта, по-прежнему публикует статьи в «Таймс» и разных отраслевых журналах. И разумеется, он по-прежнему практикует, хотя припоминаю, что его офис летом переехал в Йорквилл. Я говорю «офис», но на самом деле это всего лишь Уэсли и его секретарша Фиби вместе с ее картридером. И тем креслом-шезлонгом «Имз». Он обожает свой «Имз».

Тот «Имз», и ничего кроме. Уэсли не довелось жениться – его любовью было лекторство, детьми были пациенты.

– Не вздумайте сочувствовать бедному доктору Брилу, Фокс, – предупредил он меня.

Прекрасно помню: Центральный парк, лебеди, с шеями, изогнутыми в виде вопросительного знака, жаркий полдень в ажурной тени вязов. Уэсли только что предложил мне стать его младшим партнером по практике.

– Моя жизнь и так полна до краев, – сказал он. – Вот почему мне нужны вы или кто-то похожий на вас. Мы вместе сможем помочь многим детям.

Он был, как всегда, прав.

Я кликаю на картинки в «Гугле». Поискал, нахожу небольшую галерею снимков, не особенно новых, не особенно лестных.

– Я неважно фотографирую, – безропотно заметил он однажды. Его окутывал мутный сигарный дым. Ногти на сжимавших сигару пальцах слоились и были покрыты пятнами.

– Да уж, – согласилась я.

Он поднял колючую бровь:

– Вот скажите, правда это или нет: вы и с мужем так строги?

– Правда, но не абсолютная.

Он фыркнул.

– Абсолютной правды не бывает, – сказал он. – Либо правда, либо ложь. Либо реально, либо нет.

– Истинная правда, – откликнулась я.

Глава 21

– Угадай кто, – говорит Эд.
Я ерзаю в кресле.
– Это моя реплика.
– У тебя ужасный голос, бездельница.
– Голос и самочувствие.
– Тебе плохо?
– Было, – отвечаю я.

Понимаю, что не следует говорить ему о вчерашнем, но я слишком слаба. И мне хочется быть честной с Эдом. Он этого заслуживает.

Он недоволен.

– Нельзя этого делать, Анна. Хотя бы воздерживайся, когда принимаешь лекарства.

– Знаю.
Я уже жалею, что сказала.
– Нет, правда.
– Знаю, – повторяю я.

Когда он заговаривает вновь, голос звучит мягче.

– Последнее время у тебя было много посетителей, – говорит он. – Много соблазнов. – Он на время умолкает. – Может быть, эти люди с той стороны сквера…

– Расселы.
– …может быть, они на время оставят тебя в покое?
– Не сомневаюсь, что оставят, если только я не буду падать в обморок на улице.

– Им нет до тебя дела.
«А тебе нет дела до них». Готова поспорить, он так подумал.
– Что говорит доктор Филдинг? – продолжает он.

Начинаю догадываться, что Эд всегда задает этот вопрос, когда растерян.

– Его больше интересуют мои отношения с вами.
– Со мной?
– С вами обоими.
– А-а.
– Эд, я скучаю по тебе.

Я не собиралась этого говорить – даже не понимала, что думаю об

этом. Неотфильтрованное подсознание.

– Прости – это во мне говорит ид^[14], – объясняю я.

Он молчит.

– Ну а теперь говорит Эд, – наконец произносит он.

Мне этого тоже не хватает – его глупых каламбуров. Он, бывало, говорил мне, что я вставляю свое имя Анна в слово «психо-анна-литик».

«Это ужасно!» – давилась я от смеха. «Тебе же это нравится», – отвечал он, и мне действительно нравилось.

Эд снова умолкает. Потом спрашивает:

– Так по чему же именно ты скучаешь?

Я такого не ожидала.

– Я скучаю... – начинаю я, надеясь, что фраза завершится сама собой.

И слова вырываются из меня стремительным потоком, готовым прорвать плотину.

– Скучаю по тому, как ты катаешь шары, – произношу я первые пришедшие на ум идиотские слова. – Скучаю по тому, как ты неправильно завязываешь булинь. Скучаю по твоим порезам от бритвы. По твоим бровям.

Пока говорю, я ловлю себя на том, что поднимаюсь по лестнице, прохожу площадку и оказываюсь в спальне.

– Я скучаю по твоим ботинкам. Скучаю по тому, как ты утром просишь сварить тебе кофе. Скучаю по тому слушаю, когда ты намазался моей тушью для ресниц, и все заметили. Скучаю по тому разу, когда ты попросил меня что-то зашить. Скучаю по тому, как ты вежлив с официантами.

Сейчас я в своей кровати – нашей кровати.

– Я скучаю по твоему омлету. – Пусть это всего-навсего глазунья. – Скучаю по твоим сказкам на ночь. – Героиня отвергает принца, на первом месте у нее защита диссертации. – Скучаю по твоей пародии на Николаса Кейджа.

Я ловлю себя на том, что заливаюсь слезами.

– Мне не хватает твоих глупых-преглупых щуток. Я скучаю по тому, как ты ломаешь шоколадку, вместо того чтобы откусить от этой гребаной плитки.

– Следи за языком.

– Прости.

– К тому же так вкуснее.

– Мне не хватает твоей души, – говорю я.

Пауза.

– Я так по тебе скучаю.

Пауза.

– Я так вас люблю. – У меня прерывается дыхание. – Вас обоих.

Здесь нет никакой модели, – по крайней мере, я ее не вижу, а меня учили распознавать модели. Просто я по нему скучаю. Скучаю и люблю. Люблю их.

Следует молчание, долгое и глубокое. Я шумно дышу.

– Но, Анна, – ласково произносит Эд, – если...

Какой-то звук снизу.

Приглушенный грохот. Возможно, осадка дома.

– Подожди, – прошу я Эда.

Потом четко различаю чей-то сухой кашель, бормотание.

Кто-то в моей кухне.

– Мне пора идти, – говорю я Эду.

– Что...

Но я уже крадусь к двери, зажав в руке телефон. Пальцы мечутся по экрану, набирают 911, и большой палец нацеливается на клавишу вызова. Помню последний раз, когда туда звонила. По сути дела, я обращалась в службу спасения не единожды. Или пыталась обратиться. На этот раз кто-нибудь да ответит.

Я шагаю вниз по лестнице, скользя ладонью по перилам. Почти не вижу ступеней в темноте.

Заворачиваю за угол, здесь лестничный пролет освещен. Крадусь в кухню. Телефон дрожит в руке.

Около посудомоечной машины стоит мужчина, повернувшись ко мне широкой спиной.

Он оборачивается. Я нажимаю на клавишу вызова.

Глава 22

– Привет, – говорит Дэвид.

Твою мать! Я перевожу дух, быстро отменяю вызов. Засовываю телефон в карман.

– Извините, – добавляет он. – Я звонил в дверь около получаса назад, но, наверное, вы спали.

– Вероятно, была в душе, – отвечаю я.

Он не реагирует. Возможно, ему за меня неловко – у меня на волосах ни капли влаги.

– Поэтому я вошел через цокольный этаж. Ничего?

– Конечно ничего, – говорю я. – Милости прошу в любое время. – Я подхожу к раковине, наливаю стакан воды. Нервы у меня на пределе. – Зачем я вам понадобилась?

– Ищу «Икс-Акто».

– «Икс-Акто»?

– Нож такой специальный, от «Икс-Акто».

– Вроде резака для коробок?

– Точно. Я смотрел под раковиной и в ящике около телефона. Кстати, ваш телефон не подключен. Думаю, он умер.

Не помню даже, когда я в последний раз пользовалась проводным телефоном.

– Наверняка.

– Может быть, хотите его подключить?

«Не нужно», – думаю я. Возвращаюсь на лестницу.

– Там наверху, в кладовке, есть резак для коробок, – говорю я, и Дэвид идет за мной следом.

На площадке я поворачиваюсь и открываю дверь кладовки, которая находится на длинном узком чердаке. Внутри темно, хоть глаз выколи. Я дергаю за шнурок, вспыхивает голая лампочка. В дальнем конце свалены сложенные шезлонги, на полу, как цветочные горшки, стоят банки с краской и, невероятно, рулоны тисненых обоев с пастушками и аристократами. На полке нетронутый ящик с инструментами Эда. «Что ж, я не умелец, – говоривал он. – С такой фигурой, как у меня, это неизбежно».

Я открываю ящик, роюсь в нем.

– Вот. – Дэвид указывает на серебристый пластиковый чехол, из

которого высовыvается лезвие, и я хватаюсь за него. – Аккуратнее.

– Я вас не порежу.

Я осторожно подаю ему нож, направив лезвие к себе.

– Я о вас беспокоюсь, – фыркает он.

До чего же приятно это слышать!

– Зачем вам этот нож?

Я снова дергаю за шнурок, и падает тьма. Дэвид не двигается.

Пока мы стоим в темноте – я в халате, мой съемщик с ножом, – до меня доходит, что так близко от него я еще не была. Он может меня поцеловать. Он может меня убить.

– Соседский мужик попросил меня помочь. Надо открыть коробки и убрать всякий хлам.

– Какой соседский мужик?

– Он живет в доме через сквер. Рассел.

Дэвид выходит и направляется к лестнице.

– Как он вас нашел? – спрашиваю я, следя за ним.

– Я развесил флаеры. Он увидел один в кафе или где-нибудь еще. – Повернувшись, Дэвид смотрит на меня. – Вы его знаете?

– Нет, – отвечаю я. – Он вчера заскочил ко мне, вот и все.

Мы снова в кухне.

– Ему надо распаковать коробки и собрать кое-какую мебель в цокольном этаже. Вернусь после обеда.

– Думаю, сейчас вы никого не застанете.

Дэвид, прищурившись, смотрит на меня.

– Откуда вы знаете?

«Потому что слежу за ними».

– Непохоже, чтобы кто-нибудь был дома.

Я указываю на дом двести семь через кухонное окно, и в этот момент гостиная Расселов озаряется светом. Там стоит растрепанный после сна Алистер, между его щекой и плечом зажат мобильный.

– Вон этот мужик, – говорит Дэвид, направляясь к двери в прихожую. – Зайду к вам попозже. Спасибо за нож.

Глава 23

Я собираюсь вернуться к разговору с Эдом. «Угадай кто», – скажу я, теперь моя очередь. Но не успел Дэвид закрыть за собой дверь, как раздается стук. Я иду узнать, что ему еще нужно.

Однако за дверью стоит женщина – стройная Бина, с широко раскрытыми от удивления глазами. Я бросаю взгляд на телефон – ровно полдень. Господи.

– Меня впустил Дэвид, – объясняет она. – Он все краше с каждым днем. К чему это может привести?

– Может быть, тебе следует что-то предпринять на этот счет, – говорю я ей.

– Может быть, тебе следует закрыть рот и подготовиться к упражнениям. Иди переоденься в нормальную одежду.

Я переодеваюсь и разворачиваю свой коврик. Мы начинаем делать гимнастику на полу гостиной. Прошло уже почти десять месяцев, как я познакомилась с Биной, – почти десять месяцев, как меня выписали из больницы с ушибами позвоночника и поврежденным горлом, – и за это время мы привязались друг к другу. Наверное, даже подружились, как считает доктор Филдинг.

– Сегодня на улице тепло. – Она кладет гирю в ложбинку на моей пояснице. У меня дрожат локти. – Надо открыть окно.

– Ни за что, – ворчу я.

– Упускаешь хороший шанс.

– Я многое упускаю.

Часом позже, когда у меня футболка липнет к телу, Бина поднимает меня.

– Не хочешь попробовать этот трюк с зонтиком? – спрашивает она.

Я качаю головой. Волосы у меня приклеились к потной шее.

– Не сегодня. И это не трюк.

– Сегодня подходящий день. Приятная, мягкая погода.

– Нет... у меня... нет.

– Ты перепила.

– И это тоже.

Она легко вздыхает.

– Пробовала сделать это на днях с доктором Филдингом?

– Да, – вру я.

- И как получилось?
 - Отлично.
 - Много прошла?
 - Тринадцать шагов.
- Бина изучает меня.
- Ладно. Неплохо для дамы твоего возраста.
 - Стареем понемногу.
 - А когда у тебя день рождения?
 - На следующей неделе. Одиннадцатого. Одиннадцатого одиннадцатого.
 - Надо будет сделать тебе скидку для пенсионеров.
- Она наклоняется, складывает гири в кейс.
- Давай перекусим, – предлагаю я.

Я готовила не часто – шефом был Эд. А теперь мне доставляют продукты на дом – замороженные обеды, еду для микроволновки, мороженое... Вино оптом. А также небольшое количество постного мяса и фруктов – на благо Бине. И мне тоже, сказала бы она.

Наши ланчи не имеют отношения к сеансам лечебной гимнастики, – похоже, Бина получает удовольствие от моего общества.

- Я не должна платить тебе за это? – спросила я ее однажды.
 - Ты и так готовишь для меня, – ответила она.
- Сегодня я кладу ей на тарелку дыню с медом и несколькими полосками сухого бекона.
- Точно необработанный? – спрашивает Бина.
 - Точно.
 - Благодарю, леди.

Она подносит ко рту ложку с дыней, облизывает мед с губ.

– Я читала статью о том, что пчелы в поисках пыльцы могут улетать за шесть миль от улья.

- Где ты об этом прочитала?
- В «Экономисте».
- О-о, в «Экономисте».
- Разве не удивительно?
- Это наводит тоску. А я не могу даже выйти из дома.
- Статья была не о тебе.
- Похоже, да.
- К тому же пчелы танцуют. Это называется...
- Виляющий танец.

Она разрывает полоску бекона пополам.

– Откуда ты знаешь?

– Когда я была в Оксфорде, в Музее Питта Риверса – это рядом с Музеем естественной истории – проходила выставка, посвященная пчелам.

– О-о, Оксфорд.

– Я помню этот виляющий танец, в основном потому, что мы пытались его повторить. Суетливые, неловкие движения. Очень похоже на то, как я делаю лечебную гимнастику.

– Вы были в подпитии?

– Я бы сказала, нетрезвые.

– С тех пор как я прочитала ту статью, мне начали сниться пчелы, – говорит Бина. – Что это, по-твоему, означает?

– Я не фрейдистка. Я не tolkую сны.

– А если бы попробовала?

– Если бы попробовала, то сказала бы, что пчелы выражают твою настоятельную потребность перестать спрашивать меня о смысле твоих снов.

Она жует.

– В следующий раз я заставлю тебя страдать.

Мы едим в тишине.

– Ты сегодня принимала таблетки?

– Да.

Я их не принимала. Сделаю это после того, как она уйдет.

Секунду спустя слышно, как по трубам хлынула вода. Бина смотрит в сторону лестницы.

– Это был туалет?

– Да.

– В доме есть кто-то еще?

Я качаю головой, сглатываю.

– Похоже, у Дэвида завелась подружка.

– Потаскуха!

– Он не ангел.

– Ты знаешь, кто она?

– Нет, конечно. Ревнуешь?

– Определенно нет.

– Ты не хотела бы исполнить с Дэвидом виляющий танец?

Она швыряет в меня кусочком бекона.

– В среду у меня разбирательство по наследству. То же, что на прошлой неделе.

– А, твоя сестра...

– Да. Хочет больше. Четверг тебя устроит?

– Вполне.

– Ура! – Она жует, взбалтывает воду в стакане. – У тебя утомленный вид, Анна. Ты хоть немного отдохнешь?

Я киваю и тут же качаю головой:

– Нет. Хотела сказать «да», но последнее время одолевают всякие мысли. Знаешь, мне это тяжело. Все... это. – Я делаю широкий жест рукой.

– Да, я понимаю, как это тяжело.

– И гимнастику мне делать трудно.

– У тебя большие успехи. Правда.

– И психотерапия идет со скрипом. Тяжело быть на той стороне.

– Могу себе представить.

Я глубоко дышу. Не хочу дать волю чувствам. Но в конце концов говорю:

– Скучаю по Ливви и Эду.

Бина кладет вилку.

– Ну конечно, – произносит она с теплой улыбкой, от которой хочется плакать.

Глава 24

БабуляЛиззи: Привет, доктор Анна!

Это сообщение в сопровождении чириканья появляется на экране моего настольного компьютера. Я отодвигаю бокал в сторону, останавливаю шахматную игру. Со времени ухода Бины счет у меня 3:0. Образцовый день.

ВрачПришел: Привет, Лиззи! Как самочувствие?

БабуляЛиззи: Лучше, большое спасибо.

ВрачПришел: Очень рада слышать.

БабуляЛиззи: Я пожертвовала одежду Ричарда нашей церкви.

ВрачПришел: Не сомневаюсь, они это оценили.

БабуляЛиззи: Да, и Ричард этого хотел бы.

БабуляЛиззи: А ученики из моего третьего класса сделали для меня большую открытку с пожеланиями скорейшего выздоровления. Она огромная. Повсюду блестки и шарики из ваты.

ВрачПришел: Это так мило.

БабуляЛиззи: Честно говоря, я поставила бы за нее три с плюсом, но ведь главное – это доброе намерение.

Я смеюсь. LOL^[15], набираю я, но потом удаляю.

ВрачПришел: Я тоже работала с детьми.

БабуляЛиззи: Правда?

ВрачПришел: Занималась детской психологией.

БабуляЛиззи: Временами я чувствую, что это была моя работа.

Я опять смеюсь.

БабуляЛиззи: Эй, эй! Чуть не забыла!

БабуляЛиззи: Утром мне удалось немного прогуляться! Ко мне заглянул один из моих бывших учеников и вывел меня из дома.

БабуляЛиззи: Всего на минуту, но оно того стоило.

ВрачПришел: Какой замечательный поступок. Дальше пойдет легче.

Может, это и не так, но надеюсь, что у Лиззи все будет отлично.

ВрачПришел: И как чудесно, что ученики вас любят.

БабуляЛиззи: Это Сэм. Никаких художественных наклонностей, но он был очень милым ребенком, а теперь стал очень приятным мужчиной.

БабуляЛиззи: Правда, я забыла ключ от дома.

ВрачПришел: Это вполне понятно!

БабуляЛиззи: Не сразу смогла попасть в дом.

ВрачПришел: Надеюсь, вы не очень испугались.

БабуляЛиззи: Не очень, потому что я держу запасной ключ в цветочном горшке. У меня есть красивые фиалки, все в цвету.

ВрачПришел: В Нью-Йорке у нас не бывает такой роскоши!

БабуляЛиззи: Ну Очень Смешно!

Я улыбаюсь. Она еще не вполне освоила эти компьютерные акронимы.

БабуляЛиззи: Мне пора готовить ланч. Ко мне придет приятельница.

ВрачПришел: Конечно. Рада, что у вас есть компания.

БабуляЛиззи: Спасибо!

Она заканчивает чат, и я сияю от счастья. «Прежде чем умереть, я, пожалуй, мог бы принести некоторую пользу...» «Джуд», часть шестая, глава первая^[16].

Пять часов, и все хорошо. Я завершаю матч (4:0!), допиваю остатки вина, спускаюсь к телевизору и включаю плеер. Посмотрю сегодня два фильма Хичкока: «Веревку», недооцененное творение мастера, и «Незнакомцев в поезде» – или в обратном порядке. В обеих лентах главные роли исполняют актеры-гей – не зря же я эти фильмы поставила в пару. Я по-прежнему воображаю себя психоаналитиком.

– В другом порядке, – говорю я себе.

Последнее время я часто разговариваю с собой. Надо будет озадачить этим доктора Филдинга.

Или, быть может, «На север через северо-запад».

Или «Леди исчезает».

Раздается неудержимый вопль ужаса, рвущийся из чьей-то глотки.

Я быстро поворачиваюсь к окнам кухни.

В моей комнате тихо. Сердце бешено колотится.

Где кричали?

Снаружи, должно быть, накатывают волны душистого вечернего воздуха, деревья покачиваются от ветра. Доносился ли крик с улицы или...

И опять исходящий откуда-то из глубины, кромсающий воздух, громкий безумный вопль. Из двести седьмого. Окна гостиной распахнуты, шторы колышутся от ветерка. «Сегодня на улице тепло, – сказала Бина. – Нужно открыть окно».

Я таращусь на дом, переводя взгляд с кухни на гостиную, потом поднимаю глаза к спальне Итана.

Неужели Рассел набросился на жену? «У него все под строгим контролем».

У меня нет их телефонного номера. Я выуживаю из кармана мобильный, роняю его на пол.

– Твою мать!

Набираю номер справочной службы.

– Какой адрес?

Я отвечаю, секунду спустя автоответчик называет десять цифр, предлагает повторить их на испанском. Даю отбой, записываю номер в свой телефон.

Мне в ухо мурлычет звонок.

Еще один.

Третий.

– Алло?

Итан. Тихий, дрожащий голос. Я изучаю стену дома Расселов, но не вижу Итана.

– Это Анна. С той стороны сквера.

Сопение.

– Привет.

– Что там у вас происходит? Я слышала крик.

– О-о. Нет... нет. – Он откашливается. – Все хорошо.

– Но кто-то кричал. Это была твоя мама?

– Все хорошо, – повторяет Итан. – Просто он вышел из себя.

– Вам нужна помощь?

Пауза.

– Нет.

В ухе у меня звучат два гудка. Он повесил трубку.

Дом Расселов безучастно смотрит на меня.

Дэвид! Сегодня он там. Или уже вернулся? Я стучу в дверь цокольного этажа, зову его по имени. На миг воображаю, как дверь откроет незнакомка и сонно объясnit, что Дэвид должен скоро прийти. «Вы не против, если я вернусь в постель? Большое спасибо».

Ничего.

Он слышал все это? Видел? Я набираю его номер.

Четыре долгих, неспешных гудка, потом запись универсального приветствия: «Извините. Человек, которому вы позвонили...» Женский голос, всегда женский. Может быть, нам лучше удастся виноватый тон.

Я нажимаю «Отменить». Поглаживаю телефон, словно это волшебная лампа, из которой сейчас выскочит джинн, готовый поделиться мудростью и исполнить мои желания.

Джейн кричала. Два раза. Ее сын говорит, что все в порядке. Полицию вызвать я не могу – если уж он не захотел признаться мне, то наверняка ничего не скажет людям в форме.

Я вдавливаю ногти в ладонь, на которой появляются крошечные полумесяцы.

Нет. Нет нужды снова с ним разговаривать – а тем более с ней. Я тыкаю в клавишу «Недавние вызовы» на экране, потом нажимаю на номер Расселов. Мне отвечают после первого звонка.

– Да, – произносит Алистер своим приятным тенором.

У меня перехватывает дыхание.

Я поднимаю глаза: вот он, стоит в кухне, прижав телефон к уху. В другой руке молоток. Он меня не видит.

– Говорит Анна Фокс из дома номер двести тринадцать. Мы встречались в прошлый...

– Да, я помню. Здравствуйте.

– Здравствуйте, – бормочу я, но лучше бы я с ним не здоровалась. – Только что я слышала крик, поэтому решила позвонить...

Повернувшись ко мне спиной, он кладет молоток на стойку – молоток, не это ли ее напугало? – и, словно успокаивая себя, похлопывает ладонью по загривку.

– Простите – вы слышали что? – спрашивает он.

Я такого не ожидала.

– Крик, – поясняю я. Нет, нужен авторитетный тон. – Крик. Минуту назад.

– *Крик?* – произносит Алистер, словно это иностранное слово.

– Да.

– Откуда?

– Из вашего дома.

Повернись. Хочу увидеть твоё лицо.

– Это... Не было никакого крика, уверяю вас.

Я слышу, как он посмеивается, смотрю, как прислоняется к стене.

– Но я слышала.

«И твой сын это подтвердил», – думаю я, хотя не скажу ему этого – иначе он может сильно разозлиться.

– Думаю, вам показалось. Или эти звуки доносились откуда-то еще.

– Нет, я отчетливо слышала крик из вашего дома.

– Сейчас здесь только я и мой сын. Я не кричал и точно знаю, что он тоже.

– Но я слышала...

– Миссис Фокс, извините, но мне пора – звонят по другому телефону.

У нас все хорошо. Никаких криков, уверяю вас!

– Вы...

– Хорошего дня. Наслаждайтесь погодой.

Я вижу, как он вешает трубку, вновь слышу те два гудка. Он берет со стойки молоток, выходит из комнаты через дальнюю дверь.

Я недоверчиво таращаюсь на телефон, словно он может мне что-то объяснить.

И через секунду, вновь поднимая взор на дом Расселов, я вижу на крыльце Джейн. Перед тем как спуститься по ступеням, она на миг замирает, словно сурикат, почувствовавший хищника. Поворачивает голову направо, потом налево и, наконец, направляется на запад, в сторону авеню. Ее волосы сияют в лучах закатного солнца подобно короне.

Глава 25

Он прислоняется к косяку, рубашка потемнела от пота, волосы спутаны. В одном ухе наушник-пуговка.

– Что такое?

– Вы слышали крики у Расселов? – повторяю я.

Я слышала, как вернулся Дэвид, примерно через полчаса после появления Джейн на крыльце. Все это время мой «Нikon» был нацелен из моего окна в окно Расселов – точь-в-точь собака, вынюхивающая лисьи норы.

– Нет, я ушел от них примерно полчаса назад, – говорит Дэвид. – Заходил в кафе за сэндвичем. – Он задирает край футболки к лицу, вытирает пот. У него живот в складках. – Вы слышали крики?

– Два раза кто-то крикнул. Громко и отчетливо. Около шести часов.

Он смотрит на наручные часы.

– Я мог быть еще там, правда, мало что слышал вообще, – поясняет он, указывая на наушник. Другой наушник болтается у бедра. – Разве что Брюса Спрингстינה.

Практически в первый раз Дэвид заговорил о своих предпочтениях, но время дорого. Я гоню вперед.

– Мистер Рассел не сказал, что вы там были. Сообщил, что дома только он и его сын.

– Значит, я, вероятно, уже ушел.

– Я вам звонила.

Это звучит как мольба.

Нахмутившись, он достает телефон из кармана, смотрит на него, хмурится сильнее, как будто телефон его подвел.

– О-о. Вам что-то было нужно?

– Значит, вы не слышали, чтобы кто-то кричал?

– Не слышал.

Я поворачиваюсь.

– Так вам ничего не нужно? – вновь спрашивает Дэвид, но я уже направляюсь к окну, держа в руке камеру.

Я вижу, как он выходит. Открывается дверь, и он показывается на крыльце. Быстро спускается по ступеням, поворачивает налево, идет по тротуару. К моему дому.

Когда минуту спустя раздается звонок, я уже жду у домофона. Нажимаю кнопку, слышу, как он входит в прихожую и за ним со скрипом захлопывается входная дверь. Открываю дверь в прихожую. Он стоит в полумраке, с красными, заплаканными глазами.

– Простите меня, – говорит Итан, задержавшись на пороге.

– Не надо извиняться. Входи.

Он двигается рывками, словно воздушный змей, метнувшись сначала к дивану, потом устремившись в кухню.

– Хочешь что-нибудь поесть? – спрашиваю я.

– Нет, я не могу надолго оставаться.

Он качает головой, и по его лицу скатываются слезы. Этот ребенок дважды заходил ко мне и оба раза плакал.

Разумеется, я привычна к детскому горю – рыдания, крики, растерзанные куклы, разорванные книги. Получалось так, что обнять я могла только Оливию. Теперь же я раскрываю объятия Итану, широко, как крылья, раскидывая руки, и он неловко прижимается ко мне.

На краткий миг я вновь обнимаю дочь – обнимаю ее накануне первого школьного дня, обнимаю в бассейне во время каникул на Барбадосе, обнимаю под сильным снегопадом. Наши сердца бьются в унисон, словно общая кровь пульсирует в наших тела.

Уткнувшись мне в плечо, он что-то невнятно бормочет.

– Что такое?

– Я говорю – мне правда очень жаль, – повторяет он, высвобождаясь и вытирая рукавом нос. – Очень жаль.

– Все хорошо. Перестань. Все хорошо. – Я смахиваю упавшие на глаза волосы и тем же жестом убираю прядь с лица Итана. – Что происходит?

– Мой папа… – Он умолкает, глядя через окно на свой дом, который в темноте выглядит зловеще. – Папа стал вопить, и мне надо было выбраться из дома.

– Где твоя мама?

Он шмыгает, снова вытирает нос.

– Не знаю. – Пару раз глубоко вздохнув, он смотрит мне в глаза. – Простите. Я не знаю, где она. Но с ней все в порядке.

– Ты уверен?

Чихнув, он смотрит вниз. Там Панч, он трется о ноги Итана. Итан снова чихает.

– Извините. – Опять чихает. – Кот. – Итан осматривается по сторонам, словно удивляясь, что оказался у меня в кухне. – Мне пора идти. А то папа рассердится.

– Мне кажется, он уже рассердился.

Я отодвигаю от стола стул, указываю на него.

Итан смотрит на стул, потом снова бросает взгляд в окно.

– Мне пора. Не надо было приходить. Просто мне...

– Просто тебе надо было выбраться из дома, – заканчиваю я. – Понимаю. Но безопасно ли возвращаться?

К моему удивлению, он смеется коротким желчным смехом.

– Он так важничает. И это все. Я его не боюсь.

– Но мама боится.

Он ничего не отвечает.

Насколько я могу судить, очевидных признаков жестокого обращения с Итаном нет: на лице и руках отсутствуют следы насилия, поведение живое и дружелюбное – хотя он дважды плакал, не надо об этом забывать, – гигиена удовлетворительная. Но это всего лишь первое, поверхностное впечатление. В конце концов мальчик сейчас стоит у меня в кухне, бросая тревожные взгляды на свой дом по ту сторону сквера.

Я задвигаю стул на место.

– Хочу, чтобы ты записал номер моего мобильного, – говорю я.

Он кивает – думаю, неохотно, но сделает это.

– Можете мне его написать? – спрашивает он.

– У тебя нет телефона?

Итан качает головой.

– Он... папа мне не разрешает. – Итан шмыгает носом. – Электронки у меня тоже нет.

Неудивительно. Я достаю из кухонного ящика старый рецепт, пишу на нем. Нацарапав четыре цифры, я понимаю, что это старый рабочий номер горячей линии для моих пациентов. Как шутил, бывало, Эд: «1-800-АННА-СЕЙЧАС».

– Извини. Не тот телефон...

Я перечеркиваю цифры, потом записываю правильный номер. Поднимаю глаза – Итан стоит у кухонной двери, глядя через сквер на свой дом.

– Тебе не обязательно идти туда, – замечаю я.

Он поворачивается. С сомнением качает головой:

– Все-таки мне пора.

Кивнув, я протягиваю ему листок. Итан засовывает его в карман.

– Звони в любое время, – говорю я. – И дай этот номер маме, пожалуйста.

– Хорошо.

Он идет к двери, расправив плечи. Полагаю, собирается с духом для битвы.

– Итан?

Он поворачивается, уже держась за дверную ручку.

– Я серьезно. В любое время.

Кивнув, он открывает дверь и выходит.

Я возвращаюсь к окну, смотрю, как он шагает мимо сквера, поднимается по ступеням, вставляет ключ в замок. Помедлив, делает глубокий вдох. Потом исчезает в доме.

Глава 26

Два часа спустя я допиваю последние капли вина, ставлю бутылку на кофейный столик. Медленно приподнявшись, клонюсь в сторону, как секундная стрелка часов.

Нет. Надо дотащиться до спальни. До ванной.

Стоя под душем, я чувствую, как мой мозг затопляют события последних нескольких дней, заполняют расщелины, накапливаются в пустотах – плачущий на диване Итан; доктор Филдинг, с его высоковольтными очками; Бина, упирающаяся ногой мне в позвоночник; водоворот того вечера, когда у меня была Джейн. Дэвид с ножом. Алистер – хороший муж, хороший отец. Те вопли.

Я сжимаю флакон с шампунем, рассеянно втираю его в волосы. У моих ног поднимается прилив.

И таблетки – боже, таблетки. «Это сильные психотропные препараты, Анна, – советовал доктор Филдинг в самом начале, когда я сидела на обычных болеутоляющих. – Пользуйтесь ими ответственно».

Я прижимаю ладони к стене, свешиваю голову, прячу лицо в темной пещере волос. Со мной – внутри меня – что-то происходит, что-то опасное и новое. Во мне укоренилось какое-то ядовитое дерево, оно растет, раскидывает ветви, его побеги оплетают мои кишki, легкие, сердце.

– Таблетки, – шепчу я, и мой тихий голос почти не слышен из-за шума душевых струй, словно я разговариваю под водой.

Моя рука чертит на стекле какие-то иероглифы. Я открываю глаза и читаю их. Вновь и вновь я пишу на двери душевой кабинки имя Джейн Рассел.

**Четверг,
4 ноября**

Глава 27

Он лежит на спине. Я провожу пальцем вдоль дорожки из темных волос, разделяющей его торс от пупка до груди.

– Мне нравится твое тело, – говорю я.

Он со вздохом улыбается.

– Не надо, – просит он, и потом, пока я гладжу изгибы его шеи, перечисляет все свои изъяны – это сухая кожа, из-за которой спина у него напоминает плитку терраццо; родинка между лопатками, как эскимос, затерянный во льдах; покоробленный ноготь на большом пальце; шишковатые запястья; крошечный белый шрам, перечеркивающий ноздри.

Я трогаю пальцем шрам. Засовываю мизинец в его ноздрю, он фыркает.

– Как это случилось? – спрашиваю я.

Он накручивает мои волосы на большой палец.

– Это сделал мой кузен.

– Я не знала, что у тебя есть кузен.

– Даже двое. Это был мой кузен Робин. Он поднес к моему носу бритву и сказал, что порежет мне ноздри, чтобы у меня осталась одна. И когда я покачал головой, бритва сделала свое дело.

– Господи.

Он с шумом выдыхает.

– Да уж. Если бы я кивнул в знак согласия, все было бы нормально.

Я улыбаюсь.

– Сколько тебе было лет?

– О, это случилось в прошлый вторник.

Теперь я смеюсь, и он тоже. Я просыпаюсь, и сон утекает как вода.

Сон-воспоминание. Я пытаюсь удержать его в ладонях, но он исчезает.

Я прижимаю ладонь ко лбу, силясь прогнать похмелье. Отбрасываю простыни, на пути к комоду скидываю пижаму, смотрю на настенные часы. 10:10. На циферблате вощеные усы. Я проспала двенадцать часов.

Вчерашний день увял, словно пожелтевший, поникший цветок. Домашняяссора, неприятная, но обыденная – вот что я услышала. На самом деле – подслушала. Не мое это дело. Наверное, Эд прав, думаю я, спускаясь в кабинет.

Конечно прав. Чересчур много стимулирующих факторов, честное слово. Я слишком много сплю, слишком много пью, слишком много думаю.

Не так ли я увлеклась Миллерами, когда они вернулись в августе? Они никогда не заходили ко мне, нет, однако я изучала их режим, следила за их перемещениями, маркировала, как акул в дикой природе. Так что дело не в том, что Расселы чрезвычайно мне интересны. Просто они живут чрезвычайно близко.

Естественно, я волнуюсь за Джейн. И особенно за Итана. «Он просто вышел из себя» – должно быть, у отца весьма жестокий характер. Но я не вправе вызвать, к примеру, службу защиты детей – нет формального повода. На данном этапе это, скорее, навредит, чем поможет. Точно знаю.

Звонит мой мобильный.

Это случается не так часто, и я на миг смущаюсь. Я смотрю в окно, подумав, что это птица. В карманах халата телефона нет, звонки раздаются где-то наверху. Я иду в спальню и откапываю его среди простыней, но он успевает умолкнуть.

На экране читаю: «Джулиан Филдинг». Перезваниваю.

– Алло?

– Алло, доктор Филдинг, я пропустила звонок.

– Здравствуйте, Анна.

– Здравствуйте.

У меня гудит голова.

– Я звоню... Минуточку. – Голос пропадает, потом звучит прямо в ухе. – Я в лифте. Хочу узнать, выполняете ли вы мое предписание.

Какое предписание?.. Ах да – лекарства, которые доставили на дом, когда Джейн была у меня.

– В общем, да.

– Хорошо. Надеюсь, вы не обижаетесь на меня за то, что я вас контролирую.

На самом деле обижаюсь.

– Вовсе нет.

– Вы быстро почувствуете эффект.

Ротанговая дорожка на лестнице царапает мне подошвы.

– Быстрый результат.

– Ну я скорее назвал бы это эффектом, чем результатом.

Не писающий в душе – вот кто он такой.

– Буду держать вас в курсе, – заверяю я его, спускаясь в кабинет.

– Последний сеанс меня обеспокоил.

Я молчу.

– Я...

Нет. Не знаю, что сказать.

– Рассчитываю, что эта последняя корректировка препаратов должна помочь.

Я храню молчание.

– Анна?..

– Да. Я тоже на это надеюсь.

Его голос опять пропадает.

– Простите?

В следующую секунду голос его звучит в полную силу.

– Эти таблетки, – говорит он, – нельзя принимать с алкоголем.

Глава 28

В кухне я запиваю пилюли глотком мерло. Конечно, я понимаю обеспокоенность доктора Филдинга. Я знаю, что алкоголь – депрессант, поэтому плохо сочетается с депрессией. Ясное дело. Сама писала об этом в статье «Юношеская депрессия и злоупотребление алкоголем», которая была опубликована в «Журнале педиатрической психологии» (тридцать седьмой том, четвертый номер). Соавтор Уэсли Брилл. Если потребуется, я могу процитировать наши заключения. Как сказал Бернард Шоу, я часто цитирую себя, это придает моим разговорам остроту. Шоу также говорил, что алкоголь – это анестезия, позволяющая перенести операцию под названием «жизнь». Старый добрый Шоу.

Так что перестань, Джулиан, это же не антибиотики. К тому же я мешаю лекарства с алкоголем уже почти год, и посмотри на меня теперь.

Мой ноутбук лежит на кухонном столе в прямоугольнике солнечного света. Я открываю его, вхожу в «Агору», пропускаю через строй двух новобранцев, вступаю в очередные дебаты по поводу лекарств. «Ни одно из них нельзя принимать вместе с алкоголем», – поучаю я. Один раз – только один – бросаю быстрый взгляд на дом Расселов. Итан барабанит по клавиатуре у себя за столом – полагаю, играет или набирает текст, во всяком случае не бродит по Сети, – а в гостиной сидит Алистер с планшетом на коленях. Семья двадцать первого века. Джейн не видно, но это и хорошо. Не мое дело. Чересчур много стимулирующих факторов.

– Прощайте, Расселы, – говорю я, переключая внимание на телевизор.

«Газовый свет» – Ингрид Бергман, невероятно соблазнительная, медленно сходит с ума.

Глава 29

Вскоре после обеда я возвращаюсь к ноутбуку и вижу, что в «Агору» вошла БабуляЛиззи. Маленькая иконка рядом с ее именем превращается в смайлик, словно в предвкушении участия в этом форуме удовольствия и радости. Я решаю обставить ее.

ВрачПришел: Привет, Лиззи!

БабуляЛиззи: Привет, доктор Анна!

ВрачПришел: Как погода в Монтане?

БабуляЛиззи: На улице дождь. И это хорошо для домашней девчонки вроде меня!

БабуляЛиззи: Какая погода в Нью-Йорке?

БабуляЛиззи: Наверное, я кажусь вам деревенщиной? Надо писать NYC?

ВрачПришел: Годится и то и другое! У нас здесь солнечно. Как поживаете?

БабуляЛиззи: Честно говоря, сегодня более напряженно, чем вчера. Пока так.

Я делаю глоток, перекатываю вино на языке.

ВрачПришел: Бывает. Не всегда все идет гладко.

БабуляЛиззи: Это уж точно! Соседи приносят мне бакалею.

ВрачПришел: Как здорово, что вокруг вас такие отзывчивые люди.

Две опечатки. После двух с лишком бокалов вина. Думаю, вполне приличный средний показатель.

– Чертовски приличный, – говорю я себе, прихлебывая еще.

БабуляЛиззи: НО: главная новость в том, что в субботу ко мне приезжают сыновья. Правда, очень хочу попробовать выйти с ними на улицу. Правда-правда!

ВрачПришел: Не ругайте себя, если в этот раз не получится.

Пауза.

БабуляЛиззи: Знаю, это резкое слово, но мне трудно не ощущать себя фриком.

Действительно резкое, и оно меня ранит. Я осушаю бокал, закатываю рукава халата, и мои пальцы продолжают бегать по клавиатуре.

ВрачПришел: Вы НЕ фрик. Вы – жертва обстоятельств. Вы живете как в аду. Я не выхожу из дома десять месяцев и хорошо знаю, как это трудно. ПОЖАЛУЙСТА, не считайте себя фриком, или неудачницей, или кем-то в этом роде, поскольку вы сильная, находчивая женщина, у которой хватило смелости попросить о помощи. Ваши сыновья должны гордиться вами, а вам следует гордиться собой.

Конец. Не поэзия. И даже не грамотный английский – мои пальцы постоянно соскальзывают с клавишой, – но каждое слово – это правда. Абсолютная правда.

БабуляЛиззи: Это замечательно.

БабуляЛиззи: Спасибо вам.

БабуляЛиззи: Неудивительно, что вы психолог. Вы знаете, что сказать и как сказать.

Чувствую, как мои губы расплываются в улыбке.

БабуляЛиззи: У вас есть семья?

Улыбка застывает.

Прежде чем ответить, я наливаю себе еще вина. До краев. Наклонив голову, я с хлюпаньем отпиваю изрядный глоток. С моей губы скатывается капля и с подбородка падает на халат. Я размазываю ее по махровой ткани. Хорошо, что Эд не смотрит. Хорошо, что никто меня не видит.

ВрачПришел: Семья есть, но мы не живем вместе.

БабуляЛиззи: Почему?

В самом деле – почему? Почему вы не живете вместе, Анна? Я подношу бокал к губам, потом ставлю на место. Передо мной, как японский веер, разворачивается картинка: заснеженная равнина; гостиница, будто нарисованная на конфетной коробке; допотопный автомат с кубиками льда.

И к своему удивлению, я начинаю рассказывать.

Глава 30

За десять дней до этого мы решили расстаться. Это точка отсчета, «давным-давно жили-были». Или скорее – отметим справедливости ради и во имя правды – расстаться решил Эд, а я в принципе согласилась. Признаюсь, я не думала, что это произойдет, даже когда он нанял адвоката. Мог меня просто дурачить.

Что ж, не стоит озадачивать Лиззи объяснением этого «почему». «Почему» не важно, во всяком случае сейчас. Могу рассказать про «куда» и «когда».

Вермонт и декабрь прошлого года, соответственно. Мы усадили Оливию в «ауди» и, выехав на шоссе 9А, оставили позади мост Генри Гудзона и оказались за пределами Манхэттена. Два часа спустя, проезжая по северной части штата Нью-Йорк, мы вырулили на одну из проселочных, по выражению Эда, дорог, где якобы у каждого столба стояли закусочные и блинные, как он пообещал Оливии.

- Мама не любит блины, – сказала она.
- Она может зайти в лавку народных промыслов.
- Мама не любит народные промыслы, – сказала я.

Как оказалось, проселочные дороги этого региона крайне бедны по части блинных и лавок народных промыслов. На самом востоке штата мы нашли одинокую закусочную, где Оливия ковырялась в вафлях с кленовым сиропом – от местного поставщика, как утверждало меню, – а мы с Эдом через стол стреляли друг в друга взглядами. Пошел легкий снег, и хрупкие снежинки, как маленькие камикадзе, летели в окна. Оливия тыкала в них вилкой и визжала от восторга.

Я отбила ее вилку своей.

– В Блю-Ривер этого добра будет гораздо больше, – сказала я дочери.

Это была цель нашего путешествия, лыжный курорт в Центральном Вермонте, куда ездила подруга Оливии. Даже не подруга, а одноклассница.

И вот мы снова в машине, снова в дороге. В целом поездка была спокойной. Оливии мы ничего не сказали – нет смысла портить ей каникулы, доказывала я, а Эд кивал. Мы уверенно продвигались вперед.

В молчании мы проносились мимо широких полей и скованных льдом ручьев, через заброшенные деревни. Около границы Вермонта мы попали в небольшую метель. Оливия неожиданно затянула рождественскую песенку «Через речку, через лес», и я подхватила, стараясь петь с ней в унисон, но у

меня не очень получалось.

– Папочка, пой, пожалуйста, – попросила Оливия.

Она всегда просила, а не требовала. Необычно для ребенка. Иногда я думаю, что это необычно для любого человека.

Эд откашлялся и запел.

Только когда мы добрались до Зеленых гор, выступающих из земли, как плечи великана, Эд начал оттаивать. Оливия при виде гор замерла.

– Никогда не видела ничего подобного, – с сопением проговорила она, и я подивилась, где она слышала эти слова в таком порядке.

– Тебе нравятся горы? – спросила я.

– Они похожи на измятое одеяло.

– Так и есть.

– На постель великана.

– Постель великана? – переспросил Эд.

– Да – как будто под одеялом спит великан. Вот почему оно все в складках.

– Завтра ты будешь кататься на лыжах по одной из этих гор, – пообещал ей Эд, когда мы входили в крутой поворот. – Мы поедем вверх, вверх, вверх на подъемнике, а потом вниз, вниз, вниз по горе.

– Вверх, вверх, вверх, – повторила она.

– Уловила.

– Вниз, вниз, вниз.

– Снова уловила.

– Эта гора похожа на коня. Вот у него уши.

Оливия указала на два веретенообразных пика вдали. Она была в том возрасте, когда все напоминало ей коня.

Эд улыбнулся.

– Будь у тебя конь, как бы ты его назвала, Лив?

– У нас не будет коня, – вставляю я.

– Я назвала бы его Лисица.

– Лисица – женского рода, – сказал ей Эд.

– Он будет быстрым, как лисица.

Мы задумались.

– Как бы ты назвала коня, мам?

– Не хочешь ли называть меня мамочкой?

– Хорошо.

– Хорошо?

– Хорошо, мамочка.

– Я назвала бы коня... Конь Не Тронь.
Я взглянула на Эда. Ничего.
– Почему? – спросила Оливия.
– Это из песенки, которую пели по телевизору.
– Какой песенки?
– Из старого шоу про говорящую лошадь.
– Говорящую лошадь? – Она сморщила нос. – Это глупо.
– Согласна.
– Папочка, как бы ты назвал коня?
Эд посмотрел в зеркало заднего вида.
– Мне тоже нравится Лисица.
– Ух ты! – выдохнула Оливия.
Я повернулась.

Рядом с дорогой открывалась обширная пропасть, огромная пустая чаша, на дне которой виднелись верхушки хвойных деревьев, просвечивающие сквозь клочья тумана. Мы оказались так близко к краю, что создавалось ощущение парения. Мы вглядывались в этот бездонный колодец.

– Какая тут глубина? – спросила Оливия.
– Большая, – ответила я и повернулась к Эду. – Можно немножко помедленнее?
– Помедленнее?
Он чуть сбросил скорость.
– Можно еще медленнее?
– Все в порядке, – сказал он.
– Мне страшно, – пискнула Оливия, поднесла ладошки к глазам, и Эд еще сбавил скорость.
– Не смотри вниз, детка, – сказала я, поворачиваясь к ней. – Смотри на мамочку.
Она глядела на меня широко раскрытыми глазами. Я взяла ее за руку, ската пальчики.
– Все хорошо, – говорила я. – Просто смотри на мамочку.

Мы забронировали номер за пределами Двух Сосен, в получасе езды от курорта, в «лучшей исторической гостинице Центрального Вермонта», как расписывали на сайте «Фишер армз». Банальное сочетание разнообразных каминов и разукрашенных морозом окон.

Машину поставили на маленькой парковке. С карниза над входной дверью, как клыки, свисали сосульки. В интерьере главенствовал сельский

декор Новой Англии: сильно скошенные потолки, мебель в стиле шебби-шик, пылающие каминны, без которых не обходится ни один каталог. Администратор, пухлая молодая блондинка, на бейдже которой значилось «Мэри», попросила нас заполнить гостевые карточки, и пока мы занимались этим, она обихаживала стоящие на стойке цветы. Я подумала, а не обратится ли она к нам так: «Народ...»

- Народ, на лыжах кататься приехали?
- Да, – сказала я. – В Блю-Ривер.
- Рада за вас. – Мэри широко улыбнулась Оливии. – Приближается буря.
- Норд-ост? – предположил Эд.
- Она одарила его лучезарной улыбкой.
- Норд-ост чаще бывает на побережье, сэр.
- Он нахмурился.
- О-о.
- Это просто буря, но сильная. Народ, не забудьте запереть на ночь окна.

Я хотела спросить, почему за неделю до Рождества не закрыты окна, но Мэри вручила мне ключ и пожелала нам приятного вечера.

Мы покатили наши чемоданы по коридору – в «благоустроенном» отеле «Фишер армз» не предполагалось услуг портье – и вошли в наш номер. По обе стороны от камина висели картины с изображением фазанов, на кроватях лежали стопки одеял. Оливия сразу отправилась в туалет, оставив дверь распахнутой, так как она боялась незнакомых ванных комнат.

- Мило, – пробормотала я.
- Лив, – позвал Эд, – как тебе ванная?
- Тут холодно.
- Какую кровать предпочитаешь? – спросил меня Эд.

Во время отпуска мы с ним всегда спали отдельно, чтобы Оливия не залезала к нам в постель и не стесняла нас. Но иногда она все же перебегала от кровати Эда к моей и обратно. Он называл ее Понг, подразумевая игру «Атари», в которой четырехбитный мяч скачет между двумя ракетками.

– Бери ту, что у окна. – Я села на край другой кровати, расстегнула молнию на своем чемодане. – Посмотри, чтобы окно было закрыто.

Эд швырнул свою сумку на матрас. Мы молча принялись распаковывать вещи. За окном в наползающих сумерках колыхалась серо-белая снежная завеса.

Минуту спустя Эд закатал рукав и почесал руку.

– Знаешь... – начал он.

Я повернулась к нему.

Послышался шум воды из туалета, и в комнату, подскакивая, ворвалась Оливия.

– Когда мы поедем на лыжах?

Мы предполагали поужинать расфасованными сэндвичами с арахисовым маслом и джемом, запивая их подходящим соком из пакетов, хотя среди свитеров у меня была припрятана бутылка белого совиньона. К этому времени он был уже комнатной температуры, а Эд любил белое вино «по-настоящему сухим и по-настоящему холодным», о чем он всегда предупреждал официантов. Я позвонила администратору и попросила льда.

– В коридоре недалеко от вашего номера есть автомат, – сказала мне Мэри. – Постарайтесь сильно толкнуть крышку.

Я достала из-под телевизора ведерко для льда, вышла в коридор и в нескольких шагах от двери увидела автомат «Лума комфорт», громко гудящий в нише.

– От тебя шум, как от реактивного снаряда, – сказала я ему.

Я изо всех сил толкнула крышку, она отъехала назад, и автомат дохнул мне в лицо ледяным холодом, как это показывают в рекламе мятной жевательной резинки.

Совка не было. Обжигаясь, я выудила кубики льда руками и побросала в ведерко. Они прилипали к коже. Так, с «Лума комфорт» покончено.

С руками, опущенными в лед, меня и нашел Эд.

Он неожиданно появился рядом и прислонился к стене. Пару минут я притворялась, что не вижу его. Уставилась в контейнер, словно его содержимое меня завораживало, продолжала вытаскивать лед, желая, чтобы Эд ушел или чтобы обнял меня.

– Интересно?

Я повернулась к нему, не пытаясь изобразить удивление.

– Послушай, – сказал он, и я мысленно закончила фразу за него. Может быть, «давай передумаем». Или даже «я погорячился».

Вместо этого Эд откашлялся – последнее время, со дня вечеринки, он боролся с простудой. Я ждала.

Потом он заговорил:

– Я так не хочу.

Я ската в кулаке кубики льда.

– Не хочешь – как? – У меня упало сердце. – Как? – повторила я.

– Вот так, – протянул он и широко взмахнул рукой. – Каникулы

счастливой семьи, а потом, на следующий день после Рождества мы...

Стало трудно дышать, горели щеки.

– Что ты хочешь сделать? Сказать ей прямо сейчас?

Он ничего не ответил.

Я убрала руку с автомата, задвинула крышку. Она застряла на полпути. Я уперла ведерко со льдом себе в бедро, потянула за крышку. Эд схватился за нее и дернул.

Ведерко выскочило, загромыхало по ковру, кубики льда рассыпались по полу.

– Черт!

– Оставь, – сказал он. – Я ничего не хочу пить.

– А я хочу.

Я опустилась на колени, чтобы сгрести кубики обратно в ведерко. Эд наблюдал за мной.

– Что ты собираешься с этим делать? – спросил он.

– Оставить, и пусть растает?

– Да.

Я поднялась и поставила ведерко на автомат.

– Ты серьезно хочешь сделать это сейчас?

Он вздохнул:

– Не понимаю, почему мы...

– Потому что мы уже здесь. Мы уже... – Я указала на дверь нашего номера.

Он кивнул:

– Я думал об этом.

– Последнее время ты много думаешь...

– Я представил, – продолжил он, – что...

Эд замолчал, и я услышала за спиной щелчок. Рядом открылась дверь. Повернув голову, я увидела идущую к нам по коридору женщину средних лет. Она робко улыбнулась, отвела взгляд и, аккуратно перешагивая через рассыпанные кубики льда, направилась в сторону вестибюля.

– Я подумал, ты сразу же захочешь начать лечение. Именно это ты обычно говорила одному из своих пациентов.

– Не надо... не говори мне, что я говорила или чего не говорила.

Он молчал.

– Я не стала бы говорить такое ребенку.

– Ты говорила это родителям.

– Не говори мне, что я говорила.

Опять молчание.

– И, насколько она знает, лечить там нечего.

Он снова вздохнул, потер пятно на ведерке.

– Дело в том, Анна, – сказал он, и в его глазах отразилась тоска, а широкие брови страдальчески сошлись на переносице, – что я не могу больше этого выносить.

Я опустила глаза, уставившись на кубики льда на полу, которые уже начали подтаивать.

Ни один из нас не нарушил паузы. Ни один не пошевелился. Я не знала, что сказать.

Потом я услышала свой голос, мягкий и тихий:

– Не вини меня, если она расстроится.

Пауза. Потом прошелестел его голос:

– Все-таки я виню тебя. – Он шумно вдохнул, потом выдохнул. – Я считал тебя соседской девчонкой, – сказал он.

Я приготовилась к продолжению.

– А теперь глаза бы мои тебя не видели.

Я крепко зажмурилась, вдохнула холодный воздух, веющий ото льда. И мне вспомнился не день нашей свадьбы, не та ночь, когда родилась Оливия, а утро, когда мы собирали клюкву в Нью-Джерси: Оливия в резиновых сапожках, лоснящаяся от солнцезащитного крема, визжит и смеется; над головой высокие небеса, припекает сентябрьское солнце; вокруг обширное море красно-розовых ягод. У Эда полные пригоршни клюквы, его глаза блестят. Я сжимаю липкую ладошку нашей дочери. Помню, как мы едва не провалились в болото, сильно промочили ноги.

Я подняла взгляд, посмотрела в глаза Эда, в эти темно-карие глаза. «Совершенно обыкновенные», – уверял он меня на втором свидании, но мне они казались красивыми. И я считаю так до сих пор.

Он тоже взглянул на меня. Между нами тарахтел автомат с кубиками льда.

Потом мы пошли рассказать все Оливии.

Глава 31

ВрачПришел: Потом мы пошли рассказать все Оливии.

Я выжидаю. О чем еще Лиззи захочет узнать? Сколько я смогу выдержать? Я уже чувствую, как болит сердце в груди.

Проходит минута, но ответа по-прежнему нет. Наверное, это слишком болезненно для Лиззи: я говорю о расставании с мужем, – тогда как она потеряла своего безвозвратно. Интересно...

БабуляЛиззи вышла из чата.

Я таращусь на экран.

Теперь мне придется в одиночку вспоминать окончание истории.

Глава 32

– Вам не тоскливо здесь в одиночестве?

Я резко просыпаюсь от этого вопроса, заданного спокойным мужским голосом. С трудом разлепляю веки.

– Наверное, я родилась одинокой.

Теперь это женский голос. Бархатное контральто.

В моей памяти мелькают светлые пятна и тени. Это «Черная полоса» – Боги^[17] и Бэкколл бросают друг на друга через кофейный столик томные взгляды.

«По этой причине вы посещаете судебные разбирательства убийств?»

На моем кофейном столике – остатки моего ужина: две выпитые до дна бутылки мерло и четыре баночки пилюль.

«Нет. Я пошла потому, что ваше дело напоминало дело моего отца».

Я ударяю по клавише пульта. Снова ударяю.

«Я знаю, он не убивал мою мачеху...»

Экран телевизора погружается во тьму, а вместе с ним вся гостиная.

Сколько я выпила? Точно – две бутылки. Плюс за обедом. Много вина, должна признаться.

И лекарства. Нужное ли количество я приняла утром? Те ли таблетки я взяла? Знаю, последнее время я небрежна. Неудивительно, если доктор Филдинг считает, что мне становится хуже.

– Плохо себя ведешь, – распекаю я себя.

Я заглядываю во флаконы. Один из них почти пустой, на дне притаились у стенки две белые пилюльки.

Господи, как я пьяна.

Я поднимаю глаза, смотрю в окно. Снаружи темно, глубокая ночь. Озираюсь по сторонам в поисках телефона, не могу его найти. Дедушкины часы, маячащие в углу, громко тикают, словно пытаясь привлечь мое внимание. 21:50.

– Девять пятьдесят, – произношу я вслух. Звучит неважно. Попробуем так: без десяти десять. – Без десяти десять. – Лучше. Я киваю часам. – Спасибо, – говорю я им.

Часы важно взирают на меня.

Пошатываясь, иду в кухню. «Пошатываясь» – не так ли описала мою походку Джейн Рассел в тот день, когда я вышла на улицу, чтобы прогнать маленьких паршивцев, которые швырялись яйцами? Пошатываясь... Это

что-то из «Семейки Аддамс». А, неуклюжий дворецкий^[18]. Оливии нравится музыкальная тема из фильма: «Щелк, щелк».

Я хватаюсь за кран, подсовываю под него голову, рывком поворачиваю рукоятку к потолку. Тугая струя белой воды. Ловлю ртом воду, глотаю.

Провожу рукой по лицу, ковыляю обратно в гостиную. Мои глаза блуждают по дому Расселов. Вижу призрачное свечение компьютера Итана, паренек склонился над столом. Кухня пуста. А вот их гостиная, веселая и яркая. И вот и Джейн, сидит в белоснежной блузке на полосатом канапе. Я машу рукой. Она меня не видит. Снова машу.

Нет, не видит.

Одна нога, потом другая, и снова первая. Потом вторая – не забудь про вторую. Я валяюсь на диван, склоняю голову к плечу. Закрываю глаза.

Что случилось с Лиззи? Не сболтнула ли я что-то не то? Я невольно хмурюсь.

Передо мной простирается сверкающее на солнце марево клюквенного болота. Оливия берет меня за руку.

На пол падает ведерко со льдом.

Пожалуй, досмотрю фильм.

Я открываю глаза, выуживаю из-под себя пульт. В динамиках звучит органная музыка, и вот Бэкколл играет с кем-то в прятки. «У тебя все будет хорошо, – обещает она. – Потерпи, надейся на лучшее». Сцена операции – Боги под наркозом, перед ним дьявольской каруселью кружатся призраки. «Теперь лекарство у тебя в кровотоке». Гудит орган. «Впусти меня. – Агнес Мурхед постукивает по объективу камеры. – Впусти меня». Колеблется пламя… «Огоньку?» – предлагает таксист.

Огонек. Я поворачиваю голову, смотрю на дом Расселов. Джейн по-прежнему в гостиной, встала с дивана и беззвучно кричит.

Я кручусь на вращающемся кресле. Играют струнные, пронзительно звучит орган. Мне не видно, на кого она кричит, – стена дома загораживает другую часть комнаты.

«Потерпи, надейся на лучшее».

Она действительно вопит, ее лицо стало пунцовым. Я замечаю свой «Никон» на кухонной стойке.

«Теперь лекарство у тебя в кровотоке».

Поднимаюсь с дивана, иду в кухню, сжимаю камеру в руке. Подхожу к окну.

«Впусти меня. Впусти меня. Впусти меня».

Я подношу камеру к глазам. Расплывчатое пятно. Потом в видоискателе появляется нечеткий силуэт Джейн. Поворот объектива,

теперь вижу ее отчетливо, даже замечаю мерцание медальона. Глаза ее прищурены, рот широко открыт. Она тычет в воздух пальцем. «Огоньку?» Тычет снова. Выбившаяся прядь волос падает на щеку.

Не успела я дать крупный план, как Джейн метнулась в сторону и пропала из поля зрения.

«Потерпи». Я оборачиваюсь к телевизору. Снова Бэкколл, едва не мурлычет.

– Надейся на лучшее, – говорю я вместе с ней.

Опять поворачиваюсь к окну, подношу к глазам «Нikon».

Джейн вновь входит в кадр – но идет медленно, странно. Спотыкается. На блузке сверху темно-красное пятно. Пока я смотрю, оно расползается, стекает к животу. Джейн шарит руками по груди. Там застряло что-то тонкое, серебристое, похожее на рукоятку.

Это и есть рукоятка.

Теперь кровь поднимается к горлу Джейн, омывает его красным. Рот у нее безвольно приоткрыт, она морщит лоб, будто чем-то смущена. Слабо сжимает рукоятку рукой. Другую руку протягивает вперед, в сторону окна.

Она указывает прямо на меня.

Я роняю камеру, чувствую, как она сползает по ноге на ремешке, который я стискиваю изо всех сил.

Джейн опирается согнутой рукой об окно. Глаза широко открытые, умоляющие. Она шевелит губами, говоря что-то, но я не слышу, не понимаю по губам. Кажется, время остановилось. И вот она прижимает ладонь к окну и валится набок, оставляя на стекле яркую кровавую полосу.

Я сражена наповал.

Я не в силах пошевелиться.

В комнате тишина. Мир замер.

А потом, снова ощущив вялый ход времени, я начинаю двигаться.

Круто поворачиваюсь, стряхиваю с руки ремешок камеры, бросаюсь через комнату, ударившись бедром о кухонный стол. Спотыкаясь, подбегаю к стойке и срываю трубку с базы. Нажимаю кнопку.

Ничего. Глухо.

Вспоминаю, что Дэвид что-то об этом говорил. «Ваш телефон не подключен».

Дэвид.

Бросаю телефон и бегу к двери цокольного этажа, громко зову Дэвида, ору и ору. Хватаюсь за ручку двери, сильно тяну.

Ничего.

Бегу к лестнице. Вверх, вверх – ударяюсь о стену – раз-два –

площадка, спотыкаюсь на последней ступеньке, едва не ползу к кабинету.

Смотрю на письменный стол. Мобильного нет. Клянусь, я его там оставила.

Скайп.

У меня трясутся руки, дотягиваюсь до мыши, вожу ей по столу. Двойной клик для скайпа, еще двойной клик, слышу сигнал приветствия, набиваю 911 в поле набора номера.

На экране вспыхивает красный треугольник. «НИКАКИХ ЭКСТРЕННЫХ ВЫЗОВОВ. СКАЙП НЕ ЯВЛЯЕТСЯ ЗАМЕНОЙ ТЕЛЕФОНА».

– Чтоб тебя, скайп! – ору я.

Выбегаю из кабинета, мчусь по ступенькам, огибаю площадку, врываюсь в дверь спальни.

Ближняя прикроватная тумбочка: бокал, фотография в рамке. Дальняя – две книги, очки для чтения.

Моя кровать... Неужели телефон опять в кровати? Я хватаю пуховое одеяло обеими руками, сильно встряхиваю его.

Телефон, как ракета, взмывает в воздух. Я пытаюсь схватить его в полете, он отлетает под кресло, я достаю его и провожу пальцем по экрану. Ввожу пароль. Телефон подрагивает у меня в руке. Неверный пароль. Снова набираю, пальцы соскальзывают.

Появляется плавающий экран. Я нажимаю на иконку «Телефон», нажимаю на иконку «Клавиатура», набираю 911.

– «Девять-один-один». Что у вас случилось?

– Моя соседка... – выпаливаю я. Ох, присела в первый раз после девяноста секунд беготни. – Ее... ударили ножом. Господи! Помогите ей.

– Мэм, не спешите. – Диспетчер невыносимо растягивает слова, обычно так разговаривают жители Джорджии. Это действует мне на нервы. – Какой у вас адрес?

Заикаясь, я выдавливаю из себя информацию. В окно я вижу веселенькую гостиную Расселов. Там на стекле красуется кровавая дуга, наподобие боевой раскраски.

Он повторяет адрес.

– Да. Да.

– И вы говорите, вашу соседку пырнули ножом?

– Да. Помогите. Она истекает кровью.

– Что?

– Я сказала «помогите».

Почему он так медлит? Я ловлю ртом воздух, кашляю, снова делаю

вдох.

– Помощь сейчас прибудет, мэм. Надо, чтобы вы успокоились. Ваше имя, пожалуйста.

– Анна Фокс.

– Хорошо, Анна. Как зовут вашу соседку?

– Джейн Рассел. О боже!

– Вы сейчас с ней?

– Нет. Она на той... она из дома на той стороне сквера.

– Анна, вы...

Он вливает мне в уши слова, как сироп. Что это за диспетчерская служба по чрезвычайным ситуациям, нанимающая человека с такой медленной речью? В этот момент что-то касается моей лодыжки. Опустив глаза, я вижу Панча, который трется о мою ногу.

– Что?

– Это вы ударили соседку ножом?

В темном оконном стекле я вижу свой открытый рот.

– Нет.

– Хорошо.

– Я посмотрела в окно и увидела, что ее ударили ножом.

– Ладно. Вы знаете, кто это сделал?

Я бросаю косой взгляд в стекло, всматриваюсь в гостиную Расселов – сейчас она на один этаж ниже, чем я нахожусь, – но на полу не замечаю ничего, кроме ковра с цветочным рисунком. Я встаю на цыпочки, напрягаю шею.

По-прежнему ничего.

Потом что-то появляется – рука около подоконника.

Ползет вверх, как солдат, высывающий голову из траншеи. Я смотрю, как она водит по стеклу пальцами, чертит на кровавой полосе какие-то линии.

Джейн еще жива!

– Мэм, вы знаете, кто...

Но я уже вылетаю из комнаты, уронив телефон. Кот мяукает мне вслед.

Глава 33

Зонт стоит в углу, съежившись у стены, словно опасаясь некой приближающейся угрозы. Я сжимаю в потной ладони прохладную и гладкую изогнутую ручку.

«Скорая» еще не приехала, но я-то здесь, в нескольких шагах от Джейн. За пределами этих стен, за этими двумя дверями она помогла мне, пришла на выручку – а сейчас в ее груди клинок. Я же приносила клятву психотерапевта: «Прежде всего, врач не должен навредить. Клянусь делать все возможное для исцеления и поддержания здоровья моих пациентов и ставить интересы других людей выше собственных».

Джейн на той стороне сквера водит рукой по стеклу, измазанному ее кровью.

Я толкаю дверь в прихожую.

В кромешной тьме иду к входной двери. Так, надо приготовить зонт. Слышу слабый хлопок, когда он раскрывается. Концы спиц цепляются за стену, как крошечные когти.

Раз. Два.

Я берусь за дверную ручку.

Три.

Поворачиваю.

Стою там, ощущаю пальцами холодную латунь.

Не могу пошевелиться.

Чувствую, как внешний мир пытается проникнуть сюда – не об этом ли говорила Лиззи? Он наваливается на дверь, играет мускулами, колотит по дереву. Я чувствую, как он шумно дышит, раздувает ноздри, скрежещет зубами. Он растопчет меня, разорвет на части, уничтожит.

Я прижимаю голову к двери, делаю выдох. Один. Два. Три. Четыре.

Улица – как каньон, глубокий и широкий. Улица такая опасная. Я никогда этого не сделаю.

Но Джейн в нескольких шагах от меня. На той стороне сквера.

На той стороне сквера.

Из прихожей направляюсь в кухню, таща за собой зонт. Вот она, рядом с посудомоечной машиной, – боковая дверь, выходящая прямо в сквер. Уже почти год она заперта. Перед ней я поставила мусорный бак для отходов, подлежащих вторичной переработке; из него, как сломанные зубы, торчат горлышки бутылок.

Я толкаю бак в сторону – слышится звяканье стекла, – потом щелкаю замком.

Но что, если дверь за мной захлопнется? Что, если я не смогу попасть назад? Я замечаю ключ, висящий на крючке у косяка. Снимаю его, опускаю в карман халата.

Я выставляю зонт перед собой – мое секретное оружие, мой щит и меч, – и наклоняюсь к дверной ручке. Поворачиваю ее.

Толкаю дверь.

Мне в лицо бьет холодный, пронизывающий воздух. Я закрываю глаза.

Тишина. Темнота.

Раз. Два.

Три.

Четыре.

Я делаю шаг наружу.

Глава 34

Я оступаюсь и, пропустив первую ступеньку, с размаху встаю на вторую. Покачнувшись, крепко хватаюсь за зонт, однако другая нога тоже подводит меня, она соскальзывает вниз, и, оцарапав икру о края ступенек, я валяюсь на траву.

Зажмуриваюсь. Моя голова задевает купол зонтика. Он защищает меня, наподобие тента. Съежившись под ним, я протягиваю руки вперед и начинаю цепляться за ступеньки пальцами, пока не добираюсь до верхней. Выглядываю из-под зонта. Передо мной распахнутая дверь в кухню, озаренную золотистым светом. Я тянусь туда, словно пытаясь зацепиться пальцами за свет, подтащить его к себе.

А Джейн там умирает.

Я вновь поворачиваю голову к зонтику. Четыре черных квадрата, четыре белые линии.

Держась рукой за шершавые кирпичи ступеней, я медленно поднимаюсь, вверх, вверх.

Слышу, как над головой поскрипывают ветки, маленькими порциями глотаю воздух. Я забыла, каким холодным он бывает.

И – раз, два, три, четыре – иду, шаг за шагом. Пошатываюсь, как пьяная. Я и в самом деле пьяная, я помню.

Раз, два, три, четыре.

На третьем году стажировки мне попалась пациентка, демонстрировавшая необычное поведение после хирургической операции. До удаления передних частей лобных долей это была во всех отношениях счастливая десятилетняя девочка, правда склонная к жестоким эпилептическим припадкам. Но впоследствии она отдалась от семьи, игнорировала младшего брата, съеживалась, когда к ней прикасались родители.

Поначалу ее учителя заподозрили жестокое обращение, но потом кто-то заметил, как дружелюбна стала девочка с чужими людьми, даже с теми, кого она видела впервые, – она, бывало, примется обнимать врачей, берет за руки прохожих, болтает с продавщицей, словно они ее старые приятели. И в то же время родные и когда-то любимые люди были совершенно лишены ее тепла.

Мы так и не смогли классифицировать этот случай. Но назвали

результат избирательной эмоциональной отстраненностью. Интересно, где сейчас эта девочка; интересно, что предпринимает ее семья.

Иду через сквер, чтобы спасти женщину, которую видела два раза в жизни, и думаю о той маленькой девочке и ее тяге к незнакомцам.

Задумавшись, я чувствую, как зонт во что-то упирается, и останавливаюсь.

Это скамейка, единственная в сквере. Потертое деревянное сооружение с подлокотниками в причудливых завитушках и памятной дощечкой, привинченной к спинке. Я порой смотрела из моего «орлиного гнезда» под крышей на сидящих там Эда и Оливию. Он с планшетом, она с книгой, а потом они менялись.

– Нравится тебе детская литература? – спрашивала я Эда.

– Экспеллиармус^[19], – отвечал он.

Конец зонта застрял между рейками сиденья. Я осторожно пытаюсь вытащить его, но вдруг осознаю или, скорее, вспоминаю, что в доме Расселов нет двери, выходящей в сквер. Войти можно только с улицы.

Я этого не учла.

Раз. Два. Три. Четыре.

Посредине сквера площадью в четверть акра я иду к дому женщины, раненной ножом, а мой щит, что я держу перед собой, сделан из нейлона и хлопка.

Я слышу злобные голоса ночи. Чувствую, как она сжимает мои легкие.

Я могу это сделать, говорю я себе, но у меня дрожат колени. Я гляжу на свои ноги в домашних тапках, утопающие в траве. «Клянусь делать все возможное для исцеления и поддержания здоровья...»

Теперь ночь завладела моим сердцем и стискивает его в когтях. Я сейчас взорвусь. Взорвусь.

«...и ставить интересы других людей превыше собственных».

Джейн, я иду. Я продвигаю вперед одну ногу. Мое тело оседает, оседает. Раз, два, три, четыре.

В отдалении завывают сирены, как плакальщицы на поминках. Кроваво-красный свет заливает купол зонта. Помимо своей воли я поворачиваюсь в сторону шума.

Воет ветер. Меня ослепляет свет фар.

Раз-два-три...

**Пятница,
5 ноября**

Глава 35

– Наверное, надо было запереть дверь, – пробурчал Эд, после того как Оливия вылетела в коридор.

Я повернулась к нему.

– А чего ты ждал?

– Я не...

– Что, по-твоему, могло произойти? Что я тебе говорила?

Не дожидаясь ответа, я вышла из номера. Эд шагал следом, бесшумно ступая по ковру.

В фойе из-за стойки выглянула Мэри.

– У вас все в порядке, народ? – хмурясь, спросила она.

– Нет, – ответила я, и одновременно со мной Эд сказал «да».

Оливия сидела в кресле у камина с заплаканным лицом, в свете огня ее щеки блестели как лакированные. Мы с Эдом пристроились по бокам от нее. У меня за спиной в камине потрескивали дрова.

– Ливви... – начал Эд.

– Нет! – Она замотала головой.

Он попытался снова и прошептал:

– Ливви...

– Твою мать! – взвизгнула она.

Мы оба отпрянули, я чуть не свалилась на каминную решетку. Мэри спряталась за стойку, изо всех сил стараясь игнорировать нас, народ.

– Где ты слышала это слово? – спросила я.

– Анна, – произнес Эд.

– Не от меня.

– Дело не в этом.

Он был прав.

– Ягодка моя, – гладя ее по волосам, сказала я. Она снова затрясла головой, уткнувшись в диванную подушку. – Ягодка.

Эд накрыл ее ладонь своей, но она отодвинула его руку.

Он беспомощно посмотрел на меня.

«Ребенок плачет у вас в кабинете. Что надо делать?» Первый курс детской психиатрии, первый день, первые десять минут. Ответ: надо дать ребенку выплакаться. Конечно, вы слушаете его, стараетесь вникнуть, утешить, просите глубоко дышать – но даете ему выплакаться.

– Дыши глубже, ягодка, – пробормотала я, положив ей ладонь на

голову.

Она закашлялась.

Прошла минута. В помещении было прохладно. В камине трепетало пламя. Потом Оливия что-то забормотала в подушку.

– Что? – переспросил Эд.

Подняв голову, Оливия буркнула в сторону окна:

– Хочу домой.

Я взглянула на ее запачканые щечки, дрожащие губы, хлюпающий нос, потом перевела взгляд на Эда, на морщины у него на лбу, мешки под глазами.

Неужели я сделала это с нами?

Снег за окном. Я смотрела, как он падает, видела, как мы трое отражаемся в стекле – мой муж, моя дочь и я, сгрудившиеся у камина.

Повисло молчание.

Я встала, подошла к стойке. Мэри взглянула на меня, сложив губы внатянутую улыбку. Я улыбнулась в ответ.

– Метель... – начала я.

– Да, мэм.

– Она... уже близко? Ехать на машине безопасно?

Мэри нахмурилась, забегала пальцами по клавиатуре.

– Сильный снегопад начнется примерно через пару часов, – сообщила она. – Но...

– Тогда мы, пожалуй... – перебила я ее. – Извините.

– Я лишь хотела сказать, что снежные бури сложно прогнозировать. – Она бросила взгляд поверх моего плеча. – Хотите уехать, народ?

Повернувшись, я взглянула на Оливию в кресле, скорчившегося рядом с ней Эда.

– Пожалуй, да.

– В таком случае, – посоветовала Мэри, – сейчас самое время отправляться в дорогу.

Я кивнула:

– Можно счет, пожалуйста?

Она проговорила что-то в ответ, но я услышала только вой ветра и треск пламени.

Глава 36

Похрустывает перекрахмаленная наволочка.

Шаги поблизости.

Потом тишина – но какая-то странная, незнакомая тишина.

Мои глаза широко раскрываются.

Я лежу на боку, смотрю на радиатор.

А над радиатором окно.

За окном кирпичная кладка, зигзаг пожарной лестницы, приземистые трансформаторы.

Еще одно здание.

Я лежу на двух односпальных кроватях, туго запеленутая в простыни. Покрутившись, пытаюсь сесть.

Падаю на подушку, осматриваю комнату. Она маленькая, скромно обставлена, по сути дела, мебели почти нет – пластиковый стул у стены, стол орехового дерева у кровати, на столе бледно-розовая коробка с бумажными салфетками. Настольная лампа. Узкая ваза, пустая. Тусклый линолеум на полу. Напротив меня закрытая дверь с матовым стеклом. Над головой оштукатуренный потолок с флуоресцентными лампами...

Мои пальцы комкают одеяло.

Начинается...

Дальняя стена отодвигается от меня, дверь съеживается. Я смотрю на стены справа и слева от себя, вижу, как они отдаляются друг от друга. Потолок дрожит, скрипит, вскрывается, как крышка банки с сардинами, слетает, словно крыша, сорванная ураганом. Из моих легких стремительно уходит воздух. Пол громыхает. Кровать трясется.

И вот я лежу на вздымающемся матрасе в этой деформированной комнате, и мне нечем дышать. Я тону в этой кровати, я в ней умираю.

– Помогите, – кричу я, только это не крик, а шепот, который с трудом выползает из глотки и размазывается по языку. – Помоги-те, – повторяю я попытку и на этот раз прикусываю язык.

Ощущение такое, будто я укусила оголенный провод. Кажется, будто воспламеняется запал и происходит взрыв. Раздается мой пронзительный вопль.

Я слышу раскаты голосов, вижу, как в дальную дверь проскальзывает толпа теней, как они устремляются ко мне широкими шагами через бесконечную комнату.

Я снова кричу. Тени сбиваются в кучу, окружают мою кровать.

– Помогите, – умоляю я, судорожно хватая ртом воздух.

Потом в мое тело входит игла. Это сделано так умело, что я почти ничего не чувствую.

На меня накатывает волна, бесшумная и гладкая. Я плаваю в какой-то сверкающей пучине, глубокой и прохладной. Вокруг меня, как рыбы, снуют слова.

– Приходит в себя, – бормочет кто-то.

– ...стабильна, – говорит кто-то еще.

А потом ясно, словно я только что вынырнула и вытряхнула воду из ушей, слышу:

– Как раз вовремя.

Я поворачиваю голову. Ощущение, что она лениво покачивается на подушке.

– Я уже собирался уходить.

Теперь я вижу его, то есть большую его часть – на то, чтобы рассмотреть этого человека целиком, у меня уходит какое-то время, потому что я напичкана лекарствами (мне ли этого не знать) и потому что он жутко большой. Просто гора, а не мужчина. Иссиня-черная кожа, мощные плечи, широченная грудь, густая темная шевелюра. Костюм не облегает, а словно цепляется за него с какой-то безысходностью, не справляясь со своей задачей, но стараясь изо всех сил.

– Ну здравствуйте, – говорит гора приятным низким голосом. – Я детектив Литл^[20].

Я моргаю. На уровне его локтя маячит женщина в желтом халате медсестры.

– Вы понимаете, о чем мы говорим? – спрашивает она.

Я снова моргаю, потом киваю. Чувствую, как вокруг колеблется воздух, словно он вязкий, словно я по-прежнему под водой.

– Это больница «Морнингсайд», – объясняет медсестра. – Полицейские все утро ждали, когда вы придете в себя.

Так можно распекать человека за то, что он не услышал звонка в дверь.

– Как вас зовут? Можете назвать свое имя? – спрашивает детектив Литл.

Я открываю рот, издаю какой-то писк. У меня пересохло в горле. Такое ощущение, что я вдохнула облачко пыли.

Медсестра обходит кровать, нацеливается на прикроватный столик. Я следую за ней взглядом, медленно поворачивая голову, и смотрю, как она

вкладывает мне в руки чашку. Я отпиваю. Тепловатая вода.

– Вам дали успокоительное, – говорит медсестра почти виновато. – Вы немного разволнивались.

Вопрос детектива повисает в воздухе. Я вновь обращаю взгляд к Маленькой Горе.

– Анна, – говорю я, чувствуя, как звуки запинаются у меня во рту, словно язык мой – «лежащий полицейский». Чем, черт возьми, они меня накачали?

– У вас есть фамилия, Анна? – спрашивает Литл.

Я делаю еще один глоток.

– Фокс.

Моя фамилия кажется мне какой-то длинной.

– Угу. – Он достает из нагрудного кармана блокнот, заглядывает в него.

– Можете назвать ваш адрес?

Яправляюсь с заданием.

Литл кивает:

– Вы знаете, где вас подобрали вчера вечером, миз^[21] Фокс?

– Доктор… – бормочу я.

Медсестра подскакивает ко мне:

– Доктор скоро придет.

– Нет. – Я качаю головой. – Я – доктор.

Литл в упор смотрит на меня.

– Я доктор Фокс.

Его лицо освещается улыбкой. Белизна зубов просто ослепляет.

– Доктор Фокс, – говорит он, постукивая пальцем по блокноту. – Вы знаете, где вас подобрали вчера вечером?

Прихлебывая из чашки, я изучаю его. Вокруг меня хлопочет медсестра.

– Кто подобрал? – спрашиваю я. Верно: я тоже буду задавать вопросы. Пусть даже и невнятно.

– Фельдшеры скорой помощи. – И добавляет, пока я не успела ответить: – Они обнаружили вас в Ганновер-сквере. Вы были без сознания.

– Без сознания, – вторит медсестра на тот случай, если я не поняла.

– Вы позвонили по телефону чуть позже половины одиннадцатого. Вас нашли в купальном халате с этим вот в кармане. – Он раскрывает огромную ручищу, и я вижу на его ладони посверкивающий ключ от моего дома. – А рядом с вами было вот это.

Он кладет себе на колени мой искореженный зонтик.

Где-то в недрах моего существа зарождается некий импульс,

поднимается к легким и сердцу.

«Джейн».

– Что такое?

Литл смотрит на меня, нахмурившись.

– Джейн, – повторяю я.

Медсестра бросает взгляд на Литла.

– Она сказала «Джейн», – с неизменной услужливостью переводит она.

– Моя соседка. Я видела, как ее пырнули ножом.

Слова замерзают у меня на языке, и, после того как они долго оттаивают во рту, я в состоянии выплюнуть их.

– Да. Я слышал о вызове «девять-один-один», – говорит Литл.

«Девять-один-один». Верно: сначала был разговор с диспетчером-южанином. А потом путешествие из боковой двери по скверу, колышущиеся ветки над головой, огни, кружащиеся в чаше зонта наподобие какого-то дьявольского варева. У меня перед глазами туман. Я тяжело дышу.

– Постарайтесь не волноваться, – говорит мне медсестра.

Я снова ловлю ртом воздух, задыхаюсь.

– Спокойно! – сердится медсестра.

Я встречаюсь взглядом с Литлом.

– Она в порядке, – говорит он.

Я соплю, напрягая шею, приподнимаю голову с подушки, делаю частые вдохи через рот. Легкие у меня как будто съежились. Я злюсь – откуда он знает, каково мне? Он, коп, которого я впервые вижу. Встречалась ли я с копом прежде? Думаю, мне выпал случайный билет.

Перед глазами вспыхивает слабый свет, поле зрения перечеркивают полоски тьмы. Литл продолжает смотреть мне в глаза, в то время как мой взгляд поднимается по его лицу и соскальзывает вниз, как упорный скалолаз. Зрачки у детектива до нелепого огромны. Губы полные, добрые.

Пока я гляжу на Литла, а мои пальцы комкают одеяло, чувствую, как мышцы тела расслабляются, грудь расширяется и проясняется зрение. Уж не знаю, что в меня влили, но это помогло. Я действительно пришла в себя.

– Она в порядке, – вновь произносит Литл.

Медсестра похлопывает меня по руке. Хорошая девочка.

Я откидываю голову, закрываю глаза. Чувствую себя обессиленной. Но я жива.

– Мою соседку ударили ножом, – шепчу я. – Ее зовут Джейн Рассел.

Слышу, как скрипит стул Литла, когда он наклоняется ко мне.

– Вы видели, кто на нее напал?

– Нет.

Я с трудом приподнимаю веки, будто это заржавевшие гаражные двери. Литл склонился над блокнотом, наморщив лоб. Он хмурится и кивает одновременно. Путаная информация.

– Но вы видели, как она истекала кровью?

– Да.

Хотела бы я перестать мялить. Хотела бы, чтобы он перестал меня допрашивать.

– Выпивали вчера?

Изрядно.

– Немного, – признаюсь я. – Но... – Я делаю вдох, чувствуя, как на меня накатывает новая волна паники. – Надо ей помочь. Она... она может умереть.

– Позову врача, – говорит медсестра, направляясь к двери.

Она уходит. Литл наклоняется ко мне:

– Вы знаете, кто мог бы причинить вред вашей соседке?

Я сглатываю.

– Ее муж.

Он опять кивает, хмурится, встряхивает рукой и захлопывает блокнот.

– Вот какое дело, Анна Фокс, – говорит он неожиданно резко, по-деловому. – Сегодня утром я навещал Расселов.

– С ней все хорошо?

– Я бы хотел, чтобы вы поехали со мной и сделали заявление.

Врач – моложавая латиноамериканка, такая красивая, что у меня перехватывает дыхание, и дело не в том, что она делает мне укол лоразепама.

– У вас есть близкие, с которыми мы можем связаться? – спрашивает она.

Я уже собираюсь назвать имя Эда, но потом спохватываюсь. Нет смысла.

– Нет смысла, – говорю я.

– Что вы хотите этим сказать?

– Никого, – говорю я, – у меня нет... Все в порядке. – Осторожно складываю каждое слово, словно это оригами. – Но...

– Нет родных?

Она смотрит на мое обручальное кольцо.

– Нет, – отвечаю я, прикрывая правой рукой левую. – Мой муж... я

не... мы больше не живем вместе.

– Может быть, есть друг или подруга?

Я качаю головой. Кому она могла бы позвонить? Не Дэвиду, и точно не Уэсли. Возможно, Бине, учитывая, что я чувствую себя хорошо. Но не Джейн.

– Кто ваш врач?

– Джюлиан Филдинг, – автоматически отвечаю я, но потом поправляю себя: – Нет, не он.

Я смотрю, как она переглядывается с медсестрой, которая поворачивается к Литлу, а тот в свою очередь бросает взгляд на врача. Тупиковая ситуация. Меня разбирает смех. Не буду смеяться. Надо думать о Джейн.

– Как вам известно, вы потеряли сознание в сквере, – продолжает врач, – и фельдшеры скорой помощи не смогли установить вашу личность, поэтому привезли вас в «Морнингсайд». Когда вы очнулись, у вас случился приступ паники.

– Сильный приступ, – тонким голосом произносит медсестра.

Врач кивает.

– Сильный. – Она изучает свой планшет с историей болезни. – И он повторился сегодня утром. Насколько я понимаю, вы врач?

– Да, но не терапевт, – отвечаю я.

– Какая у вас специальность?

– Психолог. Я работаю с детьми.

– У вас есть...

– Женщину пынули ножом, – с нажимом говорю я. Медсестра отступает назад, словно я выставила кулак. – Почему никто ничего не предпринимает?

Женщина-врач бросает взгляд на Литла.

– У вас есть история ваших приступов паники? – спрашивает она меня.

И вот, пока Литл дружелюбно внимает мне из своего кресла, а медсестра дрожит, как колибри, я рассказываю врачу – рассказываю им всем – о своей агорафобии, депрессии и – да, о неврозе страха. Я рассказываю им о моих лекарствах, о десяти месяцах взаперти, о докторе Филдинге и его аверсивной терапии. На это уходит время, поскольку связки у меня по-прежнему будто обернуты ватой. Каждую минуту я делаю глоток воды, и она тонкой струйкой просачивается сквозь слова, вскипающие во мне и выплескивающиеся наружу.

Как только я заканчиваю и в изнеможении падаю на подушку, доктор заглядывает в свой планшет. Медленно кивает.

– Хорошо, – говорит она. Еще раз кивает. – Хорошо. – Поднимает глаза. – Дайте мне поговорить с детективом. Детектив, вы не могли бы... – Она указывает на дверь.

Литл поднимается, отчаянно скрипит стул. Улыбнувшись мне, детектив выходит из комнаты вслед за доктором.

Без него становится пусто. Остались только я и медсестра.

– Выпейте еще воды, – предлагает она.

Через несколько минут они возвращаются. Точно не знаю, часов здесь нет.

– Детектив предложил отвезти вас домой, – говорит доктор.

Я смотрю на Литла, в ответ он расплывается в улыбке.

– Я дам ативан, чтобы вы приняли его позже. Но мы должны быть уверены, что у вас не случится панического приступа. И самый быстрый способ сделать это...

Мне известен самый быстрый способ. Медсестра уже держит наготове шприц.

Глава 37

— Мы подумали, что кто-то расшалился не в меру, — объясняет детектив. — Ну, они подумали. По идеи, надо говорить «мы», ведь одно дело делаем. Знаете, как команда. Работаем на общее благо. Что-то вроде того. — Он прибавляет газ. — Но меня там не было. Так что я не считал это шалостью, поскольку в тот момент был не в курсе. Вы слушаете меня?

Я не слушаю.

Мы едем по авеню в ничем не примечательном «седане» Литла. Покрытое дымкой послеполуденное солнце мерцает сквозь окна, скачет, как плоский камушек по поверхности пруда. Моя голова ударяется о стекло. Я вижу отражение своего лица, халат собрался складками на шее. Литл не умещается на своем сиденье, задевает меня локтем.

Я чувствую себя заторможенной, физически и умственно.

— Разумеется, потом фельдшеры увидели вас, скорчившуюся на траве. Так они сказали, так они это описывали. Дверь вашего дома была открыта, и они подумали, что там произошло несчастье, но, осмотрев дом, никого не нашли. Им пришлось заглянуть внутрь, понимаете. Из-за того, что они услышали по телефону.

Я киваю. Не могу в точности вспомнить то, что говорила по телефону.

— У вас есть дети? — Я снова киваю. — Сколько? — Я выставляю один палец. — Один ребенок? Ха! У меня четыре. Ну, четыре будет в январе. Четвертый заказан. — Он смеется.

Я не смеюсь. Едва могу пошевелить губами.

— Мне сорок четыре, и четвертый ребенок на подходе. Наверное, четыре — мое счастливое число.

«Раз, два, три, четыре», — повторяю я про себя. Вдох и выдох. Чувствую, как по венам растекается лоразепам.

Литл сигнализирует, и автомобиль перед нами ускоряет ход.

— Обеденный час пик, — говорит он.

Я поднимаю глаза к окну. Уже почти десять месяцев я не бывала на улице и не сидела в машине. Десять месяцев я видела город только из своего дома. Ощущение сверхъестественное, словно я обследую неизведенную территорию, словно попала в цивилизацию будущего. Вдали маячат невероятно высокие здания, пронзающие белесо-голубое небо. Мимо проносятся дорожные знаки, броские вывески — «СВЕЖАЯ ПИЦЦА, 99 центов!!!», «Старбакс», «Хол фудс» (когда открылся этот магазин?), —

старая пожарная часть, перестроенная в кондоминиум с квартирами от 1,99 миллиона долларов. Прохладные темные переулки, ослепленные солнечным светом окна. Позади слышатся сирены, и Литл подрывает к тротуару, чтобы дать проехать «скорой».

Мы приближаемся к перекрестку, останавливаемся. Я рассматриваю светофор, сверкающий дьявольским оком, наблюдаю за потоком людей, идущих по переходу: две мамы в голубых джинсах, толкающие детские коляски; сгорбленный старик, опирающийся на трость; подростки с ядовито-розовыми рюкзаками; женщина в парандже бирюзового цвета. Зеленый воздушный шарик, оторвавшийся от киоска с брецелями, улетает в небо. Автомобильный салон наполняет уличная какофония: чей-то веселый вопль, гул транспорта, трели велосипедных звонков. Буйство красок и звуков. Я чувствую себя на коралловом рифе.

— Поехали, — бормочет Литл, и машина устремляется вперед.

Вот, значит, во что я превратилась? Женщина, которая, как рыбка гуппи, таращит глаза на обычный «обеденный час пик»? Пришелец из другого мира, с благоговением взирающий на чудо открытия нового бакалейного магазина? В недрах моего иссущенного мозга пульсирует подавленный гнев. Мои щеки начинают пылать. Вот во что я превратилась. Вот кто я такая.

Если бы не лекарства, я завизжала бы так, что лопнули бы окна.

Глава 38

– Ну вот, – говорит Литл, – здесь наш поворот.

Мы сворачиваем на нашу улицу. Мою улицу.

Мою улицу, которую я не видела почти год. Кофейня на углу – стоит на своем месте, и, возможно, там все так же подают крепкий горький кофе. Дом поблизости – прежнего огненно-красного цвета, в цветочных ящиках полным-полно хризантем. Антикварная лавка через дорогу – неосвещенная и мрачная, на фасаде вывеска: «СДАЕТСЯ В АРЕНДУ КОММЕРЧЕСКОЕ ПОМЕЩЕНИЕ». Давно заброшенная католическая школа Святой Димфны.

Перед нами разворачивается забытая мной панорама, мы проезжаем под сводами обнаженных ветвей, и я чувствую, как к глазам подступают слезы. Моя улица – спустя четыре времени года... «Странно», – думаю я.

– Что странно? – спрашивает Литл.

Должно быть, я сказала это вслух.

Чем ближе к концу дороги, тем труднее дышать. Вот наш дом – мой дом: черная входная дверь с цифрами 2-1-3, вычеканенными на латуни над дверным кольцом; с каждой стороны вставки из освинцованных стекла; рядом два фонаря, которые горят оранжевым светом; четыре ряда окон, уныло смотрящих вперед. Камень стен не такой блестящий, как я помню, а с потеками под окнами, словно те плачут; на крыше виден фрагмент подгнившей шпалеры. Все оконные стекла требуют мытья – даже с улицы я замечала сажу. «Самый красивый дом в квартале», – говорил, бывало, Эд, и я соглашалась с ним.

Мы состарились, дом и я. Мы обветшали.

Едем мимо дома, мимо сквера.

– Это там, – сообщаю я Литлу, показывая назад. – Вон мой дом.

– Я бы хотел пригласить вас к соседям, чтобы переговорить с ними, – объясняет он, подъезжая к обочине и заглушая двигатель.

– Не могу. – Я качаю головой. Неужели он не понимает? – Мне надо домой.

Я вожусь с ремнем безопасности, потом до меня доходит, что это ни к чему не приведет.

Литл смотрит на меня. Поглаживает рулевое колесо.

– Как же мы это сделаем? – спрашивает он скорее себя, чем меня.

Мне наплевать. Наплевать. Я хочу домой. Можете привести их ко мне. Втиснуть всех в мой дом. Закатить долбаную вечеринку для соседей. Но

сейчас отвезите меня домой. Пожалуйста.

Он по-прежнему смотрит на меня, и я осознаю, что опять говорила вслух. Я съеживаюсь.

Быстрый и отрывистый стук в окно. Я поднимаю глаза – у «седана» стоит женщина с острым носом, оливковой кожей, в водолазке и длинном пальто.

– Подождите, – говорит Литл.

Он начинает опускать стекло, я корчуясь и ною, и он поднимает его обратно, а затем выбирается из салона и осторожно захлопывает за собой дверь.

Они с женщиной разговаривают через крышу машины. Я улавливаю некоторые слова – «ударил ножом», «смузена», «врач», – а сама словно погружаюсь под воду, закрываю глаза, вжимаюсь в изгиб сиденья; воздух спокоен и неподвижен. Мелькают косяки слов – «психолог», «дом», «семья», «одна», – и я начинаю отключаться. Одной рукой я лениво поглаживаю рукав, пальцы другой заползают под халат, пощипывают валик кожи на животе.

Я в полицейской машине, как в ловушке. Сижу, поглаживаю свой жирок. Опустилась дальше некуда.

Через минуту – или прошел час? – голоса стихают. Я разлепляю веки, одним глазом вижу, что женщина пристально смотрит на меня. Снова зажмуриваюсь.

Скрип водительской двери, которую открывает Литл. В салон машины врывается прохладный воздух, овеивает мне ноги.

– Детектив Норелли – моя напарница. – Я улавливаю в его голосе нотку металла. – Я рассказал ей о том, что с вами происходит. Она собирается привести к вам домой некоторых людей. Можно?

Я сначала опускаю, потом поднимаю подбородок.

– Можно.

Когда он садится на свое место, машина охает. Интересно, сколько он весит? Интересно, сколько вешу я.

– Не хотите открыть глаза? – предлагает он. – Или вам так лучше?

Я снова наклоняю голову.

Дверь захлопывается, Литл заводит «седан», врубает задний ход и быстро подает машину назад, а потом останавливается.

– Приехали, – объявляет он, когда я открываю глаза и выглядываю в окно.

Приехали. Передо мной возвышается дом – черная пасть входной двери, ступени крыльца, как высунутый язык, карнизы образуют ровные

брови над окнами. Оливия всегда говорит, что у домов из бурого песчаника есть лица, и с этого ракурса открывается наглядное подтверждение ее слов.

– Симпатичный дом, – комментирует Литл. – Большой. Четыре этажа? Это цокольный этаж?

Я наклоняю голову.

– Значит, пять этажей.

Пауза. В мое окно ударяется лист, потом уносится прочь.

– И вы здесь одна?

– Еще съемщик, – говорю я.

– Где он живет? В цокольном этаже или наверху?

– В цокольном.

– И он всегда здесь?

Я дергаю плечами:

– Иногда.

Молчание. Пальцы Литла выступают на приборной панели бодрый ритм. Я поворачиваюсь к нему. Он ловит мой взгляд, улыбается.

– Вот здесь вас и нашли, – напоминает он мне, кивая в сторону сквера.

– Я знаю, – бормочу я.

– Симпатичный скверик.

– Согласна.

– Симпатичная улица.

– Да. Все симпатичное.

Он снова ухмыляется.

– Ладно, – говорит он, глядя мимо меня, поверх моего плеча на окна дома. – Это парадная дверь или та, в которую вчера вечером вошли фельдшеры?

У него на пальце болтается кольцо с моим ключом от дома.

– То и другое, – отвечаю я.

– Ну хорошо. – Он крутит кольцо с ключом на пальце. – Хотите, отнесу вас?

Глава 39

Он не берет меня на руки, однако вытаскивает из машины, ведет к воротам, подталкивает вверх по ступеням. Обхватив его за широченную спину, я ковыляю, еле волоча ноги, на локте свободной руки у меня висит зонтик. Словно мы отправились на прогулку. Я чувствую себя совершенно отупевшей от лекарств.

Солнце едва не просверливает мне веки. На крыльце Литл вставляет ключ в замок, толкает дверь, которая широко распахивается, ударившись о стену; дрожат стекла.

Интересно, наблюдают ли за нами соседи. Интересно, увидела ли миссис Вассерман, как меня затаскивал в дом крупногабаритный черный мужчина. Держу пари, она прямо сейчас звонит копам.

В прихожей мы вдвоем едва умещаемся – я прижата к стене, упираюсь как могу. Литл ногой закрывает дверь, и мы оказываемся в полумраке. Я закрываю глаза, прислоняюсь головой к его плечу. Ключ поворачивается во втором замке.

И потом я чувствую это – тепло жилой комнаты.

И ощущаю запах – спрятый воздух моего дома.

И слышу громкое мяуканье кота.

Кот! Я совершенно забыла про Панча.

Я открываю глаза. Картина прежняя, с момента моего ухода ничего не изменилось. Распахнута дверца посудомоечной машины, на диване лежит ворох скомканых одеял, светится экран телевизора, на экране застыло меню дивиди с «Черной полосой», на кофейном столике поблескивают в солнечном свете две опустевшие винные бутылки, стоят четыре баночки с пиллюями. Одна из них опрокинулась, как пьяная.

Дом. Сердце едва не выпрыгивает из груди. Я готова рыдать от счастья.

Зонтик соскальзывает с руки, падает на пол.

Литл направляет меня к кухонному столу, но я машу рукой влево, как мотоциклист, и мы меняем курс в направлении дивана, где за подушкой сидит Панч.

– Ну, вот и на месте.

Опустив меня на диванные подушки, Литл переводит дух. Кот наблюдает за нами. Когда Литл отступает назад, кот бочком пробирается ко мне по одеялам, а потом поворачивает голову и шипит на моего

сопровождающего.

– Тебе тоже привет, – говорит ему Литл.

Я устраиваюсь на диване, чувствуя, как сердечный ритм успокаивается, как кровь тихо поет в венах. Проходит минута, и я прихожу в себя. Дома. В безопасности. В безопасности. Дома.

Паника постепенно сходит на нет.

– Почему в моем доме были люди? – спрашиваю я Литла.

– В каком смысле?

– Вы сказали, что в дом заходили фельдшеры скорой помощи.

Он поднимает брови.

– Они нашли вас в сквере. Увидели открытую дверь кухни. Им надо было посмотреть, что происходит.

Прежде чем я успеваю ответить, он поворачивается к фотографии Ливви на приставном столике.

– Дочь?

Я киваю.

– Она живет здесь?

Отрицательно качаю головой.

– С отцом, – мямялю я.

Его очередь кивать.

Он поворачивается, потом замечает остатки пиршества на кофейном столике.

– Кто-то устроил вечеринку?

Я делаю громкий вдох, потом выдох.

– Это кошка была, – говорю я.

Откуда это? «Помилуйте, что за дела? Молчи, это кошка была»^[22]. Шекспир? Я хмурюсь. Не Шекспир. Чересчур жеманно.

Очевидно, я тоже чересчур жеманна, потому что Литл даже не ухмыляется.

– Это все ваше? – разглядывая винные бутылки, спрашивает он. – Хорошее мерло.

Я ерзаю на диване. Чувствую себя непослушным ребенком.

– Да, – признаюсь я. – Но...

Со стороны это хуже, чем есть на самом деле? Или на самом деле хуже, чем выглядит со стороны?

Литл выуживает из кармана флакончик с капсулами ативана, который выписала мне прелестная молодая докторша. Он кладет его на кофейный столик. Я бормочу спасибо.

А потом из глубин моего подсознания что-то всплывает на

поверхность.

Тело.

Тело Джейн.

Я открываю рот.

Впервые я замечаю пистолет в кобуре, висящий на бедре у Литла. Помню, как однажды Оливия таращилась в Мидтауне на конного полицейского. Она секунд десять пожирала его глазами, и только потом я поняла, что она глазела на его оружие, а не на лошадь. Тогда я улыбнулась, стала ее поддразнивать, а сейчас вот оно, оружие, только руку протяни, только мне теперь не до смеха.

Литл замечает мой интерес и прикрывает пистолет курткой, как будто я заглядываю ему под рубашку.

– А что с моей соседкой? – спрашиваю я.

Он достает из кармана телефон, подносит его к глазам. Наверное, близорукий. Потом проводит пальцем по экрану и опускает руку.

– В этом доме живете только вы? – Детектив идет в сторону кухни. – Ну да, вы и ваш съемщик, – добавляет он. – Отсюда можно пройти вниз?

Литл указывает большим пальцем на дверь цокольного этажа.

– Да. Так что же с моей соседкой?

Он снова смотрит на свой телефон, потом наклоняется. Когда он выпрямляется во весь стоярдовый рост, то в правой руке у него оказывается кошачья миска для воды, а в левой – стационарный телефон. Смотрит сначала на одно, потом на другое, словно взвешивая эти предметы.

– Парень, наверное, хочет пить, – говорит он, подходя к раковине.

Я смотрю на его отражение в экране телевизора, слышу шум воды из крана. В одной из бутылок осталось немного вина. Успею ли я допить его, пока детектив не видит?

Миска с водой звякает о пол, после чего Литл ставит телефон на базу, искоса смотрит на дисплей.

– Аккумулятор сел, – сообщает он.

– Я знаю.

– На всякий случай говорю. – Детектив опять изучает дверь цокольного этажа. – Можно постучать? – спрашивает он меня.

Я киваю.

Он стучит костяшками пальцев по дереву и ждет.

– Как зовут вашего арендатора?

– Дэвид.

Литл стучит снова. Ничего.

Он поворачивается ко мне.

– Так где же ваш телефон, доктор Фокс?

Я моргаю:

– Мой телефон?

– Ваш мобильный. – Он машет своим сотовым. – У вас он есть?

Я киваю.

– При вас-то мобильного не было. Обычно люди первым делом бросаются искать свой телефон, если забывают его дома на всю ночь.

– Не знаю... Я не часто им пользуюсь.

И правда, где же он?

Литл ничего не говорит.

С меня довольно. Я упираюсь ногами в ковер и поднимаюсь. Комната начинает кружиться, но в следующий миг притормаживает, и я встречаюсь взглядом с Литлом.

Панч приветствует меня тонким «мяу».

– Вы как? – делая шаг ко мне, спрашивает Литл. – Все хорошо?

– Да. – Халат на мне случайно распахивается, я кутаюсь в него, затягиваю пояс. – Что произошло с моей соседкой?

Детектив замирает, смотрит в свой телефон.

Я повторяю вопрос:

– Что...

– О'кей, – говорит Литл, – о'кей. Они на пути сюда. – И вдруг он со скоростью огромной волны устремляется через кухню. Обводит помещение взглядом. – Вот окно, из которого вы видели соседку? – Он указывает на него.

– Да.

Детектив делает один шаг – ноги у него длинноющие, – и вот он уже у раковины. Упирается ладонями в столешницу, изучает дом за сквером. Я разглядываю его спину, загородившую окно. Потом на глаза мне попадается хлам на кофейном столике, и я принимаюсь за уборку.

Литл оборачивается.

– Оставьте все как есть, – говорит он. – И телевизор пусть будет включен. Какой там у вас фильм?

– Старый триллер.

– Вы любите триллеры?

Я нервничаю. Должно быть, заканчивается действие лоразепама.

– Конечно. Почему нельзя убрать со стола?

– Потому что мы хотим в точности понять, что происходило с вами, когда вы видели нападение на соседку.

– Разве не важнее то, что происходило с *ней*?

Литл игнорирует меня.

– Лучше уберите куда-нибудь кота, – просит он. – Похоже, зверь у вас с характером. Не хочу, чтобы он кого-нибудь исцарапал. – Литл поворачивается к раковине, наполняет стакан водой. – Вот, выпейте. Обезвоживание опасно. Вы перенесли шок.

Он пересекает комнату, подает мне стакан, и в этом жесте сквозит что-то похожее на нежность. Того и гляди погладит меня по щеке.

Я подношу стакан к губам.

Раздается звонок в дверь.

Глава 40

– Со мной мистер Рассел, – зачем-то объявляет детектив Норелли.

У нее тонкий, девичий голос, который плохо вяжется с ее образом стервы на колесах, в глухом свитере и кожаном пальто. Она мельком оглядывает комнату и останавливает пронзительный взор на мне. Не представляется. Она «плохой коп», без сомнения, и я с разочарованием понимаю, что неуклюжие шутки Литла, пожалуй, просто дешевка.

За ней следом входит Алистер, в брюках хаки и джемпере. Мистер Рассел свеж и подтянут, правда, на горле видна красная полоска, как от удавки. Может, она у него там всегда? Он смотрит на меня, улыбается.

– Привет, – говорит он слегка удивленным тоном.

Я такого не ожидала.

Я колеблюсь. Я смущена. Мой организм пока еще реагирует медленно, как двигатель, засоренный сахаром, а сейчас мой сосед озадачил меня своей ухмылкой.

– Как себя чувствуете?

Литл закрывает дверь прихожей за Алистером, подходит ко мне.

Я кручу головой. Да. Нет.

Он поддерживает меня за локоть:

– Давайте отведем вас...

– Мэм, с вами все хорошо? – Норелли хмурится.

Литл вскидывает ладонь:

– Да хорошо, хорошо. Ей дали седативные средства.

У меня горят щеки.

Детектив подводит меня к кухонной нише, сажает за стол – тот самый стол, за которым мы не спеша играли в шахматы с Джейн... Мы говорили о наших детях, она посоветовала мне фотографировать закат. Рассказывала об Алистере и о своем прошлом.

Норелли подходит к кухонному окну, держа в руке телефон.

– Миз Фокс... – начинает она.

– Доктор Фокс, – поправляет ее Литл.

После паузы она произносит:

– Доктор Фокс, со слов детектива Литла я поняла, что вчера вечером вы увидели нечто необычное.

Я мельком смотрю на Алистира, он по-прежнему стоит у двери в прихожую.

– Я видела, как мою соседку ударили ножом.

– Кто ваша соседка? – спрашивает Норелли.

– Джейн Рассел.

– И вы увидели это в окно?

– Да.

– Какое окно?

Я указываю пальцем:

– То.

Норелли поворачивает голову в том же направлении. У нее невыразительные темные глаза. Я наблюдаю, как они сканируют дом Расселов, слева направо, словно она читает строчки какого-то текста.

– Вы видели, кто ударил ножом вашу соседку? – продолжает Норелли, по-прежнему глядя в окно.

– Нет, но я видела, как она истекает кровью, и заметила у нее в груди...

– Что было у нее в груди?

Я ерзаю на стуле.

– Что-то серебристое.

Какое это имеет значение?

– Что-то серебристое?

Я киваю.

Норелли тоже кивает, оборачивается, смотрит на меня, потом переводит взгляд на гостиную.

– Кто был с вами вчера вечером?

– Никто.

– Значит, то, что на столе, – это ваше?

Я снова ерзаю.

– Да.

– Ладно, доктор Фокс. – При этом она глядит на Литла. – Я собираюсь...

– Его жена... – начинаю я и предостерегающе поднимаю руку, видя, что Алистер направляется к нам.

– Погодите минуту. – Норелли делает шаг вперед, кладет свой телефон на стол передо мной. – Я собираюсь дать вам прослушать разговор с диспетчером службы «девять-один-один», куда вы позвонили вчера в половине одиннадцатого.

– Его жена...

– Полагаю, это даст ответ на массу вопросов. – Она ударяет по экрану длинным пальцем, и в уши мне бьет резкий голос по громкой связи:

«„Девять-один-один“ . Что...»

Норелли запускает запись, нажимает большим пальцем на клавишу громкости, приглушая звук.

«...у вас случилось?»

«Моя соседка...» Какой визгливый голос! «Ее... ударили ножом. Господи! Помогите ей».

Это я, знаю, – во всяком случае, мои слова, – но не мой голос, я же говорю невнятно.

«Мэм, не спешите». О эта манера растягивать слова! Она даже сейчас бесит меня. «Какой у вас адрес?»

Я гляжу на Алистера, на Литла. Они уставились на телефон Норелли. А Норелли наблюдает за мной.

«И вы говорите, вашу соседку пырнули ножом?»

«Да. Помогите. Она истекает кровью».

Я морщусь. Слов почти не разобрать.

«Что?»

«Я сказала „помогите“».

Влажный кашель, лепетание. Вот-вот заплачу.

«Помощь сейчас прибудет, мэм. Надо, чтобы вы успокоились. Ваше имя, пожалуйста».

«Анна Фокс».

«Хорошо, Анна. Как зовут вашу соседку?»

«Джейн Рассел. О боже!»

Хрип.

«Вы сейчас с ней?»

«Нет. Она на той... она из дома на той стороне сквера».

Чувствую на себе взгляд Алистера. Отвечаю ему спокойным взглядом.

«Анна, это вы ударили соседку ножом?»

Пауза.

«Что?»

«Это вы ударили соседку ножом?»

«Нет».

Теперь Литл тоже наблюдает за мной. Все трое глазеют на меня. Я наклоняюсь вперед, почти утыкаюсь носом в телефон Норелли.

«Хорошо».

«Я посмотрела в окно и увидела, что ее ударили ножом».

«Ладно. Вы знаете, кто это сделал?»

Другая пауза, более долгая.

«Мэм, вы знаете, кто...»

Скрежет и грохот. Падает телефон. Должно быть, там он и лежит – наверху, в кабинете, – как чье-то брошенное тело.

«Мэм?..»

Тишина.

Я выворачиваю шею, смотрю на Литла. Он больше за мной не наблюдает.

Норелли склоняется над столом, водит пальцем по экрану.

– Диспетчер оставался на линии шесть минут, – говорит она, – пока фельдшеры скорой помощи не подтвердили, что находятся на месте происшествия.

Место происшествия. И что же они нашли на месте происшествия? Что случилось с Джейн?

– Не понимаю. – Внезапно я ощущаю усталость и опустошение. Медленно оглядываю кухню, столовые приборы, поблескивающие в посудомоечной машине, бутылки, торчащие из мусорного бака. – Что случилось с...

– Ничего не случилось, доктор Фокс, – мягко произносит Литл. – Ни с кем.

Я таращаюсь на него:

– Что вы имеете в виду?

Он подтягивает брюки на бедрах и опускается рядом со мной на корточки.

– Я думаю, – говорит он, – что все это милое мерло, которое вы выпили, и принятые вами лекарства, и фильм, который вы смотрели, привели вас в состояние возбуждения, и вам привиделось то, чего на самом деле не было.

Мои глаза лезут на лоб.

Он моргает.

– Вы полагаете, я это выдумала? – спрашиваю я сдавленным голосом.

Он качает массивной головой:

– Нет, мэм, полагаю, вы просто перевозбудились, и вам все это ударило в голову.

Я широко разеваю рот.

– У этих лекарств есть побочные эффекты? – отстаивает свою версию Литл.

– Да, – отвечаю я. – Но...

– Может быть, галлюцинации?

– Не знаю.

Хотя на самом деле мне прекрасно известно, что да.

– Врач в больнице сказала, что галлюцинации могут быть побочным эффектом принимаемых вами препаратов.

– У меня не было галлюцинаций. Я видела то, что видела.

С трудом встаю. Кот выскакивает из-под стула, мчится в гостиную.

Литл поднимает широкие плоские ладони:

– Что ж, вы только что слышали запись телефонного разговора. Этот разговор давался вам с трудом.

Норелли делает шаг вперед.

– В больнице у вас взяли кровь на анализ, и уровень алкоголя был два и два^[23], – сообщает она мне. – Это почти втрое превышает допустимое количество.

– Ну и что?

За ее спиной маячит Алистер. У нас с ним происходит дуэль взглядов.

– У меня не было галлюцинаций! – Я швыряю эти слова им в лицо. – Воображение тут ни при чем! Я не сумасшедшая.

– Насколько я понимаю, ваша семья не живет здесь, мэм? – уточняет Норелли.

– Это вопрос?

– Да, это вопрос.

– Мой сын говорит, вы в разводе, – вмешивается Алистер.

– Просто живем отдельно, – автоматически поправляю я его.

– Из слов мистера Рассела понятно, – говорит Норелли, – что никто в округе вас не видел. Похоже, вы нечасто выходите из дома.

Я ничего не говорю. Никак не реагирую.

– Вот и другая теория, – продолжает она. – Вы добивались внимания к себе.

Я отшатываюсь и ударяюсь о кухонную столешницу. Халат на мне распахивается.

– Друзей нет, семья живет в другом месте, у вас было много выпивки, и вы решили закатить небольшой скандалчик.

– Вы считаете, я это подстроила? – Я с негодящим воплем подаюсь вперед.

– Да, я так считаю.

Литл откашливается.

– Думаю, – мягко произносит он, – оттого что сидишь дома безвылазно, вполне можно немного занервничать... Мы не говорим, что вы сделали это нарочно...

– Это вы воображаете всякое. – Я тычу в них дрожащим пальцем, размахиваю им, как волшебной палочкой. – Именно вы выдумываете то,

чего не было. Я через это окно видела, как она истекает кровью.

Норелли прикрывает глаза, вздыхает.

– Мэм, мистер Рассел говорит, что его жены не было в городе. Утверждает, что вы с ней незнакомы.

Тишина. Комната кажется наэлектризованной.

– Она была здесь, – медленно и ясно говорю я, – два раза.

– Здесь?..

– Первый раз она помогла мне войти в дом. Потом снова пришла ко мне. И... – я сердито гляжу на Алистера, – он приходил ее искать.

Рассел кивает.

– Но я искал сына, не жену. – Он сглатывает. – А вы сказали, что у вас никого не было.

– Я солгала. Она сидела за этим столом. Мы играли в шахматы.

Он беспомощно смотрит на Норелли.

– И вы заставили ее громко кричать, – добавляю я.

Теперь Норелли поворачивается к Алистеру.

– Мэм говорит, что слышала крик, – объясняет она.

– Да, действительно слышала. Три дня назад. – Это точно? Может быть, нет. – Итан сказал мне, что это кричала она.

Не совсем верно, но близко.

– Давайте обойдемся без Итана, – вмешивается Литл.

Я смотрю на них, собравшихся вокруг меня, как те трое мальчишек, которые швырялись яйцами, паршивцы этакие.

Ну я с ними разделяюсь!

– Так где же она? – спрашиваю я, скрещивая руки на груди. – Где Джейн? Если с ней ничего не случилось, приведите ее сюда.

Они переглядываются.

– Давайте. – Я туже заворачиваюсь в халат, затягиваю пояс, снова скрещиваю руки. – Приведите ее.

Норелли поворачивается к Алистеру.

– Вы не могли бы... – бормочет она, и он кивает, идет в гостиную, достает из кармана телефон.

– А затем, – говорю я Литлу, – я хочу, чтобы вы убрались из моего дома. Вы считаете, что я брежу. – (Он вздрагивает.) – А вы думаете, что я лгу. – (Норелли не реагирует.) – А он говорит, я не знакома с женщиной, с которой встречалась дважды. – (Алистер бубнит что-то в телефон.) – И я хочу знать, кто именно входил сюда, когда и куда... – Запутываюсь в собственных словах. Пережидаю, прихожу в себя. – Хочу знать, кто еще был здесь.

Алистер возвращается.

– Придет через минуту, – сообщает он, засовывая телефон в карман.

Смотрю на Рассела в упор:

– Готова поспорить, эта минута затянется.

Никто ничего не говорит. Я блуждаю взглядом по комнате. Алистер изучает свои часы, Норелли безмятежно разглядывает кота. Только Литл наблюдает за мной.

Проходит двадцать секунд.

Еще двадцать.

Я вздыхаю, размыкаю руки.

Это нелепо. Женщина была...

Звучит сигнал домофона.

Поворачиваю голову к Норелли, потом к Литлу.

– Давайте открою, – предлагает Алистер и направляется к двери.

Я смотрю, окаменев, как он нажимает кнопку домофона, поворачивает ручку двери, открывает дверь прихожей, отступает в сторону.

В следующую секунду, наклонив голову и опустив глаза, в комнату входит Итан.

– Вы знакомы с моим сыном, – говорит Алистер. – А это моя жена, – добавляет он, закрывая за ней дверь.

Смотрю на него. Потом на нее.

Я ни разу в жизни не видела эту женщину.

Глава 41

Она высокая, стройная. Гладкие темные волосы обрамляют точеное лицо. У нее тонкие, четко очерченные брови, изогнутые дугой над серозелеными глазами. Она холодно смотрит на меня, потом пересекает кухню и протягивает мне руку.

– Кажется, мы не знакомы, – говорит она.

У нее низкий чувственный голос, как у Бэкколл. Он гулко отдается у меня в ушах.

Я не двигаюсь. Просто не могу.

Ее рука протянута к моей груди. Но я не подаю ей руку.

– Кто это?

– Это ваша соседка. – Голос у Литла почти печальный.

– Джейн Рассел, – говорит Норелли.

Я смотрю на нее, потом на него. Потом на эту женщину.

– Нет, вы не Джейн. – Я отрицательно качаю головой.

Она убирает руку.

Обращаюсь к детективам:

– Нет, это не она. Что вы такое говорите? Она не Джейн.

– Уверяю вас, – начинает Алистер, – она...

– Не надо нас ни в чем уверять, мистер Рассел, – цедит Норелли.

– А если я буду вас уверять? – спрашивает женщина.

Я делаю шаг вперед и набрасываюсь на нее:

– Да кто вы такая?

Я говорю раздраженно, отрывисто и с удовольствием наблюдаю, как самозванка и Рассел разом отшатываются, словно скованные вместе ножными кандалами.

– Доктор Фокс, – говорит Литл, – давайте успокоимся.

Он кладет руку мне на плечо.

Это выводит меня из себя. Я отскакиваю от него, от Норелли, и теперь я в центре кухни, детективы маячат у окна, Алистер и женщина отступили в гостиную.

Я поворачиваюсь к ним, делаю шаг вперед.

– Я дважды встречалась с Джейн Рассел, – медленно выговариваю я. – Вы не Джейн Рассел.

На этот раз она упорствует.

– Могу показать вам водительское удостоверение, – предлагает она,

запуская руку в карман.

Я медленно качаю головой:

– Не хочу смотреть на ваше водительское удостоверение.

– Мэм, – окликает меня Норелли, и я поворачиваю голову. Приблизившись, она встает между нами. – Довольно.

Алистер широко открытыми глазами наблюдает за мной. Рука женщины по-прежнему засунута в карман. Итан у них за спиной отступил к шезлонгу, у его ног свернулся Панч.

– Итан, – говорю я, и его взгляд скользит к моему лицу, как будто он ждал, чтобы его позвали. – Итан. – Я протискиваюсь между Алистером и женщиной. – Что происходит?

Он смотрит на меня. Потом отводит взгляд.

– Она не твоя мать. – Я дотрагиваюсь до его плеча. – Скажи им.

Он поднимает голову, скашивает глаза влево. Сжимает челюсти и сглатывает. Теребит ноготь.

– Вы никогда не встречались с моей матерью, – бормочет он.

Я убираю руку.

Медленно поворачиваюсь. Я ошеломлена.

Потом все разом заговаривают – звучит маленький хор.

– Можем мы… – спрашивает Алистер, кивая на дверь прихожей.

И в тот же момент Норелли говорит:

– Полагаю, мы здесь закончили.

А Литл приглашает меня «немного отдохнуть».

Я с удивлением смотрю на них.

– Можем мы… – вновь пытается что-то сказать Алистер.

– Благодарю вас, мистер и миссис Рассел, – кивает Норелли.

Он и незнакомая женщина настороженно глядят на меня, как будто я зверь, которому только что вкололи транквилизатор, затем идут к двери.

– Пошли, – на ходу резко бросает Алистер.

Итан встает, не поднимая глаз, и переступает через кота.

Расселы выходят за дверь. Норелли собирается выйти вслед за ними.

– Доктор Фокс, делать ложные заявления в полицию – это уголовное преступление, – сообщает она мне. – Вы это понимаете?

Я бросаю на нее пристальный взор. Кажется, киваю.

– Хорошо. – Она поправляет воротник пальто. – Это все, что я хотела сказать.

За ней закрывается дверь в прихожую. Я слышу, как щелкает замок.

Остаемся только мы с Литлом. Я смотрю на острые кончики крыльев на эмблеме и вспоминаю, что сегодня пропустила урок французского с

Ивом. Как это случилось? Почему?

Я и Литл. Les deux^[24].

Хлопает входная дверь.

– Ничего, если я оставлю вас одну? – спрашивает он.

Я рассеянно киваю.

– У вас есть с кем поговорить?

Я снова киваю.

– Вот, – говорит он, выуживая из нагрудного кармана визитку и вкладывая ее мне в ладонь.

Я рассматриваю карточку. «ДЕТЕКТИВ КОНРАД ЛИТЛ, ОТДЕЛ ПОЛИЦИИ НЬЮ-ЙОРКА». Два телефонных номера. Адрес электронной почты.

– Если что-то понадобится, звоните. Эй! – (Я поднимаю глаза.) – Я сказал, можете звонить. О'кей?

Я киваю.

– О'кей? – повторяет он.

Это слово перекатывается у меня на языке, отталкивает другие слова.

– О'кей.

– Хорошо. Днем и ночью. – Он перекладывает телефон из одной руки в другую. – С моими ребятишками все равно не поспишь. – Замечает, что я наблюдаю за ним, умолкает.

Мы смотрим друг на друга.

– Будьте здоровы, доктор Фокс.

Литл подходит к двери, ведущей в прихожую, открывает, осторожно прикрывает за собой.

Опять щелкает замок входной двери. И опять дверь захлопывается.

Глава 42

Неожиданная напряженная тишина. Мир замер.

Я одна, впервые за весь день.

Осматриваю комнату. Винные бутылки, сверкающие в косых солнечных лучах. Стул, развернутый под углом к кухонному столу. Кот, охраняющий диван.

Пылинки, пляшущие в столбе света.

Я тащусь к двери в прихожую, запираю ее.

Оборачиваюсь и вновь смотрю на комнату.

Все это только что произошло?

Что же именно?

Я бреду в кухню, извлекаю бутылку вина. Вставляю штопор, вытаскиваю пробку. Наливаю вино в бокал. Подношу к губам.

Я думаю о Джейн.

Осушаю бокал, потом прижимаю горлышко бутылки к губам, поднимаю ее. Долго и жадно пью.

Я думаю о той женщине.

Покачиваясь, иду в гостиную, вытряхиваю на ладонь две пилюли и проглатываю.

Ну и хорош этот Алистер... «А это моя жена».

Стою, пью вино большими глотками, пока не начинаю давиться.

А когда ставлю бутылку на стол, вспоминаю об Итане, о том, как он старался не смотреть на меня и все время отворачивался. Сглатывал, перед тем как ответить мне. Ковырял свой ноготь. Невнятно бубнил.

Он лгал.

Действительно лгал. Прятал глаза, косился по сторонам, мямлил, нервничал – так ведут себя лгуны. Я поняла это еще до того, как он открыл рот.

Но вот стиснутые зубы – это признак чего-то другого.

Это признак страха.

Глава 43

Мой телефон на полу кабинета – там, где я его уронила. По пути в ванную, куда я несу флаконы с таблетками, провожу пальцем по экрану. Доктор Филдинг. Он имеет право выписывать рецепты, как я прекрасно знаю, будучи доктором медицины, но в данном случае от него мало проку.

– Можешь ко мне приехать? – спрашиваю я, как только она поднимает трубку.

Пауза.

– Что?

У нее смущенный голос.

– Можешь ко мне приехать?

Я иду к кровати, забираюсь в нее.

– Прямо сейчас? Я не...

– Бина, пожалуйста.

Снова пауза.

– Смогу быть у тебя в девять... девять тридцать. У меня планы на ужин, – добавляет она.

Мне все равно.

– Отлично.

Я ложусь на спину, голова утопает в подушке. За окном качаются ветки, облетают листья, похожие на горячие угольки. Они вспыхивают перед стеклом и пропадают из виду.

– Все в порядке?

– Что-что?

Темазепам забил мне весь мозг. Чувствую, скоро будет короткое замыкание.

– Я спросила: все в порядке?

– Нет. Да. Объясню, когда приедешь.

Веки тяжелеют и опускаются.

– Ладно. Увидимся вечером.

Но я уже погружаюсь в сон.

Я впадаю в забытье без сновидений и, когда внизу звучит сигнал домофона, просыпаюсь совершенно разбитая.

Глава 44

Бина, приоткрыв рот, таращится на меня.

Наконец медленно, но плотно закрывает его. Прямо как венерина мухоловка. Ничего не говорит.

Мы в библиотеке Эда, я свернулась калачиком в кресле «с ушами», Бина развалилась в клубном кресле, которое обычно занимает доктор Филдинг. Свои длинные, как водосточные трубы, ноги она подвернула под сиденье, и Панч облачком дыма вьется вокруг ее лодыжек.

В камине догорает огонь.

Но вот Бина переводит взгляд на крохотные языки пламени.

– Сколько же ты выпила? – спрашивает она, поморщившись, словно я собираюсь ударить ее.

– Не так уж много – галлюцинаций от этого быть не могло.

Она кивает:

– Ладно. А таблетки?..

Я хватаюсь за плед, прикрывающий колени, комкаю его.

– Я встречалась с Джейн. Два раза. В разные дни.

– Правильно.

– Я видела ее с семьей в их доме. Несколько раз.

– Правильно.

– Я видела, как Джейн истекает кровью. С ножом в груди.

– Это точно был нож?

– Ну уж точно не долбаная брошка.

– Просто я... ладно, хорошо.

– Я видела ее через камеру. Очень четко.

– Но снимка ты не сделала.

– Нет, не сделала. Я пыталась помочь ей, а не... документировать это.

– Ладно. – Она лениво поглаживает волосы. – А теперь они говорят, что никто никого не зарезал.

– И пытаются доказать, что Джейн – это кто-то другой. Или кто-то другой – Джейн.

Бина наматывает прядь на длинный палец.

– Ты уверена... – начинает она, и я напрягаюсь, поскольку знаю, что последует дальше. – Ты определенно уверена, что здесь не может быть никакого недораз...

Я подаюсь вперед.

– Я знаю, что видела это.

Бина опускает руку.

– Не знаю... что и сказать.

Медленно роняю слова, словно пробираюсь по лесу в темноте:

– Они не хотят поверить, что с Джейн что-то случилось, – говорю я скорее себе, чем ей, – и принимают за Джейн женщину, которая вовсе не она.

Немного путано, но Бина кивает.

– Однако почему бы полиции не попросить у этой особы удостоверение личности?

– Нет-нет. Они просто принимают на веру слова ее мужа. Почему бы и нет? – (Кот подкрадывается ко мне по ковру, потом залезает под мое кресло.) – И никто прежде ее не видел. Расселы здесь всего неделю. Эта женщина может быть кем угодно. Родственницей. Любовницей. Невестой по переписке. – Я поднимаюсь, иду за выпивкой, потом вспоминаю, что у меня ее нет. – А я видела Джейн с ее семьей. Видела на ней медальон с фотографией Итана. Господи, да она прислала ко мне сына с подарком – сувенирной свечой.

Бина снова кивает.

– А ее муж не вел себя, как...

– Как человек, только что зарезавший кого-то? Нет.

– Это точно он?..

– Что «он»?

Бина ерзает.

– Ну... сделал это.

– Кто еще мог такое сотворить? Их ребенок – просто ангел. Если он и решился бы кого-то зарезать, то это своего отца. – Я снова протягиваю руку к бокалу, шарю в воздухе. – И как раз перед этим я видела Итана за компьютером, так что, если только он не помчался вниз, чтобы воткнуть нож в маму, думаю, он вне подозрений.

– Ты рассказывала об этом кому-то еще?

– Пока нет.

– А своему врачу?

– Расскажу.

Эду тоже. Поговорю с ним позже.

Тишина, лишь потрескивает пламя в камине.

В отсветах пламени кожа Бины отливает блестящей медью. Я спрашиваю себя, не потакает ли она мне, или, может быть, ее гложут сомнения. История невероятная, это точно. «Мой сосед убил свою жену, и

теперь какая-то самозванка выдает себя за нее. А их сын слишком напуган, чтобы сказать правду».

– Где, по-твоему, Джейн? – тихо спрашивает Бина.

Молчание.

– Я и понятия не имела, что была такая актриса, – говорит Бина, склонившись к моему плечу. Я вижу только волну ее волос.

– Главная красотка пятидесятых, – бормочу я. – Позже снималась в жестком порно.

– А-а.

– Неудачный аборт.

– О-о.

Мы сидим за моим столом, прокручивая двадцать две страницы фотографий Джейн Рассел – увешанной драгоценностями («Джентльмены предпочитают блондинок»), полураздетой в стоге сена («Вне закона»), кружящейся в цыганской юбке («Горячая кровь»). Мы справлялись в «Пинтересте». Прочесали траншеи «Инстаграма». Изучили газеты и сайты Бостона. Просмотрели фотогалерею Макмаллана. Ничего.

– Разве не удивительно, – говорит Бина, – что, судя по Интернету, некоторых людей не существует?

С Расселом проще. Вот фото Алистера в тесном костюме для статьи в «Консалтинг мэгэзин». Заголовок поясняет: «РАССЕЛ ПЕРЕХОДИТ В „АТКИНСОН“». В его профиле в «Линкедине» та же фотография. А вот портрет в информационном бюллетене выпускников Дартмутского колледжа, где он поднимает бокал на благотворительном мероприятии.

Но Джейн нигде нет.

Еще более странно – нет Итана.

Его нет ни в «Фейсбуке», ни в «Форсквере», ни где бы то ни было – и «Гугл» не дает ничего, кроме отсылок к фотографу с таким же именем.

– Разве большинство ребят не пользуются «Фейсбуком»? – спрашивает Бина.

– Отец ему не разрешает. У него даже нет мобильного. – Я закатываю сползший рукав. – И он на домашнем обучении. Вероятно, он мало с кем знаком. Возможно, никого здесь не знает.

– Но у его матери должны быть знакомые, – говорит Бина. – В Бостоне или... В общем, кто-нибудь да есть. – Она подходит к окну. – А как же фотографии? Разве полиция не была сегодня у них дома?

Я размышляю над этим.

– Не исключено, что в доме были снимки той, другой женщины.

Алистер мог показать и рассказать полицейским что угодно. И они не собираются делать обыск в их доме. Они ясно дали это понять.

Бина кивает и, обернувшись, смотрит на дом Расселов.

– Шторы опущены, – говорит она.

– Что?

Я подхожу к ней и вижу своими глазами: в каждой комнате – в кухне, гостиной, спальне Итана – окна зашторены.

Дом закрыл свои глаза. Плотно зажмурил их.

– Видишь? – восклицаю я. – Соседи больше не хотят, чтобы я смотрела на них.

– За это я не стала бы их упрекать.

– Они осторожничают. Разве это не доказывает их вину?

– Да, подозрительно. – Бина наклоняет голову. – Они часто опускали шторы?

– Никогда. Никогда. Дом был как на ладони.

Она в нерешительности.

– Тебе не кажется... не кажется, что ты можешь быть... в опасности?

Такое не приходило мне в голову.

– Почему? – медленно спрашиваю я.

– Потому! Если тебе не померещилось то, что ты видела...

Я вздрагиваю.

– Не померещилось.

– ...то ты свидетель, понимаешь?

Я судорожно вздыхаю – раз, другой.

– Пожалуйста, останься у меня на ночь.

Бина поднимает брови.

– Это принуждение! – протестует она.

– Я тебе заплачу.

Она смотрит на меня, прищурившись:

– Дело не в этом. У меня завтра с утра дела, и все мои вещи...

– Прошу тебя. – Я заглядываю ей в глаза. – Пожалуйста.

Она вздыхает.

Глава 45

Темнота – плотная, непроницаемая. Темнота бомбоубежища. Темнота космоса.

Потом – далеко-далеко – звезда, светящаяся точка.

Приближается ко мне.

Свет дрожит, раздувается, пульсирует.

Сердце. Крошечное сердце. Бьется. Лучится.

Раздвигает мрак вокруг, сияет на тонкой цепочке. Блузка, белая как привидение. Позлащенные светом плечи. Линия шеи. Рука. Пальцы теребят пульсирующее маленькое сердце.

Над ним – лицо. Джейн. Живая Джейн, сияющая. Наблюдает за мной. Улыбается.

Я улыбаюсь ей в ответ.

Но вот перед ней скользит оконное стекло. Она прижимает к нему руку, оставляя на нем крошечные отпечатки пальцев.

А за ее спиной тьма рассеивается, и появляются канапе в красно-белую полоску, две ярко горящие лампы, ковер с изображением цветущего сада.

Джейн опускает взгляд на медальон, нежно поглаживает его. Смотрит на свою ярко освещенную блузку. На пятно крови под воротничком, расползающееся, увеличивающееся, пылающее у нее на коже.

А когда она поднимает глаза и глядит на меня, я вижу перед собой другую женщину.

**Суббота,
6 ноября**

Глава 46

Бина ушла в начале восьмого, едва за окном забрезжил рассвет. Я обнаружила, что она слегка всхрапывает во сне. Эти звуки напоминают шорох волн, набегающих на берег где-то вдали. Неожиданно.

Я благодарю ее, роняю голову на подушку, снова засыпаю. Проснувшись, смотрю на телефон. Почти одиннадцать часов.

Некоторое время лежу, уставившись на экран. Через минуту звоню Эду. На этот раз обошлось без «угадай кто».

– Невероятно, – помолчав, говорит он.

– И все же это случилось.

Он снова молчит.

– Я не говорю, что тебе все это показалось. Но... в последнее время тебя сильно пичкают лекарствами. Так что...

Собираюсь с духом, чтобы сказать:

– Так что ты тоже мне не веришь.

Вздох.

– Нет, дело не в том, что я тебе не верю. Только...

– Знаешь, как это обидно?! – ору я.

Он не отвечает. Я продолжаю:

– Я видела, как это было. Да, я была напичкана лекарствами и... да. Но это не бред. Нельзя проглотить горсть таблеток и придумать нечто в подобном роде. – Я перевожу дух. – Я не какой-то там подросток, который, наигравшись в стрелялки, устраивает пальбу в школе. Я уверена, что видела это.

Эд по-прежнему молчит. Потом спрашивает:

– Ну а чисто теоретически – ты уверена, что это был он?

– Кто «он»?

– Муж. Тот, кто... сделал это.

– Бина задала тот же вопрос. Конечно, я уверена.

– А не могла это быть та, другая женщина?

Я цепенею.

Голос Эда крепнет, как это бывает, когда он думает вслух:

– Скажем, она его любовница, как ты говоришь. Из Бостона или откуда-то еще. Начинается скора. Появляется нож. Орудие убийства, короче. Любовница наносит жене удар. Муж ни при чем.

Я размышляю. У меня эта версия вызывает сопротивление, а впрочем,

кто его знает. Однако суть не в том...

– Суть не в том, кто это сделал, – настаиваю я. – Суть в том, что это случилось, а никто мне не верит. Такая вот проблема. Думаю, и ты мне не веришь.

Молчание.

Неожиданно для себя я оказываюсь на лестнице. Поднимаюсь, вхожу в спальню Оливии.

– Не рассказывай об этом Ливви, – добавляю я.

Эд смеется.

– Не собираюсь. – Он кашляет. – Что говорит доктор Филдинг?

– Я с ним не разговаривала.

А надо бы.

– Надо поговорить.

– Непременно.

Пауза.

– А что происходит в нашем квартале?

Я вдруг понимаю, что не имею об этом представления. Такеда, Миллеры, Вассерманы за последнюю неделю не появлялись в поле моего зрения. Будто на улицу упала завеса – дома, что напротив, скрылись из глаз, исчезли. Существуют лишь мой дом, дом Расселов и сквер между ними. Интересно, что стало с подрядчиком Риты? Какую книгу выбрала миссис Грей для клуба книголюбов? У меня вошло в привычку отслеживать все действия моих соседей, регистрировать каждый их приход и уход. На карте памяти хранились целые главы из их жизни. А теперь...

– Не знаю, – признаюсь я.

– Что ж, – говорит Эд, – может быть, это и к лучшему.

После нашего разговора я снова смотрю на часы в телефоне. 11:11. Мой день рождения. И Джейн тоже.

Глава 47

Со вчерашнего дня стараюсь не заходить в кухню, и вообще на первый этаж. Но сейчас тем не менее я снова у окна, во все глаза смотрю на дом по ту сторону сквера. Плещу в бокал немного вина.

Я знаю, что именно видела. Истекающую кровью женщину. Молящую о помощи.

Мне от этого не избавиться.

Я пью.

Глава 48

Я вижу: шторы подняты.

Дом таращится на меня широко открытыми окнами, словно удивляясь, что я тоже смотрю на него. Я беру крупный план, панорамирую, фокусируюсь на гостиной.

Пусто. Ничего. Полосатое канапе. По бокам лампы, как стражи.

Я меняю положение у окна, направляю объектив на комнату Итана. Он склонился над столом, сидит перед компьютером.

Приближаю. Практически могу различить текст на экране.

Какое-то движение на улице. Глянцевый, как акула, автомобиль всплывает на подъездной дорожке Расселов, паркуется. Дверь с водительской стороны открывается, будто акула расправляет плавник, и выходит Алистер. Он в зимнем пальто.

Алистер размашисто шагает к дому.

Я фотографирую его.

Когда он подходит к двери, снимаю еще раз.

У меня нет плана. (Интересно, буду ли я теперь вообще составлять планы?) Допустим, у меня нет прямых доказательств, что его руки обагрены кровью. И Рассел не станет стучать ко мне в дверь, чтобы исповедаться.

Но мне никто не мешает наблюдать.

Он входит в дом. Я перемещаю объектив в кухню. Так и есть, он появляется там секунду спустя. Бросает ключи на столешницу, сбрасывает пальто. Выходит.

Не возвращается.

Я перемещаю камеру этажом выше, в гостиную.

И вот появляется она, грациозная и яркая, в пуловере цвета травы. «Джейн».

Я настраиваю объектив. Легким, бодрым шагом она подходит сначала к одной лампе, потом к другой, включает их. Я смотрю на ее красивые руки, длинную шею, на волну волос, упавших на щеку.

Лгунья.

Покачивая стройными бедрами, она удаляется.

Никого. Гостиная пуста. Кухня тоже. Наверху кресло Итана стоит пустое, экран компьютера погас.

Звонит телефон.

Поворачиваю голову почти на сто восемьдесят градусов, как сова, и камера падает мне на колени.

Звук раздается сзади, а телефон лежит рядом со мной.

Это проводная линия.

Но не отключенная кухонная линия, а та, что в библиотеке Эда. Я совершенно о ней позабыла.

Снова звонок, отдаленный, настойчивый.

Я не шевелюсь. Не дышу.

Кто бы это мог быть? Никто не звонил по домашнему телефону уже... не вспомнить, сколько времени. У кого вообще может быть этот номер? Я сама едва его помню.

Еще один звонок.

И еще.

Я, как поникшее растение, съеживаюсь у окна. Представляю себе одну за другой комнаты моего дома, выбирающие от этого звука.

Звонок.

Я смотрю на ту сторону сквера.

Она стоит у окна гостиной с телефоном, прижатым к уху.

Пристально смотрит на меня.

Пора удирать. Сжимая камеру в руке, отступаю к письменному столу. Сжав губы, эта женщина продолжает глядеть на меня.

Откуда она узнала номер?

Да тем же путем, что и я. С помощью справочной службы. Представляю, как она набирает номер, произносит мое имя, просит, чтобы ее соединили. Со мной. Вторгается в мой дом, в мои мысли.

Лгунья.

Я наблюдаю за ней. Не свожу с нее глаз.

Она тоже пристально смотрит на меня.

Еще один звонок.

А потом раздается голос Эда.

«Вы позвонили Анне и Эду», – говорит он низким, грубым голосом. Ну просто диктор на озвучке трейлера! Помню, как он записывал это сообщение. «У тебя голос, как у Вина Дизеля», – сказала я ему, и он рассмеялся, заговорив еще более басовито.

«Сейчас нас нет дома, оставьте сообщение, и мы перезвоним вам». Помню, как он, закончив запись и нажав на кнопку «Стоп», прибавил с жутким выговором кокни: «Когда у нас будет настроение, черт побери».

Я на миг закрываю глаза, воображая, что это он мне звонит.

Но женский голос разносится в воздухе и заполняет весь дом:

– Полагаю, вы знаете, кто я такая.

Пауза. Я открываю глаза, вижу, что она смотрит на меня, ее губы шевелятся, и по артикуляции я понимаю слова, сверлящие мне уши. Эффект жуткий.

– Прекратите фотографировать наш дом, или я вызову полицию.

Она опускает телефон, засовывает в карман. Пристально глядит на меня. Я тоже смотрю на нее.

Молчание.

Затем я выхожу из комнаты.

Глава 49

«„Герлпул“ бросила вам вызов!»

Это моя шахматная программа. Я показываю экрану палец и прижимаю к уху телефон. Слушаю сухое, как мертвый лист, приветствие доктора Филдинга по голосовой почте. Он просит меня оставить сообщение. Отчетливо произнося слова, я так и делаю.

Я в библиотеке Эда. Колени мне греет ноутбук, на ковре – пятно полуденного солнца. На столе рядом со мной стоит бокал с мерло. Бокал и бутылка.

Я не хочу пить. Хочу, чтобы голова оставалась ясной, надо думать, надо анализировать. Прошедшие полтора суток уже отступают, улетучиваются, как облако тумана. Я уже чувствую, как дом распрямляет плечи, отрещается от внешнего мира.

Но выпить надо.

«Герлпул». Какое глупое название. Girlpool – Whirlpool^[25]. Тирни. Бэколл. «Теперь лекарство у тебя в кровотоке».

Так оно и есть. Я подношу бокал к губам, чувствую, как вино омывает мне горло, как оно играет в крови.

«Наберись терпения, надейся на лучшее».

«Впусти меня!»

«У тебя все будет хорошо».

У тебя все будет хорошо. Я фыркаю.

Мое сознание, как глубокое омерзительное болото, в котором перемешались правда и вымысел. Как называются деревья, растущие на илистой почве, в топких болотах? Те, у которых корни обнажены? Ман... мандрагора?^[26] Определенно, что-то связанное с «man». С мужчиной.

Дэвид.

Бокал дрожит у меня в руке.

В суете и угаре недавних событий я забыла про Дэвида.

Он работал у Расселов. Он мог – должен был – видеть Джейн.

Я ставлю бокал на стол, поднимаюсь. Покачиваясь, иду к лестнице. Спускаюсь, вхожу в кухню. Бросаю взгляд на дом Расселов – никого не видно, никто не следит за мной – и стучу в дверь цокольного этажа, сначала тихо, потом с силой. Зову Дэвида.

Ответа нет. Может быть, он спит? Но сейчас середина дня.

В голову приходит шальная мысль.

Это нехорошо, знаю, но это мой дом. И дело срочное. Очень срочное.

Я подхожу к столу в гостиной, выдвигаю ящик и вижу, как на дне щерится зазубринами что-то тускло-серебристое. Он там – ключ.

Возвращаюсь к двери цокольного этажа. Стучу еще раз – тишина. Вставляю ключ в замок. Поворачиваю.

Открываю дверь.

Дверь скрипит. Я вздрагиваю.

Но все тихо, и я заглядываю вниз. Потом, бесшумно ступая в домашних тапках и скользя ладонью по шероховатой штукатурке стены, спускаюсь в темноту.

Жалюзи опущены – здесь, внизу, ночь. Нащупываю на стене выключатель, нажимаю. Комната ярко освещается.

Последний раз я была здесь два месяца назад, когда Дэвид пришел осматривать помещение. Он внимательно все оглядел темными, лакричными глазами – жилую зону с чертежным столом Эда и узкой нишей для кровати, кухоньку, отделанную хромом и древесиной грецкого ореха, ванную – и кивнул.

Он почти ничего здесь не изменил. Диван Эда стоит на прежнем месте, чертежный стол тоже, хотя теперь доска опущена. На столе тарелка, на ней пластиковая вилка и нож – крест-накрест, наподобие герба. У дальней стены, рядом с входной дверью, составлены коробки с инструментами. На самой верхней я замечаю лезвие, сверкнувшее из-под пленки, – одолженный у меня резак для картона. Рядом книга с надорванным корешком. «Сиддхартха».

На противоположной стене висит фотография в узкой черной рамке. Мы с Оливией в обнимку на нашем крыльце. Ей пять лет. Обе улыбаемся, у Оливии щербатый рот.

Я позабыла об этой фотографии. Немного щемит сердце. Интересно, почему она до сих пор здесь находится?

Подбегаю к нише.

– Дэвид? – тихо зову я, хотя уверена, что его там нет.

Простыни сбились в изножье матраса. В подушках глубокие вмятины, словно их вырезали ножницами. Я провожу инвентаризацию: поверх наволочки рассыпаны кольца лапши быстрого приготовления, сморщеный засаленный презерватив засунут за столбик кровати, за ее каркасом у стены валяется баночка с аспирином. На верхней простыне разводы от высохшего пота или спермы. В изножье кровати лежит тонкий ноутбук. На торшере висит лента с пакетиками презервативов.

Я заглядываю в ванную. Раковина усеяна волосками щетины, зияет жерло унитаза без крышки. В душевой кабине в компании обмылка прозябает длинная бутылка шампуня из сетевого магазина.

Возвращаюсь в комнату. Провожу рукой по чертежному столу.

Какая-то мысль свербит у меня в мозгу.

Пытаюсь ухватить ее, но теряю.

Вновь оглядываю комнату. Ни фотоальбомов – впрочем, в наше время никто их не держит, хотя, помню, Джейн приносила альбом, – ни слипкейсов с дисками, ни дивиди-плеера – хотя, наверное, это тоже ископаемые. «Разве не удивительно, что, судя по Интернету, некоторых людей не существует?» – сказала недавно Бина. Отсутствует все, что может раскрыть человека, – памятные вещи, диски с любимой музыкой. Впрочем, скорее, все это невидимо плавает в эфире вокруг меня – файлы и символы, единицы и нули. Просто ничего не оставлено для обозрения в реальном мире, ни единого знака или ключа к разгадке. «Разве не удивительно?...»

Я вновь бросаю взгляд на фотографию в черной рамке. Размышляю о своем шкафе в гостиной, забитом слипкейсами с дивиди. Я – пережиток прошлого. Я отстала от жизни.

Поворачиваюсь, чтобы выйти.

И в этот момент слышу за спиной звук. Скрип двери, ведущей на улицу. Снова поворачиваюсь.

Смотрю, как она открывается и в проеме возникает Дэвид, таращась на меня во все глаза.

Глава 50

– Какого хрена вы здесь делаете?

Я вздрагиваю. Никогда не слышала, как он ругается. Да и говорит-то он крайне редко.

– Какого хрена вам надо?

Попятившись, открываю рот:

– Просто...

– Почему вы решили, что можете вот так ворваться сюда?

Я делаю еще шаг назад, спотыкаюсь.

– Мне очень жаль...

Он надвигается на меня, дверь у него за спиной широко распахнута. У меня круги перед глазами.

– Простите меня. – Я глубоко дышу. – Я кое-что искала.

– Что?

Снова глубокий вдох.

– Искала вас.

Он поднимает руки, потом роняет их, позывикают зажатые в пальцах ключи.

– Вот он я. – Качает головой. – Зачем?

– Потому что...

– Могли бы мне позвонить.

– Я не думала...

– Нет, вы подумали, что просто спуститесь.

Я киваю раз, другой, потом замираю. Это едва ли не самый длинный разговор между нами.

– Вы не могли бы закрыть дверь? – прошу я.

Он таращит глаза, поворачивается и толкает дверь. Она со скрипом захлопывается.

Дэвид глядит на меня уже не так сурово. Но голос по-прежнему жесткий:

– Что вам нужно?

У меня кружится голова.

– Можно я сяду?

Он не шевелится.

Я плыву к дивану, плюхаюсь на него. С минуту Дэвид стоит неподвижно, как статуя. Встряхивает ключи на ладони, сует их в карман,

затем стаскивает куртку, швыряет на кровать. Я слышу, как куртка приземляется туда, а потом соскальзывает на пол.

– Это неприлично.

Я киваю:

– Да, понимаю.

– Вам бы не понравилось, если бы я без приглашения ворвался в ваше жилище.

– Да, конечно.

– Вас бы это взбесило.

– Да.

– Что, если бы я был не один?

– Я постучалась.

– Разве это что-то меняет?

Я молчу.

Он смотрит на меня еще несколько мгновений, потом идет в кухню, по пути скидывая ботинки. Дергает дверь холодильника, хватает с полки «Роллинг рок». Открывает бутылку о край столешницы, крышка отскакивает, падает на пол и закатывается за радиатор.

Будь я помоложе, это произвело бы на меня впечатление.

Он прижимает горлышко бутылки к губам, отхлебывает, потом медленно подходит ко мне. Наклоняется своим длинным телом к чертежному столу, снова пьет.

– Ну что? – произносит он. – Я здесь.

Кивнув, я поднимаю на него глаза.

– Вы видели женщину, живущую на той стороне сквера?

Он морщит лоб.

– Какую?

– Джейн Рассел. С той стороны сквера. Номер...

– Нет.

Категорично.

– Но ведь вы там работали.

– Угу.

– Значит...

– Я работал у мистера Рассела. Его жены не видел. Я не знал даже, что у него есть жена.

– Но у него же есть сын.

– У холостых парней тоже бывают дети. – Он делает большой глоток пива. – Но я не думал на эту тему. Это и был ваш вопрос?

Я киваю. Ощущаю себя такой беспомощной. Рассматриваю свои руки.

– За этим вы и спустились?

Я снова киваю.

– Что ж, вы получили ответ на свой вопрос.

Я продолжаю сидеть.

– Как бы то ни было, зачем вам это знать?

Я поднимаю на него взгляд. Он все равно мне не поверит.

– Так просто, – говорю я.

Опираюсь кулаком о подлокотник, пытаюсь встать.

Он предлагает мне руку. Я принимаю его жесткую ладонь, и он быстро и плавно поднимает меня на ноги. Вижу, как на его руке перекатываются мышцы.

– Мне правда жаль, что я зашла сюда, – бормочу я.

Он кивает.

– Этого не повторится.

Кивает.

Я иду к лестнице, чувствуя спиной его взгляд.

Поднявшись на три ступени, я кое-что вспоминаю.

– Вы не... слышали криков в тот день, когда работали у Расселов? – повернувшись и прижавшись плечом к стене, интересуюсь я.

– Вы уже спрашивали об этом. Помните? Никаких криков я не слышал.

Я слушал Спрингстינה.

Разве? У меня такое ощущение, будто я понемногу схожу с ума.

Глава 51

Я захожу в кухню, за спиной щелкает дверь цокольного этажа, и в этот момент звонит доктор Филдинг.

– Я получил голосовое сообщение, – говорит он. – Похоже, вы были чем-то взъярены.

Я приоткрываю рот. Я уже заранее подготовилась рассказать ему всю историю, облегчить душу, но какой в этом смысл? Это Филдинг вечно озабочен, это он мудрит с моими препаратами, так что...

– Ничего особенного, – бормочу я.

Он молчит.

– Ничего?

– Да. Только у меня возник вопрос по поводу... – Я слегкаываю. – Перехода на дженерики.

Опять молчание.

Я гну свою линию.

– Я подумала, а нельзя ли некоторые лекарства заменить дженериками? Наркотики.

– Препараты, – автоматически поправляет он меня.

– Да, я имею в виду препараты.

– Пожалуй, да.

Он говорит не слишком уверенно.

– Это было бы здорово. А то получается слишком дорого для меня.

– В этом и была проблема?

– Нет-нет. Но я не хочу, чтобы это стало проблемой.

– Понимаю.

Однако он не понимает.

Молчание. Я открываю шкаф около холодильника.

– Ну тогда, – продолжает доктор, – давайте обсудим это во вторник.

– Хорошо, – говорю я, выбирая бутылку мерло.

– Полагаю, это может подождать?

– Да, безусловно.

Я отвинчиваю крышку от бутылки.

– Вы уверены, что хорошо себя чувствуете?

– Абсолютно.

Я достаю из раковины бокал.

– С алкоголем не смешиваете?

– Нет.

Наливаю.

– Хорошо. Ну, тогда до свидания.

– До свидания.

Линия замолкает, и я отпиваю глоток.

Глава 52

Я поднимаюсь наверх. В библиотеке Эда обнаруживаю, что оставленные мной двадцать минут назад бокал и бутылка до краев наполнены солнцем. Я забираю их, несу все в свой кабинет.

Сажусь за письменный стол. И размышляю.

На экране передо мной шахматная доска, фигуры уже расставлены, черные и белые армии готовы к битве. Вот белая королева. Вспоминаю, как я угрожала королеве Джейн. Джейн в белоснежной блузке, пропитанной кровью.

Джейн. Белая королева.

Компьютер чирикает.

Я смотрю в сторону дома Расселов. Никаких признаков жизни.

БабуляЛиззи: Здравствуйте, доктор Анна.

Я вздрагиваю, уставившись на экран.

На чем мы с ней остановились? Когда остановились? Я прокручиваю вверх окно чата. «БабуляЛиззи покинула чат в 16:46» в четверг 4 ноября.

Верно, в тот момент, когда мы с Эдом сообщили Оливии новость. Помню, как колотилось мое сердце.

А шесть часов спустя я набрала 911.

И с того момента... началось путешествие вовне. Ночь в больнице. Беседа с Литлом, с докторшей. Инъекция. Поездка на машине по Гарлему, бьющее в глаза солнце. Толкотня в доме. Панч, свернувшийся у меня на коленях. Норелли, расхаживающая вокруг меня. Алистер, явившийся в мой дом. Итан.

Та женщина, которая пришла с ними.

И Бина, и наши поиски в Интернете, и ее тихое ночное похрапывание. А сегодня: недоверчивый Эд, телефонный звонок «Джейн», квартира Дэвида, его гнев, каркающий голос доктора Филдинга у меня в ушах.

Неужели прошло всего два дня?

ВрачПришел: Здравствуйте! Как поживаете?

Пусть она в четверг резко оборвала общение со мной, но я не буду злопамятной.

БабуляЛиззи: Хорошо, но, самое главное, хочу извиниться за то, что в прошлый раз наш разговор так внезапно закончился.

Отлично.

ВрачПришел: Все в порядке! У нас у всех есть дела!

БабуляЛиззи: Дело не в этом, ПОВЕРЬТЕ. Мой Интернет загнулся! Интернет упокоился с миром!

БабуляЛиззи: Это происходит каждые два месяца, и на этот раз случилось в четверг, а в компании никого не нашлось до выходных.

БабуляЛиззи: О, мне ТАК жаль, трудно вообразить, что вы могли подумать обо мне.

Я подношу бокал к губам, пью. Ставлю на стол и прихлебываю из другого бокала. Я предположила тогда, что Лиззи не захотела слушать мою печальную историю. Я недоверчива.

ВрачПришел: Не извиняйтесь, пожалуйста! Такие вещи случаются!

БабуляЛиззи: Вы меня прощаете?

ВрачПришел: Прощать нечего! Надеюсь, у вас все хорошо.

БабуляЛиззи: Да, хорошо. Ко мне приехали сыновья.

ВрачПришел: Правда? Как вам повезло!

БабуляЛиззи: Чудесно, что они здесь.

ВрачПришел: Как зовут ваших сыновей?

БабуляЛиззи: Боу и Уильям.

ВрачПришел: Отличные имена.

БабуляЛиззи: Отличные ребята. Они всегда оказывали нам огромную поддержку. Особенно когда болел Ричард. Мы правильно их воспитали!

ВрачПришел: Похоже на то!

БабуляЛиззи: Уильям каждый день звонил мне из Флориды. Он всегда говорит важным голосом: «ЭЙ, ТАМ, ПРИВЕТ», и я улыбаюсь. Каждый раз это меня трогает.

Я тоже улыбаюсь.

ВрачПришел: Мои родные всегда начинают разговор так:

«Угадай кто».

БабуляЛиззи: О, мне нравится!

Я думаю о Ливви и Эде, мысленно слышу их голоса. Ком в горле. Глотаю немного вина.

ВрачПришел: Как хорошо, что сыновья сейчас с вами.

БабуляЛиззи: Анна, это ТАК хорошо! Они снова заняли свои спальни, и мне кажется, вернулись старые добрые времена.

Впервые за несколько дней чувствую себя умиротворенной. И даже полезной. Как будто вернулась на Восточную Восемьдесят восьмую в свой офис и работаю с пациентом. «Только наладить контакт».

Возможно, общение с Лиззи нужно мне больше, чем ей.

И вот, в то время как за окнами меркнет свет и на потолке блекнут тени, я виртуально беседую с одинокой старушкой, живущей за тысячи миль от меня. Лиззи пишет, что любит готовить. «Мальчики» обожают ее коронное блюдо – «знаменитое» тушеное мясо («ну, не такое уж и знаменитое»), а еще она каждый год печет для пожарной части брауни со сливочным сыром. Когда-то у Лиззи была кошка – тут я рассказываю ей про Панча, – а теперь у нее есть коричневая крольчиха по кличке Петуния. Хотя Лиззи и не фанат кино, она любит кулинарные шоу и «Игру престолов». Последнее меня удивляет.

И конечно, она говорит про Ричарда. «Нам всем очень его недостает». Он был учителем, методистским дьяконом, любителем поездов («с большой коллекцией моделей в нашем подвале»), любящим родителем и хорошим человеком.

«Хороший человек и хороший отец». Неожиданно я вспоминаю об Алистере. Я вздрагиваю и снова припадаю к бокалу с вином.

БабуляЛиззи: Надеюсь, я вас не утомила.

ВрачПришел: Вовсе нет.

Я узнаю, что Ричард был не только милым, но и ответственным. Он брал на себя работу по дому: следил за домашним оборудованием и электроникой, ухаживал за садом, занимался счетами... «Уильям купил мне телевизор „Эплл“, а я не умею с ним управляться, – жалуется Лиззи. – Когда мужа не стало, я почувствовала себя раздавленной, – объясняет вдова, – вконец одряхлевшей».

Я барабаню пальцем по мыши. Это не совсем синдром Котара, но я могу быстро устраниТЬ некоторые неполадки. «Давайте попробуем разрешить ваши затруднения», – говорю я. И сразу же кровь начинает бежать быстрее, как это бывает, когда я обсуждаю с пациентом его проблему.

Я достаю из ящика карандаш, записываю несколько слов на стикере «Пост-ит». В офисе я пользовалась блокнотом «Молескин» и авторучкой. Никакой разницы.

Текущий ремонт: «Узнайте, есть ли поблизости „мастер на все руки“, который мог бы приходить каждую неделю». Сможет ли она это сделать?

БабуляЛиззи: Есть Мартин, который работает в моей церкви.

ВрачПришел: Отлично!

Электроника: «Большинство молодых людей хорошо разбираются в компьютерах и телевизорах». Не уверена, что Лиззи знает многих тинейджеров, но...

БабуляЛиззи: У Робертов с моей улицы есть сын, а у него есть айпад.

ВрачПришел: Этот парень вам и нужен!

Счета: похоже, для нее это особенно трудно. Платить онлайн сложно, слишком много имен пользователей и паролей. Ей следует выбрать совместимые и легко запоминающиеся логины, и я предлагаю: ее имя, или имя ребенка, или дату рождения любимого человека, но с заменой некоторых букв на цифры и символы. Например, У1ЛЛ1@M.

Пауза.

БабуляЛиззи: Мое имя будет Л122И.

Я снова улыбаюсь.

ВрачПришел: Хитроумный код!

БабуляЛиззи: Ну Очень Смешно.

БабуляЛиззи: В новостях говорили про каких-то хакеров. Мне следует этого опасаться?

ВрачПришел: Вряд ли кто-то будет взламывать ваш код!

Во всяком случае, надеюсь, что никому не придет в голову вредить семидесятилетней старушке из Монтаны.

И наконец, наружные работы. Зимы действительно холодные, замечает Лиззи, и ей понадобится кто-то для уборки снега с крыши, посыпки дорожек солью, удаления сосулек с водосточных желобов... «Даже если я смогу выходить на улицу, перед зимой бывает прорва работы».

ВрачПришел: Ну, будем надеяться, что к тому времени вы вернетесь в мир. В противном случае вам, наверное, поможет Мартин из церкви. Или соседские ребята. Даже ваши ученики. Не стоит недооценивать силу десяти долларов в час!

БабуляЛиззи: Да. Хорошие идеи.

БабуляЛиззи: Большое спасибо, доктор Анна. Чувствую себя намного лучше.

Проблема решена. Пациент получил помощь. Я сияю. Прихлебываю вино.

А потом возвращаюсь к тушенному мясу, и кроликам, и Уильяму с Боу.

Свет в гостиной Расселов. Я выглядываю из-за края монитора и вижу, как в комнату входит та женщина. Оказывается, я не думала о ней больше часа. Сессия с Лиззи – благо для меня.

БабуляЛиззи: Уильям вернулся из магазина. По моей просьбе купил донатсы!

БабуляЛиззи: Пойду отвлеку его, а то ведь он все съест.

ВрачПришел: Уж вы постарайтесь!

БабуляЛиззи: Вам удалось выйти на улицу, кстати?

Я растопыриваю пальцы, машу ими над клавиатурой. Да, мне удалось выйти на улицу. По сути дела, дважды.

ВрачПришел: Боюсь, неудачно.

Не стоит распространяться на эту тему.

БабуляЛиззи: Вскоре вы сможете сделать это, ИМХО^[27].

ВрачПришел: Мы обе сможем!

ИМХО. Ишь ты, быстро она осваивает компьютерный сленг.

Лиззи выходит из чата, и я осушаю бокал. Ставлю его на письменный стол.

Отталкиваясь ногой от пола, я заставляю кресло медленно вращаться. Стены кружатся перед глазами.

«Клянусь делать все возможное для исцеления и поддержания здоровья...» Сегодня это получилось.

Закрываю глаза. Я помогла Лиззи подготовиться к дальнейшей жизни, помогла сделать ее более полной. Облегчила ее трудности.

«Клянусь... ставить интересы других людей выше собственных». Что ж, все так – но я тоже извлекла из этого пользу. Почти полтора часа Расселы не занимали мои мысли. Алистер, та женщина и даже Итан.

Даже Джейн.

Кресло останавливается. Открыв глаза, я смотрю через дверной проем в холл, в библиотеку Эда.

И думаю о том, что я не успела рассказать Лиззи и чего ей рассказывать не надо.

Глава 53

Оливия отказалась вернуться в номер, поэтому Эд остался с ней, а я пошла паковать вещи. Мое сердце билось как сумасшедшее. Потом я потащилась обратно в фойе, где в камине еле теплился огонь, и Мэри провела мою кредитную карту через считающее устройство. Она пожелала «народу» приятного вечера, широко улыбаясь и выкатив глаза. Это выглядело нелепо.

Оливия потянулась ко мне. Я взглянула на Эда, он взял сумки, перебросив одну через плечо. Потом я стиснула маленькую горячую руку дочери, и мы вышли из отеля.

Наша машина стояла в дальнем конце парковки. По пути нас с головы до ног облепили снежные хлопья. Эд открыл багажник, запихал туда вещи, а я в это время сметала снег с лобового стекла. Оливия вскарабкалась на заднее сиденье, захлопнув за собой дверь.

Мы с Эдом стояли по разные стороны от машины, а снег все падал, и белая пелена разделяла нас.

Я увидела, что у Эда шевелятся губы.

– Что? – спросила я.

Он снова заговорил, громче:

– Ты поведешь.

Я села за руль.

Мы выехали с парковки, шины скрипели на морозе, в окна бились хлопья снега. Вскоре я вырулила на шоссе, в ночь, в белую мглу.

Кругом было тихо, только шумел двигатель. Сидевший рядом со мной Эд уставился перед собой. Я посмотрела в зеркало заднего вида. Оливия сползла на сиденье, склонив голову к плечу, – глаза ее были полузакрыты, она дремала.

Поворот на спуске. Я крепче ухватилась за руль.

И вдруг рядом с нами открылась бездна, эта необъятная пустота, выдолбленная в земле. Под луной деревья светились, как привидения. Таинственные серебристые хлопья снега падали в ущелье, вниз, вниз, и навсегда пропадали, как моряки, тонущие на глубине.

Я сняла ногу с педали газа.

В зеркале я видела, как Оливия всматривается в окно. Щеки ее блестели, она снова плакала в одиночестве.

У меня защемило сердце.
И тут загудел мой телефон.

За две недели до этого меня с Эдом пригласили на вечеринку Лорды, соседи с той стороны сквера. Гостям предлагали праздничные коктейли в красивых бокалах, дом был украшен веточками омелы. Пришли Такеда и Греи. Вассерманы, по словам хозяина, отклонили приглашение. Ненадолго появился один из взрослых сыновей Лордов с девушкой. Набежали коллеги Берта из банка – целый легион. Дом превратился в район боевых действий, в минное поле; на каждом шагу вас норовили подстрелить воздушным поцелуем; ничего не стоило нарваться на убийственно фамильярное похлопывание по плечу; раскаты смеха звучали вокруг, подобно канонаде.

В середине вечера, когда я допивала четвертый бокал, ко мне подошла Джози Лорд.

– Анна!

– Джози!

Мы обнялись. Она похлопала меня по спине.

– Посмотрите только на ее платье, – сказала я.

– Нравится?

– Да.

– Посмотрите на нее в этих слаксах!

Я указала на свои слаксы:

– Посмотрите на меня.

– Мне пришлось только что снять шаль – Берт пролил... о-о, спасибо, Анна, – сказала она, когда я сняла с ее перчатки волосок. – Пролил вино мне на плечо.

– Гадкий Берт! – резюмировала я, потягивая вино.

– Я сказала ему, что у него будут неприятности. Уже во второй раз... о-о, спасибо, Анна, – молвила она, когда я сняла с ее платья нитку. Эд называл меня практической пьяницей. – Уже во второй раз он проделывает это с моей шалью.

– Той же самой?

– Нет-нет.

У нее были закругленные, не совсем белые зубы. Это напомнило мне о тюлене Уэдделла, о котором я недавно узнала из программы о природе. Оказывается, он своими клыками проделывает дырки в ледяных полях Антарктики. «Его зубы, – говорил ведущий, – быстро изнашиваются». В подтверждение показали тюленя, вонзающего зубы в снег. «Тюлени Уэдделла умирают молодыми», – скорбно произнес ведущий.

– Скажи, кто это весь вечер называет тебе? – спросил стоящий передо мной тюлень Уэдделла.

Я замерла. Пока шла вечеринка, мой телефон то и дело вибрировал в кармане моих слаксов. Я доставала его, опускала глаза на экран и набирала ответ. Мне казалось, я делаю это незаметно.

– Это по работе, – объяснила я.

– Но что может в такое время понадобиться ребенку? – удивилась Джози.

Я улыбнулась:

– Это конфиденциально, пойми.

– Ну конечно, конечно. Ты настоящий профессионал, дорогая.

Даже среди шума и хохота, легко перебрасываясь бессмысленными вопросами и ответами, бубня слова рождественских гимнов и ощущая, как у меня по жилам разливается вино, я могла думать лишь о нем.

Телефон загудел снова.

Мои руки на миг оторвались от руля. Телефон лежал в углублении между передними сиденьями и постукивал о пластик.

Я покосилась на Эда. Он следил за телефоном.

Еще гудок. Я заглянула в зеркало. Оливия упорно смотрела в окно.

Мы ехали дальше в тишине.

Опять гудок.

– Угадай кто, – сказал Эд.

Я не ответила.

– Держу пари, это он.

Я не стала спорить.

Эд взял телефон, уставился на экран. Вздохнул.

Спуск. Поворот.

– Хочешь ответить?

Я не могла смотреть на него. Не отрываясь, я глядела на дорогу. Покачала головой.

– Тогда отвечу я.

– Нет!

Я потянулась за телефоном. Эд схватил его.

Телефон продолжал гудеть.

– Хочу ответить, – упорствовал Эд. – Хочу кое-что ему сказать.

– Нет!

Я вышибла мобильный из руки Эда. Он с лязгом упал к моим ногам.

– Перестаньте! – прокричала Оливия.

Я опустила глаза, увидела дрожащий на полу экран, увидела его имя.

– Анна, – выдохнул Эд.

Я подняла взгляд. Дорога исчезла.

Мы взмыли над краем пропасти. Мы уплывали во мрак.

Глава 54

Стук в дверь.

Видимо, я отключилась. Одурманенная, сажусь в постели. В комнате темно, за окнами поздний вечер.

Снова стук. Внизу. Это не входная дверь, а дверь цокольного этажа.

Подхожу к лестнице. Дэвид, чтобы зайти ко мне, почти всегда пользуется входной дверью. Наверное, к нему кто-то пришел.

Но, включив свет в кухне и открыв дверь цокольного этажа, я вижу самого Дэвида, который со ступеней лестницы смотрит на меня снизу вверх.

– Я подумал, может быть, теперь мне пора научиться входить через эту дверь, – говорит он.

Я молчу, потом догадываюсь, что он пытается пошутить.

– Справедливо.

Я отступаю в сторону, и он проходит мимо меня в кухню.

Закрываю дверь. Мы разглядываем друг друга. Мне кажется, я знаю, зачем он здесь. Думаю, он хочет рассказать мне про Джейн.

– Я хотел... Хочу извиниться, – начинает он.

Я цепенею.

– За недавнее, – говорит он.

Я дергаю головой, волосы свободно рассыпаются по плечам.

– Это я должна извиниться.

– Вы уже извинились.

– Рада извиниться еще раз.

– Нет, этого не надо. Хочу извиниться за то, что кричал. – Он кивает. – И за то, что оставил дверь открытой. Знаю, это вас раздражает.

Преуменьшение, но пусть хотя бы так.

– Все в порядке.

Я хочу услышать о Джейн. Могу я спросить его снова?

– Просто я... – Он поглаживает кухонный остров, опирается на него. – Я привык охранять свою территорию. Наверное, надо было предупредить вас об этом, но...

Фраза на этом заканчивается. Он покачивает ногой.

– Но?.. – спрашиваю я.

Он поднимает на меня глаза из-под темных бровей. Бесцеремонно спрашивает:

– У вас есть пиво?

– Есть вино. – Я думаю о двух бутылках на столе наверху и о двух бокалах. Вероятно, следует их осушить. – Открыть?

– Конечно.

Я прохожу мимо Дэвида к шкафу, по пути ощущаю аромат крема для бритья «Айвори». Достаю бутылку.

– Мерло подойдет?

– Я даже не знаю, что это такое.

– Хорошее красное.

– Звучит заманчиво.

Так, что у нас за другой дверцей шкафа? Пусто. Иду к посудомоечной машине. У меня в руке звенит пара бокалов. Ставлю их на остров, открываю бутылку и наливаю вино.

Дэвид пододвигает к себе бокал, берет его и наклоняет в мою сторону.

– Чи-из, – говорю я и делаю глоток.

– Дело в том, – произносит Дэвид, перекатывая бокал в пальцах, – что недавно я отмотал срок.

Я киваю, потом ловлю себя на том, что выпучила глаза. По-моему, я не слышала, чтобы кто-нибудь употреблял это выражение. По крайней мере, в кино.

– В тюрьме? – слышу свой глупый вопрос.

Он улыбается:

– В тюрьме.

Я вновь киваю.

– Что вы... за что вас посадили?

Он невозмутимо смотрит на меня:

– Нападение. – Затем уточняет: – На мужчину.

Я таращаюсь на него.

– Вы нервничаете, – замечает он.

– Нет.

В воздухе повисает ложь.

– Просто я удивлена, – говорю я ему.

– Нужно было сказать. – Он почесывает подбородок. – Я имею в виду, перед тем как переехать. Если хотите, чтобы я съехал, я пойму.

Не знаю, говорит ли он всерьез. Хочу ли я, чтобы он съехал?

– Что... произошло? – спрашиваю я.

Он легко вздыхает.

– Драка в баре. Ничего особенного. – Пожимает плечами. – Не считая того, что у меня уже был привод в полицию. То же самое. Два удара.

- Я думала, было три.
 - Зависит от человека.
 - Мм, – мычу я, решив не задавать больше вопросов.
 - А мой государственный защитник был пьян.
 - Мм, – повторяю я.
 - Так что я отсидел год и два месяца.
 - Где это было?
 - Вы про драку или про тюрьму?
 - Про то и другое.
 - То и другое было в Массачусетсе.
 - А-а.
 - Хотите знать, типа, подробности?
- Хочу.
- О нет.
 - Это была просто глупая потасовка. Пьяные разборки.
 - Понимаю.
 - Но именно в тюрьме я научился… ну, вы знаете. Оберегать свое… пространство.
 - Понимаю.
- Мы оба стоим с опущенными глазами, как два тинейджера на танцах.
- Я переминаюсь с ноги на ногу.
- Когда вы были… когда мотали срок?
 - «Там, где это уместно, пользуйтесь лексикой пациента».
 - Вышел в апреле. Остался на лето в Бостоне, потом перебрался сюда.
 - Понятно.
 - Вы все время это повторяете, – дружелюбно произносит он.
- Я улыбаюсь.
- Что ж. – Откашиваюсь. – Я вторглась в ваше пространство, а не надо было. Разумеется, можете остаться.
 - Я действительно так считаю? Думаю, да.
 - Он пьет вино.
 - Просто я хотел, чтобы вы знали. К тому же, – добавляет он, наклонив бокал в мою сторону, – это пойло очень приличное.
- Знаете, я не забыл про потолок.
- Мы сидим на диване, прикончив по три бокала. Ну, Дэвид – три, я – четыре, так что всего семь, но кому это нужно – считать, сколько мы выпили. Однако я не сразу понимаю, о чем он.
- Какой потолок?

Он указывает наверх.

– Крыша.

– Верно. – Я поднимаю глаза к потолку, словно могу рассмотреть крышу сквозь конструкцию дома. – О, верно. Почему вы об этом вспомнили?

– Просто вы говорили, что, когда сможете выходить на улицу, подниметесь туда. Проверить, что и как.

Разве?

– Это еще не скоро случится, – твердо говорю я. – Я не в состоянии даже выйти в сад.

Легкая ухмылка, наклон головы.

– Значит, когда-нибудь. – Он ставит бокал на кофейный столик, поднимается. – Где у вас ванная комната?

Я поворачиваюсь.

– Там.

– Спасибо.

Он бесшумными шагами направляется в красную комнату.

Я откидываюсь на спинку дивана. Покачиваю головой из стороны в сторону, и диванная подушка шепчет мне на ухо: «Я видела, как зарезали мою соседку. А ту женщину я никогда не видела. Ту женщину никто не видел. Пожалуйста, поверьте мне».

Слышу, как в унитаз бьет струя мочи. Эд тоже мочился так сильно, что слышно было даже через закрытую дверь, словно он просверливал в фаянсе дыру.

Смыв воды в унитазе. Шипение крана.

«В ее доме кто-то живет. Женщина, которая притворяется ею».

Дверь ванной открывается, закрывается.

«Сын и муж лгут. Они все лгут». Я глубоко утопаю в подушках.

Я смотрю на потолок, на светильники, напоминающие ямочки на щеках. Зажмуриваюсь.

«Помогите найти ее».

Скрип. Дверная петля. Должно быть, Дэвид пошел к себе вниз. Я наклоняюсь в сторону.

«Помогите найти ее».

Но когда я в следующий момент открываю глаза, вижу, что он вернулся и плюхнулся на диван. Выпрямившись, я улыбаюсь. Он улыбается в ответ, смотрит мимо меня.

– Милый ребенок.

Я разворачиваюсь. Оливия широко улыбается с фотографии в

серебряной рамке.

– Вы ее видели на снимке, который висит у вас внизу, – напоминаю я. – На стене.

– Угу.

– Почему не убрали?

Он пожимает плечами:

– Не знаю. Нечем было заменить. – Допивает бокал. – Ну ладно, и где она сейчас?

– С отцом.

Я делаю глоток.

Пауза.

– Скучаете по ней?

– Да.

– А по нему?

– По сути дела, да.

– Часто с ними общаетесь?

– Постоянно. Вот только вчера разговаривали.

– Когда вы с ними увидитесь?

– Наверное, не теперь. Но надеюсь, скоро. – Не хочу говорить об этом, вспоминать о них. Сейчас меня интересует женщина с той стороны сквера. – Посмотрим потолок? – предлагаю я.

Ступени ведут наверх, в темноту. Я иду впереди, Дэвид за мной.

Когда мы минуем кабинет, что-то задевает меня за ногу. Панч крадется вниз.

– Это был кот? – спрашивает Дэвид.

– Это был кот, – отвечаю я.

Мы проходим мимо спален – обе темные – и оказываемся на самой верхней площадке. Я шарю рукой по стене, нахожу выключатель. Вспыхивает яркий свет, и я вижу, что Дэвид смотрит на меня.

– Кажется, хуже не стало, – говорю я, указывая на пятно над головой, расползшееся по двери люка. Оно похоже на синяк.

– Да, – соглашается он. – Но и лучше не станет. Займусь этим на неделе.

Молчание.

– Вы очень заняты? Ищете работу?

Ответа нет.

Интересно, можно ли рассказать ему про Джейн? Что он скажет?

Но прежде чем я решаюсь на это, он целует меня.

Глава 55

Мы на полу площадки, я чувствую кожей грубый ротанг. Потом Дэвид поднимает меня и несет в комнату, к ближайшей кровати.

Он прижимается губами к моим губам, его щетина царапает мне щеки и подбородок. Одной рукой он сильно теребит мне волосы, другой тянет за кушак халата. Когда халат распахивается, я втягиваю живот, но Дэвид только крепче меня целует – в шею, плечи.

Порвалась ткань с игрой огня,
Разбилось зеркало, звеня.
«Беда! Проклятье ждет меня!» —
Воскликнула Шалот^[28].

Почему Теннисон? Почему сейчас?
Я так давно не ощущала этого. Так давно.
Я хочу снова это почувствовать. Я так устала от призраков.

Потом в темноте я гладжу его по груди, животу, по дорожке волос, которая тянется от пупка вниз.

Он дышит ровно. И я уплываю в сон. В полудреме мне видятся закаты, Джейн. В какой-то момент я слышу мягкие шаги на площадке и, к своему удивлению, хочу, чтобы он вернулся в постель.

**Воскресенье,
7 ноября**

Глава 56

Просыпаюсь с тяжелой головой. Дэвида рядом нет. Его подушка прохладная. Я прижимаю к ней лицо – пахнет потом.

Я перекатываюсь на свою сторону, подальше от окна, от света.

Что произошло, черт побери?

Мы пили – разумеется, пили. Я зажмуриваюсь. А потом мы поднялись на верхний этаж. Стояли под дверью люка. После чего оказались в постели. Или нет – сначала мы рухнули на площадку. Затем была постель.

Кровать Оливии.

Широко открываю глаза.

Я в кровати дочери, ее одеяло прикрывает мое обнаженное тело, на ее подушке высох пот мужчины, с которым я едва знакома. Господи, Ливви, прости меня.

Бросаю косой взгляд на дверь, в сумрак прихожей, потом сажусь, прижимая к груди простыню – простыню Оливии с набивным рисунком в виде маленьких пони. Ее любимых. Она отказывалась спать на других простынях.

Я поворачиваюсь к окну. Снаружи ноябрьская серость и сырость, капает с листьев, с карниза крыши.

А что у нас там, на другой стороне сквера? Отсюда я могу заглянуть прямо в спальню Итана. Его там нет.

Я дрожу.

Мой халат распластан на полу, похожий на след от заноса автомобиля. Вылезаю из постели, поднимаю халат – почему у меня дрожат руки? – и заворачиваюсь в него. Одна моя тапка забыта под кроватью, другую я нахожу на лестничной площадке.

На лестнице я перевожу дух. Воздух спертый. Дэвид прав – надо проветрить дом. Надо, но не буду.

Спускаюсь. На следующей площадке смотрю в одну сторону, потом в другую, как будто собираюсь переходить улицу. В спальнях тихо, простыни по-прежнему смяты после моей ночи с Биной. «Моя ночь с Биной» – звучит двусмысленно.

Я старомодна.

Один пролет вниз, и я заглядываю в библиотеку, в кабинет. А за мной подглядывает дом Расселов. У меня такое ощущение, словно он следит за мной, пока я хожу по своему дому.

Сначала я слышу его, потом вижу.

Он стоит в кухне, пьет воду из стакана. Здесь царство теней и стекла, такое же сумрачное, как и мир за окном.

Я рассматриваю его перекатывающийся кадык. Волосы на затылке неряшливые, из-под складки рубашки выглядывает стройное бедро. На миг я закрываю глаза и вспоминаю, как прикасалась к этому бедру, как целовала это горло.

Вновь открываю глаза – он смотрит на меня темными глазами, которые кажутся еще больше в тусклом свете.

– Подходящий повод, да? – говорит он.

Я чувствую, что краснею.

– Надеюсь, я тебя не разбудил. – Он поднимает стакан. – Просто захотел пить. Через минуту уберусь.

Он допивает воду, ставит стакан в раковину. Вытирает руку о штанину.

Я не знаю, что сказать.

Похоже, Дэвид это чувствует.

– Не стану тебе докучать, – говорит он и делает шаг ко мне.

Я вся сжимаюсь, но он идет мимо, к двери цокольного этажа. Отступаю, чтобы дать ему дорогу. Поравнявшись со мной, он поворачивает голову и тихо произносит:

– Не знаю, что сказать: спасибо или прости.

Я смотрю ему в глаза, подыскивая слова.

– Да ладно. – Голос у меня хриплый. – Не волнуйся на этот счет.

Он, подумав, кивает:

– Похоже, мне следует просить прощения.

Я опускаю глаза. Он открывает дверь.

– Вечером уеду. У меня работа в Коннектикуте. Должен вернуться завтра.

Я ничего не говорю.

Услышав, как за ним захлопывается дверь, я перевожу дух. В раковине я наполняю его стакан водой и подношу к губам. По-моему, я вновь чувствую его во всей полноте.

Глава 57

Итак, у нас с ним было.

Мне никогда не нравилось это выражение. Слишком бесстыдное. Но деваться некуда: это произошло.

Со стаканом в руке я подплываю к дивану, где на подушке свернулся клубком Панч. Кончик его хвоста виляет. Сажусь рядом с ним, зажимаю стакан между бедрами и откидываю голову.

Этику в сторону – хотя это не вполне этическая проблема, верно? Я имею в виду секс со съемщиком. Не могу поверить, что мы занимались этим в постели моей дочери. Что сказал бы Эд? Я съеживаюсь от досады. Конечно, он не узнает, но все же. Все же. Мне хочется поджечь эти простины. Пусть сгорят пони и с ними все прочее.

Вокруг меня дышит дом. Как слабый пульс, неустанно слышится тиканье дедушкиных часов. В комнате царят расплывчатые тени. Я вижу себя, свое призрачное «я», отраженное в экране телевизора.

Интересно, что бы я предприняла, если бы оказалась на этом экране среди героев какого-нибудь фильма? Ушла бы из дома, чтобы заняться расследованием, как Тереза Райт из «Тени сомнения». Призвала бы друга, как Джимми Стоарт из «Окна во двор». Да, я не стала бы торчать здесь, в этом неряшлином халате, раздумывая, в какой угол кинуться в следующий момент.

Синдром запертого человека. Причинами могут быть инсульт, повреждение ствола головного мозга, рассеянный склероз, даже яд. Иначе говоря, это неврологическое состояние, а не психологическое. И все же я здесь буквально заперта – двери и окна закрыты, и я съеживаюсь от света, а на той стороне сквера зарезали женщину, и никто ничего не заметил, никто ничего не знает. Кроме меня – меня, опухшей от спиртного, разлученной с родными, трахающей своего съемщика. Для соседей – чудачка. Для копов – предмет шуток. Для своего врача – особый случай. Для физиотерапевта – объект для жалости. Человек, отрезанный от мира. Не герой. Не сыщик.

Я – добровольная затворница.

Спустя некоторое время я встаю, иду к лестнице, начинаю подниматься. Останавливаюсь на площадке, собираясь зайти в кабинет, и тут замечаю, что дверь кладовки приоткрыта. Чуть-чуть.

Сердце у меня на миг замирает.

Но отчего? Это всего лишь открытая дверь. На днях я сама ее отпирала. Для Дэвида.

...Правда, затем я закрыла ее. Я заметила бы, что дверь приоткрыта, ведь мне бросилось это в глаза секунду назад.

Стою в нерешительности. Доверяю ли я себе?

Вопреки всему, доверяю.

Подхожу к кладовке. Осторожно берусь за ручку, словно она может увернуться от меня. Тяну.

Внутри темно, очень темно. Нашупываю над головой потертый шнур, дергаю за него. Комнатка вспыхивает ослепительным белым светом, какой бывает внутри лампочки накаливания.

Осматриваюсь по сторонам. Ничего нового не появилось и ничего не пропало. Все на месте – банки с краской, шезлонги.

А на полке стоит ящик с инструментами Эда.

И я почему-то знаю, что там внутри.

Подхожу, протягиваю руку. Открываю одну защелку, потом другую. Медленно поднимаю крышку.

Это первая вещь, которую я вижу. Резак для картона снова на месте, в ярком свете поблескивает лезвие.

Глава 58

Я втиснулась в кресло «с ушами», что в библиотеке, в голове крутятся все те же мысли. Минутой раньше устроилась в кабинете, но потом в кухне Расселов появилась та женщина. Я вскочила и поскорее убралась прочь. Теперь в собственном доме у меня есть запретные зоны.

Смотрю на часы, стоящие на каминной полке. Почти двенадцать. Сегодня я еще не пила. Думаю, это очень хорошо.

Полагаю, даже в четырех стенах я в состоянии найти выход из ситуации. Это как шахматная доска. Я хорошо играю в шахматы. Сосредоточься, думай. Шевелись.

Моя тень протягивается по ковру, словно пытаясь отделиться от меня.

Дэвид сказал, что не видел Джейн. А Джейн не упоминала, что встречала Дэвида, – но это вполне вероятно, она могла впервые увидеть его после нашей попойки, когда мы с ней осушили четыре бутылки. Когда Дэвид взял у меня резак для картона? Было ли это в тот же день, когда я слышала крики Джейн? Или нет? Угрожал ли он ей ножом? И чем это все кончилось?

Я грызу ноготь на большом пальце. Некогда у меня в голове была картотека. Теперь там разбросаны листки бумаги, разлетевшиеся от ветра.

Нет. Перестань. Ты теряешь контроль.

И все же.

Что я знаю о Дэвиде? Он «отмотал срок» за нападение. Закоренелый правонарушитель. Добрался до моего резака.

И я видела то, что видела. Не важно, что говорят полицейские. Или Бина. Или даже Эд.

Слышу, как внизу хлопает дверь. Я поднимаюсь, семеню на площадку, потом в кабинет. У Расселов никого не видно.

Подхожу к окну и смотрю вниз, скосив глаза: ага, Дэвид шагает по тротуару своей ленивой походкой, джинсы спущены на бедра, через плечо переброшен рюкзак. Он идет в восточном направлении. Слежу, как он исчезает.

Отступаю от подоконника и замираю в лучах тусклого полуденного света. Снова бросаю взгляд через сквер. Ничего. Пустые комнаты. Но я с напряжением жду появления самозванки, жду, когда она посмотрит на меня.

Господи, у меня путаются мысли. Я сжимаю голову руками. Думаю.

Потом, как черт из табакерки, выскакивает догадка. От неожиданности отшатываюсь. Серьга!

Вот что вчера терзало меня – серьга, поблескивающая на темном дереве. На прикроватной тумбочке у Дэвида.

Три крошечные жемчужины. Я в этом уверена.

Я почти в этом уверена.

Не принадлежала ли эта вещица Джейн?

Вспоминаю тот вечер – вечер, засасывающий, как зыбучие пески. «Подарок бывшего бойфренда». Она трогает мочку уха. «Сомневаюсь, что Алистер знает». Красное вино льется в горло. Три крошечные жемчужины.

Разве это не сережка Джейн?

Или это плод воспаленного воображения? У Дэвида на тумбочке могла лежать другая серьга. Другой женщины. Нет-нет, мотаю я головой, и волосы щекочут щеки, – это точно серьга Джейн.

В таком случае...

Я засовываю руку в карман халата, нащупываю карточку и вытаскиваю ее: «ДЕТЕКТИВ КОНРАД ЛИТЛ, ОТДЕЛ ПОЛИЦИИ НЬЮ-ЙОРКА».

Нет. Уберу ее.

Повернувшись, выхожу из комнаты. На нетвердых ногах, хоть я и трезвая, спускаюсь в темноте на два этажа. В кухне подхожу к двери цокольного этажа. Со скрежетом запираю ее на задвижку.

Отступаю назад, изучаю дверь. Потом возвращаюсь к лестничному проему. Поднявшись на один этаж, открываю кладовку, тяну за шнурок. Нахожу стремянку у дальней стены.

Иду в кухню, подпираю дверь цокольного этажа стремянкой, подсунув ее верх под дверную ручку. Потом колочу по стремянке ногой, чтобы прижать плотнее. Снова колочу. Ушибаю большой палец. И снова бью.

Опять отступаю назад. Дверь забаррикадирована. Одним входом меньше.

Разумеется, одним выходом тоже.

Глава 59

Меня одолевает жуткая жажда. Надо выпить.

Отступив от двери, я натыкаюсь на миску Панча, она отлетает в сторону, вода разливается. Я чертыхаюсь, но беру себя в руки. Мне надо сосредоточиться. Глоток мерло мне поможет.

У вина роскошный бархатистый вкус, и, поставив бокал на место, я чувствую, как оно охлаждает мне кровь. Оглядываю комнату – взор ясный, голова соображает. Я – машина. Мыслящая Машина, – кажется, такое прозвище было у персонажа одной детективной истории, сто лет назад сочиненной Жаком как его там, – у доктора наук, обладающего железной логикой и способного раскрыть любую тайну^[29]. Автор, как мне помнится, погиб на «Титанике», но перед тем сумел усадить жену в спасательную шлюпку. Свидетели видели, как он, пуская кольца дыма под убывающей луной, курил на тонущем корабле в компании Джека Астора. Пожалуй, из такой ситуации выхода не найти.

Я тоже доктор наук. Я тоже обладаю железной логикой.

Следующее мое действие...

Кто-то должен подтвердить то, что случилось. Или, по крайней мере, с кем это случилось. Если невозможно начать с Джейн, начну с Алистера. Это он оставил самые заметные следы. У него есть предыстория.

Подхожу к кабинету, с каждым шагом мой план вырисовывается все яснее. Бросаю беглый взгляд на ту сторону сквера – вот она, та женщина, в гостиной, с прижатым к уху серебристым мобильным. Вздрогнув, я усаживаюсь за письменный стол – у меня готов сценарий действий, готова стратегия. Кроме того, сегодня я твердо стою на ногах. Так я убеждаю себя, устраиваясь поудобнее.

Мышь. Клавиатура. «Гугл». Телефон. Вот мои инструменты. Бросаю еще один взгляд на дом Расселов. Теперь она стоит, повернувшись ко мне кашемировой спиной. Хорошо. Продолжай в том же духе. Это мой дом, мой вид из окна.

Ввожу пароль на экране настольного компьютера, через минуту нахожу то, что искала онлайн. Но прежде чем ввести пароль в телефон, я задумываюсь: а не могут ли отследить мой номер?

Я хмурюсь. Кладу телефон на стол. Хватаю мышь – курсор бегает по экрану компьютера, останавливается на иконке скайпа.

Через секунду меня приветствует четкое контральто:

– «Аткинсон».

– Добрый день, – говорю я, откашливаясь. – Добрый день. Мне нужен Алистер Рассел. Вернее, – добавляю я, – мне бы хотелось поговорить с его помощником, а не с самим Алистером. – Пауза на том конце линии. – Это сюрприз, – объясняю я.

Снова пауза. Слышу постукивание клавиш. Потом раздается голос:

– Алистер Рассел не работает в компании с прошлого месяца.

– Правда?

– Да, мэ-эм.

Ее научили так говорить. Но звучит это недружелюбно.

– Почему?

Глупый вопрос.

– Не имею представления, мэ-эм.

– Вы не могли бы соединить меня с его офисом?

– Как я сказала, его...

– Я имею в виду – с его прежним офисом.

– Это в Бостоне.

У некоторых молодых женщин есть манера повышать голос в конце каждой фразы. Непонятно, вопрос это или утверждение.

– Да, с бостонским...

– Соединяю.

Музыкальная пауза – ноктюрн Шопена. Год назад я могла бы сказать, какой именно. Нет, не отвлекайся. Думай. С вином будет легче.

На той стороне сквера женщина пропадает из поля зрения. Интересно, она разговаривает с Алистером? Жаль, я не могу читать по губам. Жаль...

– «Аткинсон». – На этот раз мужской голос.

– Мне нужен Алистер Рассел.

Моментальный ответ:

– Боюсь, мистер Рассел...

– Знаю, он больше у вас не работает, но я хотела бы поговорить с его заместителем. Бывшим заместителем. По личному делу.

Через мгновение секретарь произносит:

– Могу соединить вас с его отделением.

– Это было бы...

Снова ручейком рассыпаются звуки фортепиано. Думаю, номер семнадцать, си мажор. Или номер три? Или номер девять? Когда-то я это знала.

Надо сосредоточиться. Я встремываю головой и плечами, как мокрая

собака.

– Привет, это Алекс.

Голос тонкий, высокий. Все же мужской, полагаю, хотя уверенности нет, да и имя тут не поможет.

– Это... – Нужно представиться. Пропустила ход. – Алекс. Я тоже Алекс.

Господи. Лучше придумать не могла.

Если существует тайное рукопожатие, которым могли бы обменяться тезки, то этот Алекс не спешит протянуть руку.

– Чем могу вам помочь?

– Ну, я давний друг Алистера, мистера Рассела, и пыталась найти его в нью-йоркском офисе, но он уволился из компании.

– Верно.

– Вы его...

Помощник? Секретарь?

– Помощник.

– А-а. Что ж, мне хотелось бы кое-что уточнить. Когда он уволился?

Сопение.

– Четыре недели назад. Нет, пять.

– Это очень странно, – говорю я. – Мы так радовались за него, что он переехал в Нью-Йорк.

– Знаете... – говорит Алекс, и я чувствую, как его или ее голос разогревается, подобно мотору, набирающему обороты. Сейчас мне расскажут сплетню. – До своего переезда в Нью-Йорк он не собирался искать другую работу. Он был настроен на то, чтобы оставаться в компании. Они с женой купили дом, и все такое.

– Правда?

– Да. Большой дом в Гарлеме. Иногда стоит порыться в Интернете...

Стал бы мужчина так смаковать перешептывания за спиной? Наверное, Алекс – женщина. Какая же я сексистка.

– Не знаю, что случилось. Вряд ли он нашел другое место. В любом случае он сможет рассказать вам больше, чем я. – Чихание. – Извините. Простуда. Откуда вы его знаете?

– Алистера?

– Да.

– О-о, мы старые друзья по колледжу.

– Учились в Дартмуте?

– Верно. – Названия-то я не помнила. – Так он... Простите за выражение, сам ушел или его «ушли»?

– Не знаю. Вам придется выяснить, что у него пошло не так. Все это весьма таинственно.

– Я спрошу у него.

– Он всем здесь нравился, – говорит Алекс. – Такой хороший парень! Не могу поверить, что его уволили, или что-то в этом роде.

Я сочувственно хмыкаю:

– У меня есть к вам один вопрос насчет его жены.

– Джейн. – Алекс хлюпает носом.

– Я никогда ее не видела. Алистер склонен к раздельному мышлению. – Я говорю как психиатр. Надеюсь, Алекс этого не заметит. – Я бы хотела преподнести его жене небольшой подарок по случаю переезда в Нью-Йорк, но не знаю, что она любит.

Шмыганье.

– Я подумывала о шарфе, правда, не знаю, какие цвета ей нравятся. – Я слгатываю. Звучит неубедительно. – Понимаю, это звучит неубедительно.

– Суть в том, – произносит Алекс упавшим голосом, – что я тоже никогда ее не встречала.

Ну что ж. Может быть, у Алистера действительно раздельное мышление. Какой я хороший психиатр.

– Потому что у него, безусловно, раздельное мышление! – продолжает Алекс. – Это точно.

– О да! – соглашаюсь я.

– Я работала у него почти полгода и ни разу не видела ее. Только их ребенка.

– Итана.

– Да. Милый мальчик. Немного робкий. Вы видели его?

– Очень давно.

– Приятный мальчик. Однажды он зашел к нам в офис, чтобы вместе с отцом поехать на игру «Бостон Брюинз».

– Значит, вы не можете мне ничего рассказать о Джейн? – напоминаю я.

– Нет. О-о, но вы хотели узнать, как она выглядит, да?

– Да.

– Полагаю, в офисе есть ее фотография.

– Фотография?

– У нас стоит коробка с вещами Алистера, которую надо было отослать в Нью-Йорк. Теперь не знаем, что с ней делать. – Шмыгает носом и кашляет. – Пойду посмотрю.

Слышиу стук, царапанье, когда Алекс кладет трубку на стол. На этот раз

никакого Шопена. Кусаю губы, смотрю в окно. Та женщина сейчас в кухне, что-то ищет в морозилке. На миг перед моим внутренним взором мелькает безумное видение: в морозилке спрятано застывшее тело Джейн, ее яркие глаза заинdevели.

Царапанье трубки.

– Она передо мной, – сообщает Алекс. – Я имею в виду фото.

У меня перехватывает дыхание.

– У нее темные волосы и светлая кожа.

Я перевожу дух. Они обе темноволосые и светлокожие, Джейн и самозванка. Неинформационно. Но про комплекцию спрашивать нельзя.

– Ладно, хорошо, – говорю я. – Что-то еще? Знаете что – вы не могли бы отсканировать фотографию и прислать ее мне?

Пауза. Наблюдаю, как женщина на той стороне сквера закрывает дверцу морозилки и выходит.

– Я дам вам адрес своей электронной почты, – уговариваю я.

Молчание. Затем Алекс произносит:

– По вашим словам, вы друг…

– Алистера. Да.

– Знаете, боюсь, мне не следует никому сообщать эти персональные данные. Попросите об этом его самого. – На этот раз никакого шмыганья. – Вы сказали, вас зовут Алекс?

– Да.

– Алекс, а фамилия?

Я открываю рот, затем нажимаю отбой.

В комнате тишина. Через холл слышно тиканье часов в библиотеке Эда. Я сдерживаю дыхание.

Неужели Алекс сейчас звонит Алистеру? Станет ли она описывать мой голос? Сумеет ли Рассел определить мой домашний номер или номер мобильного? Я таращаюсь на свой телефон, лежащий на столе, слежу за ним, словно это спящий зверь. С замиранием сердца жду, когда он зашевелится.

Телефон лежит там неподвижно. Немобильный мобильный. Ха-ха.

Сосредоточься.

Глава 60

В кухне капли дождя барабанят в окно. Я наливаю в бокал еще вина. Большой глоток. Мне этого недоставало.

Сосредоточься.

Что нового я узнала? Алистер разграничивал работу и семейную жизнь. Такое поведение может указывать на личность преступника, но этого мало. Далее – он был готов перейти в нью-йоркский филиал своей фирмы, приобрел недвижимость, перевез на юг семью... Но потом что-то пошло не так, и он нигде не бросил якоря.

Что произошло?

Меня знобит. Здесь холодно. Я перемещаюсь к камину, поворачиваю переключатель у решетки. Огненные языки распускаются, словно цветы.

Я плюхаюсь на диван, в подушки, завернувшись в халат. В бокале плещется вино. Не мешало бы постирать халат. И заодно встать под душ.

Засунув руку в карман, я вновь натыкаюсь на карточку Литла. И вновь разжимаю пальцы.

И опять я смотрю на свое отражение в экране телевизора. Кто там утопает в подушках, в этом блеклом халате? Я похожа на призрак. И чувствую себя призраком.

Нет. Сосредоточься. Следующий шаг. Я ставлю стакан на кофейный столик, упираюсь локтями в колени.

И понимаю, что следующего шага не будет. Я не могу доказать существование, в настоящем или прошлом, Джейн, моей Джейн, подлинной Джейн. Еще менее доказуемо ее исчезновение. Или смерть.

Или смерть.

Я думаю об Итане, который оказался в ловушке. «Милый мальчик».

Провожу пальцами по волосам, словно это плуг, вспахивающий поле. Чувствую себя мышью, попавшей в лабиринт. В чистом виде экспериментальная психиатрия – эти крошечные существа, с их глазами-бусинами и веревочными хвостами, мечущиеся от одного тупика к другому. «Давай», – подбадривали мы их, хохоча и заключая пари.

Сейчас я не смеюсь. Я вновь раздумываю: а не поговорить ли мне с Литлом?

Но вместо этого я говорю с Эдом.

– Ну что, немного крыша поехала, бездельница?

Я вздыхаю, шаркаю ногами по ковру в кабинете. Я опустила жалюзи, чтобы та женщина не могла за мной следить. Окно пестрит полосками неяркого света, как будто я в клетке.

– Чувствую себя совершенно бесполезной. Словно я в кинотеатре, фильм окончился, зажегся свет, и все вышли из зала, только я продолжаю сидеть, пытаясь понять, что случилось.

Он фыркает.

– Что? Что тут смешного?

– Просто очень похоже на тебя – живешь как в кино.

– Разве?

– Да.

– Что ж, последнее время моя система координат несколько ограничена.

– Ладно-ладно.

Я ничего не рассказала о прошедшей ночи. Одна мысль об этом вызывает у меня дрожь. Но остальное разматывается, как нитка со шпульки, – звонок от самозванки, серьга в квартире Дэвида, резак для картона, телефонный разговор с Алекс.

– Такое ощущение, будто это происходит в кино, – повторяю я. – И я ожидала, что мои новости вызовут у тебя больше беспокойства.

– Из-за чего?

– Хотя бы из-за того, что в спальне моего съемщика нашлось украшение мертвой женщины.

– Ты ведь не знаешь, что сережка принадлежала ей.

– Знаю. Я в этом уверена.

– Да не может быть. Ты даже не уверена, что она...

– Что?

– Сама знаешь.

– Ну?

Теперь он вздыхает.

– Жива.

– Не думаю, что она жива.

– Я хотел сказать, ты даже не уверена, что она существует или когда-либо...

– Да, уверена. Уверена. Это не галлюцинация.

Молчание. Слышу, как он дышит.

– Ты не допускаешь, что у тебя парано...

Не успевает он закончить фразу, как я перебиваю его:

– Ну какая паранойя, если все это произошло на самом деле!

Тишина. На этот раз он не возражает.

Когда я вновь решаюсь заговорить, голос мой срывается:

– Очень обидно, когда в тебе сомневаются. Очень, очень обидно сидеть взаперти. – Я хватаю ртом воздух. – В этом доме, в этой...

Я собираюсь сказать «ловушке», но тут он поспешно произносит:

– Понимаю.

– Нет, не понимаешь.

– Значит, представляю. Послушай, Анна, – говорит Эд, не давая мне встрясть, – куда тебя несет? Это продолжается вот уже два дня. Все выходные. Теперь ты заявляешь, что Дэвид может иметь какое-то отношение к... чему-то такому... – Он кашляет. – Ты себя накручиваешь. Наверное, сегодня тебе надо просто посмотреть фильм или почитать. Ложись спать пораньше. – Кашляет. – Ты вовремя принимаешь лекарства?

Нет.

– Да.

– И воздерживаешься от выпивки?

Конечно нет.

– Конечно.

Пауза. Не могу понять, верит ли он мне.

– Хочешь поговорить с Ливви?

Я с облегчением перевожу дух:

– Да.

Слушаю, как дождь барабанит в окно. В следующий миг слышу нежный хрипловатый голосок:

– Мамочка?

Я сияю.

– Привет, ягодка.

– Привет.

– У тебя все хорошо?

– Да.

– Скучаю по тебе.

– Мм.

– Что это?

– Я сказала «мм».

– Это значит «я тоже скучаю по тебе, мамочка»?

– Да. Что там происходит?

– Где?

– В городе Нью-Йорке.

Она всегда так называет Нью-Йорк. Немного официально.

– Хочешь сказать, дома?

У меня щемит сердце: дома.

– Да просто дела с новыми соседями. Нашиими новыми соседями.

– Что такое?

– Да ничего, ягодка. Просто не поняли друг друга.

Потом вмешивается Эд:

– Послушай, Анна, – извини, что перебиваю, малыш, – если тебя беспокоит Дэвид, стоит обратиться в полицию. Не факт, что он, ну... замешан в происходящем, однако его не просто так поставили на учет. Не хватало еще бояться собственного съемщика!

Я киваю:

– Да.

– Хорошо?

Я снова киваю.

– У тебя есть номер того копа?

– Литла. Есть.

Я заглядываю в прорезь жалюзи. На той стороне сквера видно какое-то мелькание. Входная дверь Расселов распахивается – яркое полотнище белого света на фоне серой мороси.

– Хорошо, – говорит Эд, но я его больше не слушаю.

Дверь закрывается, и на крыльце появляется женщина. На ней пальто до колена, красное, как пламя факела; над головой у нее покачивается полупрозрачный полумесяц зонта. Я протягиваю руку к лежащей на столе камере, подношу к глазам.

– Что ты сказал? – спрашиваю я у Эда.

– Хочу, чтобы ты поберегла себя.

Я смотрю в видоискатель. Вниз по зонту струятся ручейки дождевой воды, напоминающие варикозные вены. Я опускаю объектив, приближаю лицо самозванки – чуть вздернутый нос, молочная кожа. Под глазами тени. Не спала ночь.

Пока я прощаюсь с Эдом, она медленно спускается в своих высоких сапогах со ступеней крыльца. Останавливается, достает из кармана телефон, рассматривает его, потом убирает и поворачивается в мою сторону. Под куполом зонтика ее лицо кажется размытым.

Мне надо с ней поговорить.

Глава 61

Сейчас, пока она одна. Сейчас, пока Алистер не сможет вмешаться. Сейчас, пока у меня стучит в висках.

Сейчас.

Я влетаю в холл, несусь вниз по лестнице. Я смогу это сделать, если не буду задумываться. Если не буду думать. Не думать. Размышления ни к чему меня не привели. «Суть умопомешательства в том, Фокс, – любил напоминать мне Уэсли, – что человек снова и снова делает одно и то же, ожидая другого результата». Так что перестань думать и начни действовать.

Конечно, прошло всего три дня с того момента, как я действовала – именно таким образом – и оказалась на больничной койке. Пытаться повторить это – безумие.

Короче, как ни крути, я сумасшедшая. Отлично. Но мне надо знать правду. И я больше не уверена в безопасности своего жилища.

Скользя шлепанцами по полу, я несусь через кухню, огибаю диван. Замечаю на кофейном столике флакон с ативаном. Опрокидаю его, вытряхиваю на ладонь три капсулы, прижимаю ее ко рту. Глотаю. Чувствую себя Алисой, проглотившей снадобье с надписью: «Выпей меня».

Бегу к двери. Опускаюсь на колени, чтобы достать зонт. Встаю, отпираю дверь, распахиваю ее. Теперь я в прихожей, сквозь освинцованные стекло просачивается водянистый свет. Я набираю в грудь воздуха – раз, два – и нажимаю кнопку зонта. Со звуком, напоминающим неожиданный вздох, в сумраке раскрывается купол. Я поднимаю его на уровень глаз, другой рукой нашариваю замок. Фокус в том, чтобы продолжать дышать. Фокус в том, чтобы не останавливаться.

Открываю замок. Следом поворачивается ручка двери. Я зажмуриваюсь и тяну. Глоток прохладного воздуха. Зонт натыкается на косяк двери. Протискиваюсь через дверной проем.

Теперь всю меня обнимает холод. Я торопливо спускаюсь по ступеням. Раз, два, три, четыре. Зонтик проталкивается сквозь воздух, как нос корабля сквозь толщу воды. Не разжимая век, я чувствую боковые струи воздуха.

Мои ноги на что-то натыкаются. Металл. Ворота. Машу рукой, пока не хватаюсь за створку и не отодвигаю ее, затем делаю шаг вперед. Подошвы моих тапок шлепают по бетону. Я на тротуаре. Макушку и лицо покалывают иглы дождя.

Странно – за все месяцы экспериментирования с этой курьезной

техникой зонта мне не приходило в голову, как, полагаю, и доктору Филдингу, что можно просто закрыть глаза. Впрочем, думаю, нет смысла блуждать, когда ничего не видишь вокруг. С другой стороны, я ощущаю малейшее изменение атмосферного давления, все мои чувства обострены. Я знаю, что небеса широки и бездонны, как перевернутый океан... но лишь зажмуриваю веки еще плотнее и думаю о своем доме: там мой кабинет, моя кухня, мой диван. Мой кот. Мой компьютер. Мои фотографии.

Поворачиваю налево. На восток.

Иду по тротуару с закрытыми глазами. Мне надо сориентироваться. Придется посмотреть. Я медленно приоткрываю один глаз. Сквозь частокол ресниц просачивается свет.

На миг я замедляю шаг, почти останавливаюсь. Искоса смотрю на крест-накрест застрихованную внутреннюю поверхность зонта. Четыре черных квадрата, четыре белые линии. Представляю себе, что эти линии кипят энергией, всучиваются, подобно кардиограмме на мониторе, где пики чередуются с провалами. Сосредоточься. Раз, два, три, четыре.

Приподнимаю зонтик на несколько градусов, потом еще. Вот она – яркая, как луч прожектора, красная, будто сигнал светофора. Алое пальто, темные сапоги, над головой маячит четкий пластиковый полумесяц. Мы с ней как будто на разных концах туннеля – между нами полоса тротуара и над ним стена дождя.

Что мне делать, если она обернется?

Но она не оборачивается. Я опускаю зонт и вновь зажмуриваюсь. Делаю шаг вперед.

Второй шаг. Третий. Четвертый. К тому моменту, когда я спотыкаюсь о трещину в тротуаре, у меня насквозь промокают шлепанцы, тело сотрясается, а по спине струится пот. И я отваживаюсь на второй взгляд. На этот раз я открываю другой глаз и приподнимаю зонт, так что моя цель снова языком пламени вспыхивает впереди. Я бросаю взгляд налево. Школа Святой Димфны, здание из красного кирпича с заколоченными окнами. Поворачиваю голову направо. Пикап таращится на улицу круглыми фарами, мертвенно-бледный свет прорезает сумрак. Я цепенею. Машина проплывает мимо. Я плотно сжимаю веки.

Когда я вновь открываю глаза, пикапа уже нет. И вижу, что женщина впереди тоже исчезла.

Исчезла. Тротуар пуст. В отдалении различаю сквозь легкий туман скопление транспорта на перекрестке.

Туман сгущается, и я понимаю, что это темнеет в глазах. Все вокруг

начинает кружиться, все быстрее и быстрее.

Мои колени дергаются, потом подгибаются. Я оседаю на землю. И даже в этом состоянии, в ужасе закатывая глаза, я представляю себя со стороны – как я дрожу в промокшем халате, с прилипшими к спине волосами, с бесполезно выставленным перед собой зонтом. Одинокая фигура на пустынной улице.

Я опускаюсь все ниже и, кажется, погружаюсь в асфальт.

Но...

...она не может исчезнуть. Она не дошла до конца квартала. Я зажмуриваюсь, представляю себе ее спину, волосы, ниспадающие на плечи. Потом вспоминаю Джейн – как она стояла около моей раковины и между ее лопatkами струилась длинная коса.

И как только Джейн поворачивается ко мне лицом, колени у меня напрягаются. Чувствую, что халат волочится по тротуару, но я еще не вырубилась.

Я замираю со сведенными ногами.

Должно быть, она исчезла в... Мысленно рисую карту местности. Что за тем красным домом? Через улицу антикварный магазин, сейчас пустой, как я помню, а рядом с домом...

Кафе, разумеется. Должно быть, она в кафе.

Я запрокидываю голову, вздергиваю подбородок к небу, словно собираюсь вынырнуть. Мои локти и вывернутые ступни прижаты к тротуару. В кулаке дрожит рукоятка зонта. Я выставляю руку в сторону для равновесия. В пелене моросящего дождя, под шелест шин на далеком перекрестке я медленно поднимаюсь с земли – вверх, вверх, – и вот я уже стою.

Нервы у меня напряжены. Сердце пылает. Чувствую, как ативан очищает мои сосуды, подобно свежей воде, омывающей заброшенное жилище.

Раз. Два. Три. Четыре.

Осторожно выставляю одну ногу вперед. Потом другую. Шаркаю по асфальту. Не могу поверить, что я это делаю. Я это делаю!

Теперь шум транспорта ближе, громче. Не останавливаюсь. Я смотрю на зонт – он заполняет поле зрения, защищает меня. Снаружи зонта ничего нет.

Пока он не дергается вбок.

– Ах, извините.

Я вздрагиваю. Что-то – или кто-то – наткнулось на меня, задело зонт. Потом этот кто-то проносится мимо размытым пятном; мелькают голубые

джинсы и куртка. Я оборачиваюсь вслед и вижу себя в оконном стекле – спутанные волосы, влажное лицо, клетчатый зонт, выступающий из руки, наподобие гигантского цветка.

А за своим отражением, по ту сторону окна, я вижу эту женщину. Я около кафе.

Пристально всматриваюсь. Что-то мешает мне. А, это тент нависает над головой. Я зажмуриваюсь, потом вновь открываю глаза.

Входная дверь в пределах досягаемости. Я протягиваю руку, пальцы дрожат. Не успеваю ухватиться за ручку, как дверь распахивается и появляется молодой человек. Узнаю его. Мальчик Такеда.

Уже больше года я не видела его близко, то есть лично, а не через объектив. Он подрос, у него пробиваются темные усы и бородка, но он по-прежнему излучает ту неописуемую добрую детскость, которую я научилась распознавать. Этот невидимый ореол есть у Ливви. И у Итана тоже.

Мальчик, вернее, молодой человек – почему мне никак не запомнить его имя? – придерживает дверь локтем, пропуская меня внутрь. Я замечаю его руки, изящные кисти виолончелиста. Наверное, у меня вид бомжа, и все же он обращается со мной учтиво. Родители воспитали его правильно, как сказала бы БабуляЛиззи. Интересно, узнал ли он меня. Пожалуй, я сама себя едва узнаю.

Прохожу мимо него в кафе. Начинаю припоминать это место. Бывало, я заглядывала сюда по несколько раз в неделю по утрам, когда не успевала сварить себе кофе дома. Здесь подавали слишком крепкий кофе – полагаю, и сейчас тоже, – однако мне нравилась атмосфера этой кафешки. Потрескавшееся зеркало, на котором маркером писали меню; барная стойка с пятнами, похожими на олимпийские кольца; музикальный центр, выдающий старые хиты.

– Незатейливая мизансцена, – заметил Эд, когда я в первый раз привела его сюда.

– Нельзя употреблять эти слова в одном словосочетании, – сказала я ему.

– Ну тогда – незатейливо.

И неизменно. Больничная палата сокрушила меня, но здесь другое, знакомое место. Мои ресницы трепещут. Я оглядываю толпу посетителей, изучаю меню, вывешенное над кассовым аппаратом. Чашка кофе теперь стоит два доллара девяносто пять центов. Это на пятьдесят центов больше, чем в последний раз, когда я здесь была. Инфляция – это такая пакость.

Зонтик опускается, задевает мои лодыжки.

Как давно я нигде не бывала! Сколько забытых ощущений – краски, звуки, запахи! Тепло человеческих тел, поп-музыка прошлых десятилетий, жужжание кофемашины. Вся сцена разматывается в замедленном темпе, в золотистом свете. На миг я закрываю глаза, делаю глубокий вдох, вспоминаю.

Я вспоминаю, как входила в это кафе, кутаясь в зимнее пальто или в летнем наряде с порхающей у коленей юбкой. Помню, как слегка задевала людей, улыбалась им, заговаривала с ними.

Открываю глаза, золотистый свет меркнет. Я в сумрачном зале около окна, умытого дождем. Сердце быстро колотится.

Вспышка красного пламени у прилавка с выпечкой. Это она – изучает булочки. Поднимает подбородок, замечает свое отражение в зеркале. Проводит рукой по волосам.

Я незаметно продвигаюсь ближе. Чувствую на себе взгляды посетителей, рассматривающих странную женщину в купальном халате, с раскрытым зонтиком, который она выставила перед собой. С трудом проталкиваясь к стойке, я расчищаю себе туннель сквозь толпу, сквозь шум. Вскоре гомон возобновляется, словно я погрузилась в воду и она сомкнулась надо мной.

Женщина в нескольких футах от меня. Еще шаг, и я смогу дотянуться до нее рукой. Схватить за волосы и рвануть.

В этот момент она слегка поворачивается и выуживает из кармана гигантский айфон. В зеркале видно, как пляшут ее пальцы по экрану, на лицо падает отсвет. Воображаю, что она пишет Алистеру.

– Прошу прощения? – произносит бариста.

Женщина тарабанит по сенсорной клавиатуре.

– Прошу прощения?

И тогда – что я делаю? – я откашливаюсь.

– Ваша очередь, – бормочу я.

Она перестает набирать сообщение, кивает в мою сторону.

– О-о! – восклицает она, потом бросает мужчине за стойкой: – Обезжиренный латте, средний.

Она даже не взглянула на меня. Я смотрю в зеркало, вижу, как стою у нее за спиной, подобно призраку, ангелу мщения. Я пришла за ней.

– Обезжиренный латте, средний. Желаете что-нибудь съесть?

В зеркале отражается ее рот – маленький, четко очерченный, так непохожий на рот Джейн. Во мне поднимается волна гнева, затуманивает голову.

– Нет, – помолчав, произносит она. Потом ослепительно улыбается. –

Нет, пожалуй, не стоит.

Позади нас кто-то шумно отодвигает стулья. Я бросаю взгляд через плечо – к двери направляется компания из четырех человек.

Голос бариста перекрывает шум:

– Ваше имя?

И мы с женщиной встречаемся в зеркале взглядом. Она съеживается. Улыбка тает.

На миг время замирает – тот миг, когда мы, затаив дыхание, скользим с дороги в пропасть.

И не оборачиваясь, не отводя глаз, она отвечает тем же ясным голосом:
– Джейн.

Джейн.

Мои губы невольно произносят это имя. Женщина оборачивается, пронзает меня взглядом:

– Так странно видеть вас здесь.

Тон ее так же бесстрастен, как и глаза. Акульи глаза, думаю я, холодные, жесткие. Я порываюсь сказать, что сама удивлена своим присутствием здесь, но слова застревают в горле.

– Я думала, вам... стало хуже, – продолжает она. Звучит уничижительно.

Я качаю головой. Она молчит.

Снова откашливаюсь. «Где она и кто ты такая?» – хочется мне спросить. «Кто ты такая и где она?» Чужие разговоры вокруг сбивают меня с мысли.

– Что?

– Кто вы такая?

Вот так.

– Джейн! – Это не ее голос, а голос бариста, плывущий от стойки. – Обезжиренный латте для Джейн!

Она продолжает смотреть на меня, наблюдает за мной, ожидая, что я могу сорваться. «Я психолог с отличной репутацией, – могу я ей сказать, и должна сказать это. – А ты лгунья и мошенница».

– Джейн! – в третий раз раздается призыв бариста. – Ваш латте.

Она поворачивается, принимает чашку в удобной картонной упаковке.

– Вы знаете, кто я, – говорит она.

Я снова качаю головой:

– Я знаю Джейн. Я встречалась с ней. Видела Джейн в ее доме. – Голос у меня дрожит, но я четко выговариваю слова.

– Это мой дом, и никого вы там не видели.

– Видела.

– Нет, – упирается самозванка.

– Я...

– Я слышала, вы алкоголичка. Сидите на таблетках.

Теперь она расхаживает вокруг, как львица. Я медленно поворачиваюсь, пытаясь за ней поспеть. Какое-то детское ощущение, ей-ей. Разговоры в кафе затихают, повисает зыбкая тишина. Краем глаза замечаю мальчика Такеда, он по-прежнему стоит у двери.

– Вы следите за моим домом. Вы преследуете меня.

Я медленно и тупо кучаю головой из стороны в сторону.

– Необходимо прекратить это. Мы не можем больше так жить.

Вероятно, для вас это нормально, но не для нас.

– Просто скажите мне, где она, – шепчу я.

Мы совершили полный круг.

– Не знаю, о ком и о чем вы говорите. Я вызываю полицию.

Она протискивается мимо меня, задев мое плечо. В зеркале я вижу, как она уходит, маневрируя между столами, как между буйками.

Женщина в красном открывает дверь под звон колокольчика, захлопывает ее, и колокольчик снова звенит.

Я стою на месте. В зале тихо. Мой взгляд опускается на зонт. Глаза закрываются. «Будто внешний мир пытается проникнуть внутрь». Чувствую себя истерзанной, опустошенной. Опять я ничего не узнала.

Кроме одного – она со мной не спорила.

Думаю, она умоляла меня о чем-то.

Глава 62

– Доктор Фокс?

Приглушенный голос у меня за спиной. Кто-то осторожно дотрагивается до моего локтя. Я поворачиваюсь, приоткрываю веки.

Это мальчик Такеда.

Никак не вспомнить его имя. Я прикрываю глаза.

– Вам помочь?

Нужна ли мне помощь? Я в паре сотен ярдов от дома, стою посредине кафе в купальном халате, покачиваясь и зажмурившись. Да, мне нужна помощь. Я наклоняю голову.

Он крепко берет меня за локоть и говорит:

– Пойдемте отсюда.

Такеда ведет меня через зал, и мой зонт, как белая трость слепого, на ходу задевает стулья и колени. Нас обволакивает приглушенный гул разговоров.

Потом звенит колокольчик, в дверь врывается сквозняк, и парень слегка подталкивает меня ладонью в поясницу. Переступаю порог.

Снаружи воздух неподвижен – никакой мороси. Такеда хочет забрать у меня зонт, но я отвожу его в сторону.

Тогда молодой человек снова берет меня за локоть.

– Позвольте проводить вас домой, – любезно произносит он.

Мы пускаемся в путь. Его пальцы крепко обхватывают мою руку повыше локтя, как манжета для измерения давления. Я представляю себе, что он чувствует гул крови в моих артериях. Странно когда тебя вот так ведут, ощущаешь себя старухой. Мне хочется открыть глаза, заглянуть ему в лицо. Однако я этого не делаю.

Мы двигаемся рывками, мальчик Такеда приоравливается к моим шагам. Под ногами шуршат опавшие листья. Я слышу, как слева проносится машина. Сверху дерево роняет мне на голову и плечи дождевые капли. Интересно, не идет ли впереди нас самозванка? Воображаю, как она оборачивается и видит, что я преследую ее.

Такеда нарушает молчание:

– Родители рассказали мне, что случилось. Мне очень жаль.

Я киваю, не открывая глаз. Идем дальше.

– Наверное, вы давно не выходили из дома?

«В последнее время я выхожу на удивление часто», – думаю я, но опять киваю.

– Ну, мы почти дома. Вот он.

Мое сердце переполняется радостью.

Что-то задевает меня за колено – должно быть, зонт Такеда, который висит у него на руке.

– Извините, – говорит он.

Я не удосуживаюсь ответить.

Когда мы разговаривали с ним в последний раз? Думаю, в Хеллоуин, больше года назад. Верно – он открыл дверь, когда мы постучали. Я и Эд были в нарядной одежде, Оливия изображала пожарную машину. Он похвалил ее костюм, сунул ей в рюкзак конфеты. Пожелал веселого праздника. Такой милый мальчик.

А теперь, год спустя, он ведет по нашему кварталу меня, одетую в купальный халат, бредущую шаркающей походкой, с зажмуренными глазами.

Такой милый мальчик…

Это кое о чем мне напоминает.

– Ты знаешь Расселов? – Голос у меня слабый, но не сломленный.

Он останавливается. Возможно, удивлен, что я заговорила.

– Расселов?

Пожалуй, он ответил на мой вопрос, но я не сдаюсь:

– Они живут с другой стороны сквера.

– А-а, – говорит он. – Новых соседей я не знаю. Мама собиралась к ним зайти, но, наверное, еще не зашла.

Еще один удар мимо цели.

– Ну вот, пришли, – произносит Такеда, осторожно поворачивая меня вправо.

Я поднимаю зонт и, разлепив веки, вижу, что я перед воротами, а за ними маячит мой дом. Я вздрагиваю.

– У вас открыта дверь, – замечает мой спутник.

Разумеется, он прав – можно заглянуть прямо в освещенную лампой гостиную, сверкающую на фасаде дома, как золотой зуб во рту. Зонт дрожит у меня в руке. Я снова закрываю глаза.

– Вы оставили ее открытой?

– Да ладно, ничего страшного.

Его рука касается моего плеча и осторожно подталкивает меня вперед.

– Что вы делаете?

Это не его голос. Такеда снимает руку с моего плеча, у меня сами

собой распахиваются глаза.

Рядом с нами, съежившись в просторной толстовке, стоит Итан. Его лицо в сумерках кажется бледным. На одной брови заметна припухлость. Руки беспокойно шарят в карманах.

Слышу собственный голос: я бормочу его имя.

Такеда поворачивается ко мне:

– Вы знакомы?

– Что вы делаете? – делая шаг вперед, повторяет Итан. – Вам нельзя выходить из дома.

«Твоя лжемамуля может рассказать тебе об этом», – думаю я.

– Она в порядке? – спрашивает он.

– Думаю, да, – отвечает Такеда.

Каким-то образом я неожиданно вспоминаю, что его зовут Ник.

Я медленно перевожу взгляд с одного на другого. Они примерно одного возраста, но мой сопровождающий – это молодой человек, полностью сформировавшийся. Так сказать, окончательный вариант в мраморе. Итан, неуклюжий, узкоплечий, с рассеченной бровью, рядом с ним выглядит ребенком. Он и есть ребенок, напоминаю я себе.

– Можно... можно, я отведу ее в дом? – глядя на меня, говорит Итан.

Ник тоже смотрит на меня. Я киваю.

– Думаю, да, – соглашается он.

Итан делает к нам еще один шаг, кладет ладонь мне на спину. На миг я оказываюсь между мальчиками, примостившимися к моим лопаткам, наподобие крыльев.

– Если только вы не возражаете, – добавляет Итан.

Я смотрю ему в глаза, эти прозрачные голубые глаза.

– Не возражаю, – выдыхаю я.

Ник отпускает меня, отступает назад. Я беззвучно шевелю губами. Слова не идут с языка.

– Пожалуйста, – отвечает Ник и говорит Итану: – Наверное, у нее был шок. Нужно дать ей воды. – И выходит из ворот на улицу. – Не хотите, чтобы я зашел к вам попозже? – напоследок обращается он ко мне.

Я качаю головой. Итан пожимает плечами:

– Может быть. Посмотрим, что будет дальше.

– Хорошо. – Ник легонько машет рукой на прощанье. – Пока, доктор Фокс.

Зарядил дождик, брызги разлетаются от моего зонта.

– Пойдемте в дом, – говорит Итан.

Глава 63

В камине продолжает гореть огонь, как будто его только что разожгли. Я оставила его гореть. Какая безответственность.

Несмотря на гуляющий по дому ноябрьский сквозняк, здесь тепло. Как только мы входим в гостиную, Итан забирает у меня зонтик и ставит в угол, а я шаткой походкой бреду к родному очагу, к его манящему пламени, и валюсь на колени.

Некоторое время я прислушиваюсь к потрескиванию огня. Прислушиваюсь к собственному дыханию.

Спиной чувствую взгляд.

Дедушкины часы собираются с духом, звонят три раза.

Потом Итан идет в кухню. У раковины наполняет стакан водой. Ставит его рядом со мной, стекло легонько звякает о плитки пола.

– Почему ты врал? – спрашиваю я.

Молчание. Уставившись на пламя, жду ответа.

Слышу, как Итан делает шаг ко мне. Не вставая с коленей, я поворачиваюсь к нему. Он возвышается надо мной, тонкий как тростинка, на лице отсветы пламени.

– О чем? – наконец произносит он, потупившись.

Я качаю головой:

– Ты знаешь о чем.

Пауза. Он зажмуривается, тень ресниц ложится на щеки веером. Он кажется очень юным, моложе прежнего.

– Кто эта женщина? – упорствую я.

– Моя мать, – тихо отвечает он.

– Я встречалась с твоей матерью.

– Нет, вы... вы ошиблись. – Он мотает головой. – Вы не понимаете, что говорите. Так... – Он на миг умолкает. – Так сказал мой пapa, – заканчивает он.

Папа. Опершись руками о пол, я с трудом поднимаюсь.

– Так все говорят. Даже мои друзья. – Я проглатываю комок. – Даже муж. Но я уверена в том, что видела это.

– Папа считает, что вы сумасшедшая.

Я ничего не отвечаю.

Он отступает назад.

– Пора идти. Мне не следует быть здесь.

Я делаю шаг вперед.

– Где твоя мама?

Он молчит, смотрит на меня широко открытыми глазами. «Старайтесь найти деликатный подход к пациенту», – советовал нам Уэсли, только я уже прошла эту точку.

– Твоя мама умерла?

Ничего. Вижу, как в его глазах отражается пламя. Зрачки как крошечные искорки.

Потом он беззвучно шевелит губами.

– Что?

Наклонившись, я слышу, как он шепчет:

– Я боюсь.

Я не успеваю ответить. Он уже бросается к двери в прихожую, распахивает ее. Потом слышится скрип входной двери, и она с шумом захлопывается.

Я стою у камина, который обдает мне спину теплом, а из прихожей на меня веет холодом.

Глава 64

Закрыв дверь в прихожую, я поднимаю с пола стакан с водой и выплескиваю в раковину. Наливаю мерло, и горлышко бутылки звенит, ударяясь о стеклянный край. У меня дрожат руки.

Жадно пью и думаю, думаю. Чувствую себя обессиленной, но настроение приподнятое. Я отважилась выйти на улицу – и вышла на улицу – и осталась жива. Интересно, что скажет доктор Филдинг? Интересно, что следует ему рассказать? Может быть, ничего. Я хмурюсь.

Теперь я узнала больше. Самозванка паникует. Итан напуган. Джейн... ну что ж. Я ничего не знаю про Джейн. Но это больше, чем я знала раньше. Такое чувство, что я взяла пешку. Я – Мыслящая Машина.

Продолжаю жадно пить. Я еще и Пьющая Машина.

Я пью до тех пор, пока не успокаиваются нервы, – проходит час по дедушкиным часам. Наблюдаю за ходом минутной стрелки по циферблату. Воображаю, как мои вены наполняются вином, густым и бодрящим. Оно освежает меня, придает мне сил. Потом я плыву наверх. Замечаю на площадке кота. Увидев меня, он шмыгает в кабинет. Я следом за ним.

На столе вижу телефон, экран светится. Номер незнакомый. Ставлю бокал на стол. После третьего звонка провожу пальцем по экрану.

– Доктор Фокс. – Голос доносится, как из-под земли. – Говорит детектив Литл. Если помните, мы встречались в пятницу.

Я молча усаживаюсь за стол. Отодвигаю от себя бокал.

– Да, помню.

– Отлично, отлично. – У него довольный голос. Представляю себе, как он потягивается в кресле, закинув свободную руку за голову. – Как поживает добрый доктор?

– Хорошо, спасибо.

– Я полагал, вы захотите мне позвонить.

Я молчу.

– Узнал ваш номер в «Морнингсайд» и решил поинтересоваться, как вы. У вас все нормально?

Я только что сказала ему, что нормально.

– Да, спасибо.

– Отлично, отлично. Семья в порядке?

– В порядке. Все хорошо.

– Отлично.

К чему он клонит?

Затем тон его голоса меняется.

– Дело вот в чем – только что нам позвонила ваша соседка.

Ну конечно. Сука. Что ж, она меня предупредила. Честная сука. Протянув руку, я хватаю бокал с вином.

– Она говорит, вы преследовали ее по пути в кафе, что находится в вашем квартале. – Он ждет моего ответа. Я молчу. – Полагаю, вряд ли вы пошли туда сегодня, чтобы заказать себе кофе с молоком. Должно быть, вы не случайно столкнулись с ней.

Вопреки желанию я ухмыляюсь.

– Понимаю, сейчас у вас тяжелые времена. Плохая неделя.

Невольно киваю головой. Он такой приятный. Из него получился бы хороший психоаналитик.

– Но подобное поведение никому не поможет, и вам в том числе.

Он еще не произнес ее имени. Назовет ли?

– Сказанное вами в пятницу кое-кого сильно смущило. Только между нами. Миссис Рассел очень нервничает.

Вот оно, назвал-таки! Еще бы ей не нервничать. Она выдает себя за другую женщину.

– Думаю, ее сын тоже от этого не в восторге.

Я открываю рот:

– Я говорила...

– Значит, я... – Он умолкает. – Что вы сказали?

Я морщу губы:

– Ничего.

– Уверены?

– Да.

Он хмыкает.

– Хотел попросить вас – постараитесь не волноваться. Приятно слышать, что вы выходите из дома.

Это шутка?

– Как там ваш кот? Такой же своенравный?

Я не отвечаю. Похоже, Литл не придает этому значения.

– А ваш съемщик?

Я кусаю губы. Внизу стремянка подпирает дверь в цокольный этаж. Я видела там около кровати Дэвида сережку мертвой женщины.

– Детектив! – Я сжимаю телефон. Мне необходимо снова это услышать. – Вы действительно мне не верите?

Долгое молчание, затем он глубоко и шумно вздыхает.

– Простите, доктор Фокс. Наверное, вы убеждены в том, что, по вашим словам, случилось у вас на глазах. Я же... поверить в это не могу.

Ничего другого я и не ждала. Прекрасно. Все прекрасно.

– Знаете, если вы захотите с кем-нибудь переговорить, у нас есть хорошие консультанты, которые смогут вам помочь. Или вы просто выслушаете их.

– Спасибо, детектив. – Голос у меня напряженный.

Очередная пауза.

– Не принимайте все близко к сердцу, ладно? Я сообщу миссис Рассел о нашем разговоре.

Я вздрагиваю. И быстро даю отбой.

Глава 65

Прихлебывая вино, я хватаю телефон, выхожу в коридор. Мне хочется забыть о Литле. Хочется забыть о Расселах.

«Агора». Посмотрю, нет ли сообщений. Спускаюсь, ставлю бокал в кухонную раковину. Вхожу в гостиную, набираю свой пароль на экране телефона.

«Пароль неверный».

Я хмурюсь. Промахнулась неловкими пальцами. Во второй раз долблю по клавиатуре.

«Пароль неверный».

– Что такое? – удивляюсь я.

В гостиной становится темно, я включаю лампу. Еще раз аккуратно и осторожно набираю: 0214.

«Пароль неверный».

Телефон подергивается. Он заблокирован. Ничего не понимаю.

Когда я в последний раз набирала свой пароль? Чтобы ответить на звонок Литла, он не был мне нужен. До этого я звонила в Бостон по скайпу. В голове у меня туман.

Я в раздражении возвращаюсь в кабинет к компьютеру. Наверняка электронная почта не заблокирована. Ввожу пароль для компьютера, захожу на домашнюю страницу Gmail. Мой псевдоним предварительно введен в адресное поле. Медленно набираю пароль.

Да – я вошла. Восстановление доступа в мой телефон достаточно простое – через шестьдесят секунд во входящих сообщениях появляется код замещения. Я ввожу его на экране телефона, потом изменяю на 0214.

И все-таки, какого черта? Может, истек срок действия пароля – такое бывает? Или я его изменила? Или все дело в неловких пальцах? Грызу ноготь. Память моя уже не та, что прежде. Как и двигательные навыки. Смотрю на бокал с вином.

В моем почтовом ящике меня ожидает несколько писем. Обращение от нигерийского принца, остальное – депеши от моей команды «Агоры». Я посвящаю ответам час. Митзи из Манчестера недавно поменял препараты для подавления тревожности. Кала88 помолвлена. А БабуляЛиззи, похоже, сумела сегодня днем в сопровождении сыновей сделать несколько шагов по двору. Пожалуй, и я тоже.

После шести на меня неожиданно наваливается усталость. Обмякнув, я падаю вперед, словно подушка, после того как ее хорошо взбили, и кладу голову на стол. Мне надо поспать. Вечером приму двойную дозу темазепама. А завтра смогу заняться Итаном.

Один из моих пациентов, не по годам развитой, начинал каждый сеанс словами: «Это очень странная вещь, но...» – а затем принимался описывать совершенно ординарные события. Сейчас я чувствую то же самое. Это очень странно, но то, что минуту назад казалось таким важным – что казалось важным с четверга, – вдруг съежилось и погасло, как пламя на ветру. Джейн. Итан. Та женщина. Даже Алистер.

Я носилась на всех парах, а теперь на последнем издыхании. «На винных парах», – слышу насмешливые слова Эда. Ха-ха.

Я поговорю с ними. Завтра. С Эдом и Ливви.

**Понедельник,
8 ноября**

Глава 66

– Эд.

Потом, минуту спустя – или, может быть, час:

– Ливви.

Мой голос был не громче дыхания. На уровне глаз парило маленькое облачко, призрачно-белое в промерзшем воздухе.

Откуда-то доносилось чириканье – оно звучало неподалеку, не умолкая, на одной ноте, как голос обезумевшей птицы.

Потом оно прекратилось.

Взор застилала тонкая красная пелена. Голова пульсировала от боли. Болели ребра и спина. В горле сильно жгло.

К моему лицу сбоку прижималась смятая подушка безопасности. Перед глазами висело растрескавшееся, искореженное лобовое стекло.

Я нахмурилась. У меня в голове перезапускался какой-то процесс, был какой-то сбой в системе, звучал сигнал тревоги.

Я глубоко вздохнула, закашлялась. Услышала, как хриплю от боли. Покрутила головой, почувствовала, что макушка упирается во что-то. Необычно, правда? И я чувствовала, что слюна скапливается у нёба. Каким образом...

Звон прекратился.

Понятно, автомобиль перевернулся.

Я вновь закашлялась. Мои руки опустились, уперлись в обшивку у моей головы, словно пытаясь перевернуть машину, вытолкнуть меня вверх. Я услышала, как вою, бормочу что-то.

Я повернула голову. И увидела затылок Эда. Он не шевелился. Из уха у него сочилась кровь.

Я позвала его по имени, просто попыталась выдохнуть этот единственный слог, растаявший в морозном воздухе крошечным облачком. Горло у меня сильно саднило, сдавленное ремнем безопасности.

Я облизнула губы. Языком нащупала пустоту в верхней десне на месте зуба.

Ремень безопасности, как проволока, врезался в пояс. Правой рукой я нажала на пряжку, нажала сильнее, охнула, когда она щелкнула. Ремень съехал с моего тела, и я повалилась на крышу.

Чириканье. Запинающийся сигнал ремня безопасности. Потом тишина.

Приборная панель отсвечивала красным. Я шумно выдохнула. Раскинула руки по потолку. Уперлась ладонями. Повернула голову.

Оливия висела на ремнях заднего сиденья, закинув голову с «конским хвостом». Я вывернула шею, оперлась плечом о потолок, протянула руку к ее щеке. Пальцы у меня дрожали.

Кожа была ледяной на ощупь.

Согнув локоть, я отвела ноги вбок, жестко приземлилась на стекло люка, опутанное паутиной трещин. Оно заскрежетало под тяжестью моего тела. С трудом притискиваясь на согнутых коленях, я подползла к дочери. Сердце мое колотилось. Я схватила Оливию за плечи. Потрясла.

Пронзительно закричала.

И забилась в отчаянии. Ее голова безжизненно моталась, волосы разметались.

— Ливви! — кричала я, ощущая на губах и во рту кровь. Горло жгло огнем. — Ливви, — позвала я, и по моим щекам заструились слезы. — Ливви, — выдохнула я, и ее глаза открылись.

Сердце мое на миг остановилось.

Она посмотрела на меня, заглянула мне в прямо душу, прошептав единственное слово:

— Мамочка...

Я надавила большим пальцем на пряжку ее ремня безопасности. Ремень со свистом освободился, и я, бережно придерживая голову дочери, обхватила ее обмякшее тельце. Одна ее рука свободно болталась в рукаве.

Я уложила Ливви рядом с люком.

— Ш-ш, — повторяла я, несмотря на то что она не издавала ни звука и у нее снова были закрыты глаза.

Она была похожа на спящую царевну.

— Эй. — Я потрясла ее за плечо. Она вновь посмотрела на меня. — Эй, — повторила я, пытаясь улыбнуться.

Лицо у меня словно онемело.

Я подалась к двери, ухватилась за ручку, дернула. Дернула еще раз. Услышала щелканье замка. Надавила на окно, прижимаясь пальцами к стеклу. Дверь беззвучно распахнулась, открываясь во тьму.

Я стала выползать из машины и, прижимая ладони к земле, почувствовала обжигающий холод. Уперлась в землю локтями и, отталкиваясь коленями, высунулась из кабины и хлопнулась грудью на снег. Он заскрипел подо мной. Я продолжала ползти вперед. Бедра. Колени. Голени. Ступни. Отворот на брюках зацепился за крючок для одежды. Я

дернулась и наконец освободилась из плена.

Перекатилась на спину. Позвоночник словно прошило электрическим разрядом. Я судорожно вздохнула. Поморщилась от боли. Голова болталаась, будто шеи не было.

Нет времени. Нет времени. Я сгруппировалась, подтянула ноги – к счастью, они слушались исправно – и встала на колени перед машиной. Огляделась вокруг.

Посмотрела наверх. Перед глазами все кружилось.

Над головой сиял необъятный звездный купол неба. Невероятных размеров луна светила ярко, как солнце, и раскинувшееся внизу ущелье своей игрой света и тени напоминало гравюру на дереве. Снегопад почти прошел, в воздухе порхали заплутавшие снежинки. Вокруг меня был первозданный мир.

И никаких звуков...

Тишина. Полная, абсолютная тишина. Ни дуновения ветра, ни шороха ветвей. Немой фильм, стоп-кадр. Я развернулась на коленях, услышала поскрипывание снега под ними.

Пора спуститься с небес на землю. Автомобиль лежал, зарывшись капотом в снег, задний бампер был чуть задран. Видно было выставленное напоказ шасси, как брюшко насекомого. Я вздрогнула. Позвоночник свело от боли.

Я нырнула обратно через дверь, ухватилась за пуховик Оливии. И стала тянуть. Проволокла ее по люку, мимо подголовника, вытащила из машины. Обхватила руками ее безвольное маленькое тело. Окликнула по имени. Еще раз позвала. Она открыла глаза.

– Привет, – сказала я.

Ее веки, затрепетав, закрылись.

Я положила ее рядом с машиной, потом оттащила подальше – вдруг та опрокинется. Голова Оливии склонилась к плечу. Я осторожно поддержала ее и повернула лицом к небу.

Я остановилась передохнуть, мои легкие работали, как мехи. Взглянула на свое дитя – ангел на снегу. Дотронулась до поврежденной руки. Оливия не шевельнулась. Дотронулась снова, более твердо, и увидела, как ее лицо исказилось гримасой.

Следующий – Эд.

Я снова заползла внутрь и лишь тогда поняла, что его не вытащить через заднюю дверь. Подалась назад, двигаясь вперед ногами, и потянулась к ручке передней двери. Нажала на нее. Нажала снова. Замок щелкнул, дверь открылась.

На лицо Эда падал красноватый от свет приборной панели. Отстегивая ремень безопасности, я недоумевала, каким образом аккумулятор остался цел после удара. Эд съехал вниз обмякшим кулем. Я подхватила его под мышки.

И поволокла его тело по потолку, ударившись головой о рычаг переключения передач. Когда удалось вылезти из машины, я увидела, что лицо у Эда в крови.

Я поднялась, дотащила его, пятясь и пошатываясь, до места, где лежала Оливия, и положила рядом. Она пошевелилась. Он – нет. Я схватила его за руку, приподняла рукав и прижала пальцы к коже. Пульс едва прощупывался.

Мы оказались под россыпью звезд, у подножия вселенной. Я слышала неумолчное пыхтение локомотива – собственное дыхание. Я задыхалась. Пот струился по бокам, щекотал мне шею.

Я завела руку за спину, осторожно прощупала позвоночник. Позвонки между лопатками обожгло болью.

Я глубоко вдохнула, потом выдохнула. Стала наблюдать за Оливией и Эдом. У обоих от губ поднимался еле заметный парок дыхания.

Повернулась кругом.

Я обшаривала глазами отвесную скалу высотой в сотню ярдов, сверкающую под луной флуоресцирующим белым светом. Невидимая отсюда дорога пролегала где-то над головой, но до нее было никак не добраться. Наша машина упала на небольшую скалистую площадку, выступ склона. За ее пределами и ниже – бездна. Звезды, снег, пространство. Тишина.

Мой телефон.

Я похлопала по карманам – передним, задним, внутренним, – а потом вспомнила, как Эд схватил телефон, стал размахивать им и он упал на пол, крутясь у моих ног, а на экране светилось то имя.

Я нырнула в машину в третий раз, обшарила потолок и наконец у лобового стекла нашла мобильный с неповрежденным экраном. Я была поражена тем, что он уцелел, в то время как мой муж истекает кровью, дочь и я ранены, наш внедорожник разбит. Дар из другой эры, с другой планеты. Экран показывал время 22:27. Мы съехали с дороги почти полчаса назад.

Скорчившись в кабине, я провела большим пальцем по экрану, набрала 911 и, поднеся телефон к уху, ощутила, как он дрожит у щеки.

Ничего. Я нахмурилась.

Я завершила вызов, вылезла из машины, осмотрела экран. Сигнала не

было. Я опустилась на колени. Набрала снова.

Ничего.

Набрала еще два раза.

Ничего. Ничего.

Я встала, нажала на кнопку громкой связи. Выбросила руку в воздух.
Ничего.

Обошла машину вокруг, увязая в снегу. Набрала снова. И снова.
Четыре раза, восемь раз, тринадцать раз. Я уже потеряла счет.

Ничего.

Ничего.

Ничего.

Я пронзительно закричала. Вопль вырвался у меня из глотки, раздробил ночь на ледяные осколки. Эхо стайкой умчалось вдаль и пропало. От крика стало жечь язык, и мой голос иссыпался.

Я резко повернулась, у меня закружилась голова. Швырнула телефон на землю. Он утонул в снегу. Я подняла его и забросила дальше. Меня начала душить паника, и я ринулась вперед, барахтаясь в снегу. Схватила телефон, снова набрала номер.

Ничего.

Вернулась к Оливии и Эду. Они неподвижно лежали рядом, ярко освещенные луной.

К горлу подступили рыдания, я задыхалась. Колени у меня подогнулись, как лезвие складного ножа. Я медленно опустилась на землю и улеглась между мужем и дочерью. Я плакала.

Я проснулась, сжимая в холодных посиневших пальцах телефон. 00:58. Аккумулятор сел, осталось лишь одиннадцать процентов. Не имеет значения, решила я, все равно не дозвониться до службы спасения, никуда не дозвониться.

Все же я попыталась. Не вышло.

Я повернула голову налево, потом направо – с обеих сторон от меня еле слышно дышали Эд и Ливви. Лицо Эда в запекшейся крови, к щекам Оливии прилипли пряди. Я положила ладонь ей на лоб. Холодный. Не лучше было бы остаться в машине? Но что, если... я не знала – что, если она покатится? Что, если взорвется?

Я села. Потом встала. Посмотрела на громаду машины. Обвела взглядом небо – полная луна, сонмище звезд. Медленно повернулась к горе.

Приближаясь к ней, я размахивала телефоном, держа его перед собой, как волшебную палочку. Поднесла палец к экрану, включила фонарик.

Яркий свет, крошечная звездочка у меня в руке.

Освещенная поверхность скалы была абсолютно ровной. Не за что ухватиться пальцами, не за что уцепиться ногтями, ни растения или ветки, ни выступа – каменистая осыпь, неприступная стена. Я обошла маленькую площадку, на которую упал внедорожник, исследовала каждый дюйм. Направила луч фонарика вверх, и ночь поглотила его.

Ничего. Все превратилось в ничто.

Десять процентов мощности. 01:11.

В детстве я любила созвездия, изучала их, летними вечерами на заднем дворе разрисовывала небесными картами целые рулоны оберточной бумаги. Вокруг солнечные васильки, под локтями мягкая трава. Теперь созвездия проходили парадом у меня над головой – блещущие в зимней ночи герои: яркий Орион, скачущий за ним Большой Пес, Плеяды, рассыпавшиеся драгоценными камнями вдоль плеча Тельца. Близнецы. Персей. Кит.

Искаженным голосом, как заклинание, я бормотала их имена Ливви и Эду, чьи головы привалились к моей груди, поднимаясь и опускаясь в такт моему дыханию. Я гладила их волосы, губы, щеки.

Все эти звезды излучали холод. Мы дрожали под ними. Мы впали в забытье. В 04:43 я очнулась. Оглядела обоих – сначала Оливию, потом Эда. Я насыпала ему на лицо горсть снега. Он даже не вздрогнул. Потом потерла снегом кожу, чтобы стереть кровь, он дернулся.

– Эд, – тронув его за плечо, позвала я.

Никакой реакции. Я снова проверила его пульс. Он участился и стал еще слабее.

У меня сводило живот от голода. Я вспомнила, что мы так и не поужинали. Должно быть, Ливви и Эд тоже голодны.

Я нырнула в машину. Свет приборной панели померк и еле мигал. Вот он, рюкзак с сэндвичами и пакетами с соком. Едва я успела схватить его, как панель совсем погасла.

Оказавшись снаружи, я сняла с сэндвича целлофан. Порыв ветра подхватил его, и я смотрела, как он уплывает вверх, как паутинка, как блуждающий огонек. Отломив кусочек хлеба, я поднесла его к губам Оливии.

– Эй, – пробормотала я, щекоча ее щеку пальцами, и она открыла глаза. – Съешь, – предложила я, засовывая хлеб ей в рот.

Ее губы раскрылись, хлеб исчез там, как тонущий пловец. Я вставила соломинку в пакет с соком. Сок запузырился и тонкой струйкой потек на

снег. Я подсунула руку под голову Оливии и, приподняв ее лицо, сдавила пакет. Она стала пить крошечными глотками. Через несколько мгновений ее голова свесилась мне на руку, а глаза закрылись. Я осторожно опустила ее на землю.

Следующий – Эд.

Я встала рядом с ним на колени, но он не желал открывать ни рот, ни глаза. Я постукивала кусочком хлеба по его губам, гладила щеку, словно это могло разжать ему челюсти, но Эд не шевелился. Меня охватила паника. Я наклонилась к его лицу. Кожу обдало теплом дыхания, слабого, но ровного. Я с облегчением вздохнула.

Если он не в состоянии что-то съесть, то уж пить-то наверняка может. Я потерла его пересохшие губы снегом, потом засунула ему в рот соломинку. Сомкнула пальцы вокруг пакета. Сок потек по подбородку Эда, щетина стала мокрой.

– Давай, – упрашивала я, но жидкость текла мимо рта.

Я вынула соломинку и положила Эду на губы, на язык крупинки снега. Пусть смочит ему горло.

Потом уселась на снег, потянула сок из соломинки. Слишком сладкий. Тем не менее я осушила пакет.

Из машины я достала мешок, набитый пуховиками и лыжными штанами. Вынула их, укрыла Ливви и Эда.

Взглянула на небо. Оно было непостижимо огромным.

Я почувствовала на веках свет. Открыла глаза.

И сощурилась. Над нами простипалось необъятное, бесконечное небо, глубокий океан облаков. На меня падали снежинки, похожие на цветы. Я посмотрела на телефон. 07:28. Пять процентов мощности.

Оливия слегка заворочалась во сне, оперлась на левую руку, правая бессильно вытянулась вдоль тела. Щекой она прижималась к земле. Я перевернула ее на спину, смахнула снег со щеки. Нежно потрогала за ухо.

Эд не двигался. Я наклонилась к его лицу. Он все еще дышал.

Телефон отогревался в кармане моих джинсов. Теперь я выудила его – вдруг удача улыбнется? – вновь набрала 911. Затаив дыхание, представила себе, что он звонит, почти услышала его трели около уха.

Ничего. Я уставилась на экран.

Посмотрела на машину, беспомощно лежащую на крыше, как раненое животное на спине. У нее был какой-то неестественный, будто смущенный вид.

Потом бросила взгляд на долину, ощетинившуюся деревьями, на

тонкую серебристую ленту реки, которая змеилась где-то далеко внизу.

Я встала и повернулась.

Надо мной возвышалась гора. При свете дня я увидела, что неправильно оценила высоту, с которой мы упали, — мы находились по меньшей мере в двухстах ярдах от дороги, и каменистая поверхность выглядела даже более неприступной, чем мне показалось ночью. Мой взгляд поднимался выше и выше, пока не достиг вершины.

Я сжала рукой горло. Мы рухнули с такой высоты и выжили.

Чтобы увидеть небо, пришлось еще больше закинуть голову. Я зажмурилась. Оно казалось таким необъятным. Я ощущала себя крохотной фигуркой в кукольном домике. Словно видела себя издалека — еле заметную точку. Я повернулась кругом, закачалась.

Все поплыло у меня перед глазами. Я почувствовала резкую боль в ногах.

Я затрясла головой, потерла глаза. Мир вокруг сжался, вернулся в прежние границы.

Несколько часов я дремала рядом с Эдом и Оливией. Когда я очнулась, было 11:10. На нас волнами налетал снег, ветер свистел над головой, как хлыст. Звучали близкие раскаты грома. Я смахнула с лица снежинки, вскочила.

Все тот же туман перед глазами, как рябь на воде, и на этот раз у меня подогнулись колени. Я начала валиться на землю.

— Нет, — хрюпала произнесла я.

Распластав руку на снегу, я попробовала встать.

Что со мной происходит?

Нет времени, нет времени. Я оттолкнулась от земли, поднялась. Увидела перед собой Оливию и Эда, наполовину занесенных снегом.

И принялась затачивать их в машину.

Почему время ползло так медленно? В последовавший за этим год казалось, что два месяца проходят быстрее, чем те несколько часов с Эдом и Оливией в перевернувшейся машине, когда за окнами толща снега нарастала, как приливная волна, а лобовое стекло скрипело и дрожало под его напором.

По мере того как шум снаружи усиливался, а свет внутри меркнул, я пела дочери популярные и детские песенки, придуманные мной мелодии. Я рассматривала изгибы ее уха, проводила по ним пальцем, бубнила ей на ухо. Я прижалась к мужу, сплела свои ноги с его ногами, держала его за

руки. Я жадно съела сэндвич, залпом выпила пакетик сока. Откупорила бутылку вина и только потом сообразила, что это приведет к обезвоживанию. Но мне хотелось выпить. Так хотелось.

Было ощущение, что мы под землей. Мы спрятались в какое-то тайное и темное убежище, скрытое от мира. Я не знала, когда мы выберемся отсюда. Как выберемся. Выберемся ли вообще.

В какой-то момент мой телефон отключился. В 15:40 оставалось два процента от мощности батареи. Я заснула, а когда проснулась, экран был темным.

Вокруг было тихо, если не считать завываний ветра, и неровного дыхания Ливви, и чуть слышного клокотания в горле у Эда. И моих сдавленных рыданий, рождавшихся где-то глубоко внутри.

Тихо. Абсолютно тихо.

Я очнулась в чреве машины, перед глазами плыл туман. Но потом увидела просачивающийся в кабину свет, тусклое мерцание за лобовым стеклом, услышала тишину так, как обычно слышишь шум. Тишина жила в машине, словно живое существо.

Высвободившись, я потянулась к дверной ручке. Она ободряюще щелкнула, но дверь не поддавалась.

Нет.

Я поползла на коленях, перекатилась на поврежденную спину, уперлась ступнями о дверь и толкнула. Она немного подалась, но снег мешал ей открыться. Я стала лягать ногами окно. Кое-как удалось преодолеть сопротивление снежной массы, и в кабину хлынула небольшая лавина.

На животе я выползла наружу, плотно зажмурив глаза от света. Когда я вновь открыла их, над далекими горами разгоралась заря. Я встала на колени, обозревая новый мир вокруг: заснеженную долину, далекую реку, пушистый белый ковер под ногами.

Я покачнулась, стоя на коленях. Потом услышала треск и поняла, что не выдержало ветровое стекло.

Утопая в глубоком снегу, я доковыляла до переда машины и увидела пролом в стекле. Вернулась к пассажирской двери, залезла внутрь. Снова я вытащила из-под обломков крушения сначала Ливви, потом Эда и уложила рядом на землю.

Я стояла над ними, еле переводя дух, и дыхание вырывалось у меня изо рта облачками пара. Сердце готово было выскочить из груди, и опять

все поплыло перед глазами. Казалось, небо нависает надо мной, давит на меня. Я рухнула на землю, плотно сомкнув веки.

И завыла, как дикий зверь. Перевернулась на живот, распростерла руки над Оливией и Эдом, прижала их к себе и зарыдала, уткнувшись в снег.

Так нас и нашли.

Глава 67

Я просыпаюсь в понедельник утром с намерением поговорить с Уэсли.

Запуталась в простынях, и приходится отдирать их от тела, как кожуру от яблока. Сквозь окна льется солнце, освещая постельное белье. Кожа у меня светится от внутреннего тепла. Чувствую себя непривычно красивой.

Телефон лежит на подушке рядом со мной. Пока у моего уха мурлычет звонок, я думаю, что Уэсли мог изменить номер, но потом слышу его рокочущий голос, который невозможно перекричать. «Оставьте сообщение», – командует он.

Я этого не делаю. Вместо этого звоню ему в офис.

– Это Анна Фокс, – сообщаю я женщине, ответившей на звонок.

Судя по голосу, она молода.

– Доктор Фокс, Фиби у телефона.

Я ошиблась.

– Извините. – Вообще-то, я работала с Фиби почти год, и она далеко не юна. – Я вас не узнала. Что-то с голосом.

– Правильно. Похоже, я простудилась, поэтому немного охрипла. – Она, как всегда, вежлива. Такие у нее манеры. – Как поживаете?

– Хорошо, спасибо. Уэсли на месте?

Конечно, Фиби держит себя очень официально, но, возможно, позовет его...

– Доктор Брилл, – говорит она, – все утро проводит совещания, но я могу попросить его позвонить вам позже.

Я благодарю ее:

– Да, хорошо, спасибо.

Диктую свой номер и завершаю разговор.

Интересно, перезвонит ли он мне.

Глава 68

Я направляюсь вниз. Никакого вина сегодня, решаю я, или, во всяком случае, не утром. Нужна ясная голова для разговора с Уэсли. С доктором Бриллом.

Первым делом главное – иду в кухню, нахожу стремянку, которой я подперла дверь цокольного этажа. В утреннем свете, ослепительно-ярком, она кажется хлипкой, ненадежной. Дэвид мог бы выбить эту подпорку ударом плеча. На миг в голову мне закрадывается сомнение: ну да, у него на тумбе лежала женская серьга – и что с того? «Ты ведь не знаешь, что сережка принадлежала ей», – сказал Эд, и это правда. Три маленькие жемчужины, – кажется, у меня есть похожие серьги.

Я слежу за стремянкой, словно она может зашагать в мою сторону на тонких алюминиевых ножках. Вижу поблескивающую на столешнице бутылку мерло, рядом с ключами от дома, висящими на крючке. Нет, никакой выпивки. К тому же дом и так заставлен винными бокалами. Где же я видела нечто подобное? Да, в триллере «Знаки». Довольно посредственный фильм, запомнившийся благодаря великолепному Бернарду Херрману^[30]. Развитая не по годам дочь разбрасывает повсюду недопитые чашки с водой, что в конечном счете отпугивает пришельцев из космоса. «Зачем инопланетянам прилетать на Землю, если у них аллергия к воде?» – разглагольствовал Эд. Это было наше третье свидание.

Я становлюсь рассеянной. Так, наверх, в кабинет.

Сажусь за письменный стол, кладу телефон рядом с ковриком для мыши, подключаю его к компьютеру для зарядки. Смотрю на монитор: на часах начало двенадцатого. Позже, чем я думала. Та пиллюля темазепама действительно вырубила меня. Если точно, те пиллюли. Множество.

Бросаю взгляд в окно. На другой стороне улицы из входной двери точно по расписанию появляется миссис Миллер и бесшумно закрывает ее за собой. Я вижу, что сегодня утром она в темном зимнем пальто. Ее дыхание превращается в облачка пара. Я открываю приложение с погодой. На улице минус одиннадцать по Цельсию. Я встаю, иду к терmostату на площадке.

Интересно, как там муж Риты? Я уже давно его не видела, давно не наблюдала за ним.

Вернувшись за стол, я смотрю через сквер на дом Расселов. Окна пустые. «Итан, – думаю я. – Надо поговорить с Итаном». Вчера вечером я

почувствовала его нерешительность. «Мне страшно», – сказал он, широко раскрыв безумные глаза. Ребенок страдает. Мой долг – помочь ему. Что бы ни случилось с Джейн, я должна оберегать ее сына.

Что мне делать дальше?

Я кусаю губы. Загружаю шахматный форум. Начинаю играть.

Проходит час, миновал полдень, но мне ничего не приходит в голову.

Я только что налила себе вина – в очередной раз – и опять погрузилась в размышления. Этот вопрос, как фоновый шум, гудит у меня в голове: как связаться с Итаном? Через каждые пять минут я бросаю взгляд через сквер, будто ответ может быть начертан на стене дома. Звонить по домашнему телефону нельзя, а мобильного у мальчика нет. Попытайся я каким-то образом сигнализировать ему, его отец или та женщина могут увидеть меня первыми. Никакого электронного адреса, как он мне сказал, никакой страницы в «Фейсбуке». «...Некоторых людей не существует».

Он изолирован почти в той же степени, что и я.

Я откидываюсь в кресле, прихлебываю вино. Опускаю бокал. Смотрю, как луч полуденного солнца крадется по подоконнику. Тренькает компьютер. Я хожу конем, перемещая его буквой «Г» по шахматной доске. Жду ответного хода.

На компьютерных часах 12:12. Уэсли молчит – да и позвонит ли он? Или попытаться самой? Я беру телефон, провожу по нему пальцем.

Звоночек с компьютера – почта. Я хватаю мышь, увожу курсор с шахматной доски. Кликаю на браузер. Другой рукой подношу бокал к губам. Он светится на солнце.

Я заглядываю поверх края бокала в почтовый ящик. В нем только одно письмо, тема не указана, имя отправителя набрано жирным шрифтом.

Джейн Рассел.

Мои зубы стукнули о бокал.

Я пристально смотрю на экран. Воздух вокруг меня вдруг становится разреженным.

Дрожащей рукой ставлю бокал на стол, вино в нем подрагивает. Хватаю мышь, и она впивается мне в ладонь. Я почти не дышу.

Курсор перемещается на ее имя. Джейн Рассел.

Кликаю.

Сообщение открывается, белое поле. Текста нет, только иконка приложения, крошечная скрепка. Я два раза кликаю на нее.

Экран темнеет.

Начинается загрузка изображения, медленно, полоса за полосой.

Зернистые темно-серые полосы.

Я осталась одна. По-прежнему не могу дышать.

Экран, строка за строкой, заполняет темнота, как опускающийся занавес. Проходит мгновение. Другое.

Потом...

Переплетение... ветвей? Нет – темные спутанные волосы крупным планом.

Черты лица со светлой кожей.

Закрытый глаз, окаймленный шторкой ресниц.

Там кто-то есть. Я смотрю на лицо спящего человека.

Смотрю на свое спящее лицо.

Изображение неожиданно расширяется, нижняя часть появляется в поле зрения – и вот она я, моя голова целиком. На бровь упала прядь волос. Глаза плотно сомкнуты, рот слегка приоткрыт. Щека утонула в подушке.

Я вскакиваю. Стул подо мной опрокидывается.

Джейн прислала фотографию – меня щелкнули спящей. Эта мысль внедряется мне в голову медленно, как это фото, которое открывается еле-еле.

Джейн была ночью в моем доме.

Джейн была в моей спальне.

Джейн смотрела, как я сплю.

Я стою ошеломленная, в оглушающей тишине. А потом замечаю в нижнем правом углу еле заметные цифры. Временная метка – сегодняшнее число, два часа две минуты.

Нынешняя ночь. Два часа. Как это возможно? Я смотрю на адрес электронки, помещенный рядом с именем отправителя:

угадайктоанна@gmail.com.

Глава 69

Значит, это не Джейн. Кто-то воспользовался ее именем. Кто-то смеется надо мной.

Мои мысли, как стрелы, летят вниз. Дэвид, за той дверью.

Я обхватываю себя руками. Думай. Не паникуй. Сохраняй спокойствие.

Открыл ли он ту дверь? Нет – я нашла стремянку на прежнем месте.

Итак – руки у меня трясутся, наклоняюсь вперед, распластиваю ладони по столу, – итак, Дэвид сделал дубликат моего ключа? В тот вечер, когда я привела его в постель, я слышала на площадке какие-то звуки. Может, он бродил по дому и украл ключ из кухни?

Правда, час назад я видела ключ на крючке, а загородила я дверь в цокольный этаж вскоре после ухода Дэвида – войти он не мог.

Если только... Конечно, конечно, возможность проникнуть сюда у него была. В любое время, с помощью дубликата ключа. Взамен оригинала.

Однако вчера Дэвид уехал. В Коннектикут.

По крайней мере, так он мне сказал.

Я гляжу на свое изображение на экране, на полумесяцы ресниц, на ряд зубов, выглядывающих из-под верхней губы... Абсолютная незащищенность. Я вздрагиваю. Чувствую во рту кислый вкус.

«Угадайктоанна». Кто это мог быть, если не Дэвид? И зачем ему это? Кто-то не только нарушил границы моего дома, вошел в мою спальню, сфотографировал меня спящую – он хочет, чтобы я об этом знала.

И ему все известно про Джейн.

Я обеими руками беру бокал. Пью, жадно пью. Опускаю бокал и беру телефон.

Голос Литла невнятен и тих. Может быть, он спал. Не имеет значения.

– Кто-то был в моем доме, – говорю я ему.

Сейчас я в кухне с телефоном в одной руке и бокалом в другой. Упорно смотрю на дверь цокольного этажа. Когда я произношу вслух эти невозможные слова, они звучат плоско, неубедительно. Нереально.

– Доктор Фокс, – приветливо произносит Литл, – это вы?

– Кто-то приходил в мой дом в два часа ночи.

– Подождите-ка. – Я слышу, как он перекладывает телефон в другую руку. – Кто-то был у вас дома?

– В два часа ночи.

– Почему вы не сообщили раньше?

– Потому что в это время я спала.

Его голос смягчается. Он думает, что поймал меня.

– Тогда как вы узнали, что кто-то был у вас дома?

– Потому что он сделал фотографию и прислал ее мне по электронке.

Пауза.

– Какую фотографию?

– Сфотографировал меня. Во сне.

Его тон становится более сдержаным:

– Вы в этом уверены?

– Да.

– А... сейчас, не хочу вас пугать...

– Я уже напугана.

– Вы уверены, что сейчас в доме никого нет?

Я цепенею. Это не приходило мне в голову.

– Доктор Фокс? Анна?

– Да.

Конечно, здесь никого нет. Наверняка я уже знала бы об этом.

– Вы можете... в состоянии выйти из дома?

Мне впору засмеяться, но я лишь выдыхаю:

– Нет.

– Ладно. Просто оставайтесь на месте. Не надо... в общем, будьте на месте. Хотите, чтобы я оставался на линии?

– Я хочу, чтобы вы сюда приехали.

– Сейчас мы приедем.

«Мы приедем». Значит, Норелли будет с ним. Хорошо. Хочу, чтобы она увидела фото. Потому что это реально. Тут не поспоришь.

Литл продолжает говорить, я слышу его дыхание.

– О чем бы хотелось вас попросить, Анна. Будьте у входной двери. На тот случай, если вам понадобится выйти. Мы сможем приехать очень быстро, буквально через несколько минут, но если нужно будет покинуть дом...

Я смотрю на дверь прихожей, иду к ней.

– Мы уже в машине. Приедем совсем скоро.

Я медленно киваю, глядя, как приближается ко мне дверь.

– В последнее время вы смотрели фильмы, доктор Фокс?

Не могу заставить себя открыть дверь. Не могу ступить ногой в эту сумеречную зону. Я качаю головой. Волосы касаются моих щек.

— Какие-нибудь из ваших старых триллеров?

Я снова качаю головой, пытаюсь сказать «нет» и вдруг понимаю, что по-прежнему сжимаю бокал с вином. Перед незваным гостем или кем бы то ни было — а я не думаю, что он здесь, — не стоит появляться в таком виде. Надо избавиться от бокала.

Но рука у меня тряется, и вино выплескивается на халат. Ярко-красное пятно над сердцем похоже на рану.

Литл продолжает бубнить мне в ухо:

— Анна? С вами все хорошо?

А я возвращаюсь в кухню с прижатым к виску телефоном и ставлю бокал в раковину.

— ...у вас там все в порядке? — волнуется Литл.

— Нормально, — говорю я.

Открываю кран, скидываю халат и, оставшись в футболке и трениках, сую его под струю воды. Пятно от вина пузырится под струей, истекает кровью, тускнеет, становится бледно-розовым. Я сжимаю ткань, и мои пальцы белеют от холодной воды.

— Вы можете подойти к входной двери?

— Да.

Со стиркой покончено. Я вытаскиваю халат из раковины и отжимаю его.

— Хорошо. Оставайтесь там.

Встряхивая халат, я обнаруживаю, что у меня кончились бумажные полотенца — бобина пустая. Я выдвигаю ящик с бельем. И внутри, поверх стопки сложенных салфеток, снова вижу себя.

Не крепко спящую, снятую крупным планом, не утонувшую щекой в подушке, а с сияющим лицом, откинутыми назад волосами, живыми блестящими глазами, — портрет чернилами на бумаге.

«Ловко у тебя получается», — сказала я тогда.

«Оригинал от Джейн Рассел», — усмехнулась она.

А потом подписала рисунок.

Глава 70

Лист бумаги дрожит у меня в руке. Я смотрю на косо поставленную подпись в углу.

А ведь я уже начала во всем сомневаться. Начала сомневаться в существовании Джейн. И все же вот оно – воспоминание о том пропавшем вечере. Напоминание. Memento. Memento mori. Помни о смерти.

Помни.

И я помню – помню шахматы и шоколад, помню сигареты, вино, экскурсию по дому. Но больше всего я помню Джейн, такую живую и яркую. Как она хотела и пила, как наклонялась к окну, чтобы взглянуть на свой дом. «Дом что надо», – бормотала она.

Она здесь была.

– Мы почти приехали, – говорит Литл.

– У меня есть... – Я откашливаюсь. – У меня есть...

Он перебивает меня:

– Мы поворачиваем на...

Но я не слушаю его, потому что в окно вижу, как из двери выходит Итан. Должно быть, все это время он был дома. Я целый час ежеминутно посматривала в ту сторону, переводя взгляд с кухни Расселов на гостиную и на спальню. Не понимаю, как не заметила его.

– Анна?..

Голос Литла еле слышен. Опускаю глаза, вижу телефон у себя в руке, у бедра, вижу распластанный у ног халат. Брякаю телефон на столешницу и кладу рисунок рядом с раковиной. Потом начинаю сильно постукивать по стакану.

– Анна! – снова зовет Литл.

Я игнорирую его.

Стучу по стакану еще сильнее. Итан сейчас свернулся на тротуар, направляется к моему дому. Да.

Я знаю, что надо делать. Хватаюсь пальцами за оконную раму. Толкаю изо всех сил. Зажмуриваюсь. И поднимаю ее.

Меня окутывает такой морозный воздух, что сердце замирает. Шумящий в ушах ветер развеивает одежду. Холод пронизывает до костей.

Но я все равно пронзительно выкрикиваю его имя. Оно слетает с моего языка и рассекает пространство, как пушечное ядро. Всего два слога:

– И-тан!

Я слышу, как раскалывается тишина. Представляю себе взмывающие в небо стаи птиц, замирающих в недоумении прохожих.

А потом, с последним вздохом, из моих губ вырывается:

– Я знаю.

Я знаю, что твоя мама – та женщина, о которой я говорила, знаю, что она была здесь. Я знаю, ты лжешь.

Я опускаю раму, прислоняюсь лбом к стеклу. Открываю глаза.

Вот он, стоит на тротуаре, ежится от холода, на нем пуховик, который ему великоват, тесные джинсы. Волосы развеиваются на ветру. Он смотрит на меня, и перед его лицом клубится пар от дыхания. Я тоже смотрю на него, моя грудь тяжело вздымается, сердце колотится со скоростью девяносто миль в час.

Он качает головой. И шагает дальше.

Глава 71

Я слежу за ним, пока он не исчезает из виду. Я едва дышу, плечи опущены. В кухне очень холодно. Это был мой лучший выстрел, попавший в цель. По крайней мере, Итан не побежал домой.

Но все же. Все же. Детективы будут здесь с минуты на минуту. Так, вот портрет – сквозняком его сдуло на пол. Я наклоняюсь за ним и заодно хватаю влажный халат.

Звонок в дверь. Литл.

Я выпрямляюсь, засовываю телефон в карман, спешу к двери, бью кулаком по кнопке домофона, открываю замок. Смотрю сквозь замерзшее стекло. Появляется тень, которая превращается в фигуру.

Лист бумаги дрожит у меня в руке. Не могу ждать. Тянусь к дверной ручке, поворачиваю ее, толкаю дверь.

Это Итан.

Я в шоке и даже не здороваюсь с ним. Стою с зажатым в пальцах листом бумаги, вода с халата капает мне на ноги.

У Итана покрасневшие от мороза щеки. Ему пора стричься – волосы отросли по самые брови, вьются кольцами на висках. Глаза широко раскрыты.

Мы смотрим друг на друга.

– Знаете, нельзя вот так кричать на меня, – тихо произносит он.

Неожиданно. Недолго думая, говорю:

– Я не знала, как по-другому с тобой связаться.

Капли воды падают мне на ноги, на пол. Я засовываю халат под мышку.

С лестницы в комнату трусит Панч, направляется прямо к Итану.

– Чего вы хотите? – потупившись, спрашивает мальчик.

– Я знаю, что твоя мама была здесь, – выпаливаю я.

Он вздыхает, качает головой:

– Вы... бредите.

Это слово с трудом слетает с его языка, словно ему незнакомо. Не стоит и гадать, где он его слышал. Или о ком так было сказано.

Я в свой черед качаю головой.

– Нет, – говорю я, чувствуя, как мои губы складываются в улыбку. – Нет. Вот что я нашла.

Я держу перед ним портрет.

Он смотрит на него.

В доме царит тишина, нарушааемая лишь слабым шорохом – это Панч трется о джинсы Итана.

Я наблюдаю за ним. Он таращит глаза на рисунок.

– Что это? – недоумевает он.

– Это я.

– Кто это нарисовал?

Наклонив голову, я делаю шаг вперед.

– Можешь прочитать подпись.

Он берет лист. Прищуривается.

– Но...

Мы оба вздрагиваем от сигнала домофона. Разом поворачиваем голову к двери. Панч бросается к дивану.

Итан смотрит, как я подхожу к домофону, нажимаю на кнопку. В прихожей звучат шаги, и в комнату, как приливная волна, врывается Литл, в кильватере у него Норелли.

Сначала они видят Итана.

– Что здесь происходит? – спрашивает Норелли, строго переводя глаза с него на меня.

– Вы сообщили, что кто-то проник к вам в дом, – говорит Литл.

Итан смотрит на меня, бросает взгляд на дверь.

– Останься, – прошу я.

– Можешь идти, – командует Норелли.

– Останься, – рявкаю я, и он не двигается.

– Вы осмотрели дом? – интересуется Литл.

Я отрицательно качаю головой.

Он кивает Норелли, та проходит через кухню, остановившись у двери цокольного этажа. Оглядывает стремянку, смотрит на меня.

– Там съемщик, – поясняю я.

Она молча направляется к лестнице.

Я поворачиваюсь к Литлу. Руки у него засунуты в карманы, он не сводит с меня глаз. Я делаю глубокий вдох.

– Так много всего... так много всего произошло, – говорю я. – Сначала я получила это... – Запускаю руку в карман халата и выуживаю мобильный. – Это сообщение.

Халат шмякается на пол.

Я кликаю на электронку, расширяю картинку. Литл берет у меня телефон, держит его в своей громадной ручице.

Пока он рассматривает экран, я дрожу – здесь прохладно, а я едва

одета. Волосы у меня спутанные, как после сна. Мне неловко.

Похоже, Итану тоже неловко. Он переминается с ноги на ногу. Рядом с Литлом он выглядит невероятно хрупким. Мне хочется его обнять.

Детектив пролистывает экран телефона. «Джейн Рассел».

– Это не то, – говорю я. – Взгляните на адрес электронки.

Литл прищуривается.

– «Угадай-кто-анна-собака...», – неторопливо читает он.

Я киваю.

– Снимок сделан в два часа две минуты ночи. – Он смотрит на меня. – А это было отправлено сегодня в двенадцать часов одиннадцать минут.

Я снова киваю.

– Вы когда-нибудь получали сообщения с этого адреса?

– Нет. Но вы можете... отследить его?

У меня за спиной раздается голос Итана:

– Что это такое?

– Это фотография... – начинаю я.

Но Литл перебивает меня:

– Каким образом кто-то мог проникнуть в ваш дом? Разве у вас нет сигнализации?

– Нет. Я же всегда здесь. Зачем бы мне понадобилось... – Я умолкаю.

Ответ у Литла в руке. – Нет, – повторяю я.

– Что на этой фотографии? – спрашивает Итан.

На этот раз Литл взглядом пригвождает его к месту.

– Хватит вопросов, – говорит он, и мальчик вздрагивает. – Иди туда.

Итан плетется к дивану, садится рядом с Панчем.

Литл входит в кухню, идет к боковой двери.

– Значит, кто-то мог войти отсюда.

Он говорит резко. Поворачивает замок, открывает дверь, потом захлопывает ее. В комнату врывается холодный воздух.

– Кто-то отсюда уже вошел, – поправляю я.

– То есть не отключая сигнализацию.

– Да.

– Из дома что-то пропало?

Это не приходило мне в голову.

– Не знаю, – бормочу я. – Настольный компьютер и телефон на месте, но, может быть... В общем, я не смотрела. Испугалась, – добавляю я.

Выражение его лица смягчается.

– Еще бы. – И Литл спрашивает более дружелюбно: – У вас есть хоть какие-то предположения о том, кто вас сфотографировал?

Я отвечаю не сразу.

– Единственный человек с ключом – человек, у которого мог быть мой ключ, – это мой съемщик. Дэвид.

– И где же он?

– Не знаю. Он говорил, что уедет из города, но...

– Итак, у него есть ключ или у него мог быть ключ?

Я скрещиваю руки на груди.

– Мог быть. От его квартиры ключ другой, но можно было... украсть мой.

Литл кивает.

– У вас проблемы с Дэвидом?

– Нет. Серьезно – нет.

Литл снова кивает.

– Что-то еще?

– Недавно он... одолжил у меня лезвие. То есть резак для картона. А потом вернул на место, ничего мне не сказав.

– И никто больше войти не мог?

– Никто.

– Просто размышляю вслух. – Литл набирает полные легкие воздуха и издает рев, от которого я вздрагиваю: – Эй, Вэл?..

– Я еще наверху, – откликается Норелли.

– Там есть что-то интересное?

Тишина. Мы ждем.

– Ничего, – кричит она.

– Какой-нибудь беспорядок?

– Нет беспорядка.

– Кто-то в кладовке?

– Никого в кладовке. – Слышу ее шаги на лестнице. – Спускаюсь.

Литл поворачивается ко мне:

– Итак, существует человек, который сюда входит – неизвестно как – и фотографирует вас, но ничего не крадет.

– Да.

Неужели он во мне сомневается? Я указываю на мобильный у него в руке, словно телефон может ответить на его вопросы. А он действительно может ответить на них.

– Простите, – говорит Литл, передавая мне телефон.

В кухню входит Норелли в разевающемся пальто.

– Все в порядке? – спрашивает Литл.

– В порядке.

Он улыбается мне.

– Берег свободен, – говорит он.

Я не реагирую.

К нам подходит Норелли и спрашивает:

– Что за история с проникновением?

Я протягиваю ей телефон. Она не берет его, просто смотрит на экран.

– Джейн Рассел? – удивленно произносит она.

Я указываю на адрес электронки рядом с именем Джейн. Норелли оживляется, видно, ее осенила догадка.

– Они вам посыпали что-нибудь раньше? – уточняет она.

– Нет. Я уже говорила детективу – нет.

– Это адрес «Джимейл», – замечает Норелли.

Вижу, как она обменивается взглядом с Литлом.

– Да. – Я обхватываю себя руками. – А вы не можете его отследить?

– Понимаете, – говорит она, качнувшись назад, – с этим проблема.

– Почему?

Она кивает в сторону напарника.

– Это почтовая служба «Гугла», – говорит он.

– Да. И что?

– А то, что «Джимейл» скрывает ай-пи-адреса.

– Не понимаю, что это значит.

– Это значит, отследить аккаунт невозможно, – продолжает он.

Я таращусь на него.

– Дело в том, – объясняет Норелли, – что вы могли сами послать это себе.

Поворачиваюсь к ней. Руки у нее скрещены на груди.

Я не в силах сдержать смех.

– Что?! – восклицаю я.

Ну что еще тут можно сказать?

– Вы могли послать это сообщение с вашего телефона, и мы не сумели бы этого доказать.

– Зачем... зачем? – лопочу я.

Норелли смотрит вниз на мокрый халат. Я наклоняюсь, чтобы его поднять, – мне необходимо сделать хоть что-нибудь, восстановить ощущение порядка.

– Этот снимок представляется мне маленьким полуночным селфи.

– Я сплю, – спорю я.

– У вас закрыты глаза.

– Потому что я сплю.

– Или потому что хотели выглядеть спящей.

Я поворачиваюсь к Литлу.

– Взгляните на все с другой стороны, доктор Фокс, – говорит он. – Мы не нашли здесь признаков пребывания чужого человека. Непохоже, чтобы что-то пропало. Входная дверь в порядке, та дверь тоже. – Он тычет пальцем в боковую дверь. – Кроме того, вы сказали, что ключа ни у кого больше нет.

– Нет, я сказала, что мой съемщик мог сделать дубликат.

Разве я этого не говорила? В голове неразбериха. Меня снова пробирает дрожь, воздух как будто пронизан холодом.

Норелли указывает на стремянку:

– Что это за история?

– Разногласия со съемщиком, – опередив меня, отвечает Литл.

– Вы спрашивали ее про... мужа?

В ее тоне звучит что-то непонятное, какой-то минорный аккорд. Она поднимает бровь. Потом поворачивается ко мне:

– Миз Фокс, я предупреждала вас, чтобы не тратили попусту время.

На этот раз я ее не поправляю, пусть будет «миз».

– Это не я попусту трачу время, – рычу я. – Это вы, вы! Кто-то проник в мой дом, я представила вам доказательство, а вы тут рассказываете мне, что я это выдумала. Точно как в прошлый раз. Я видела, как человека зарезали, а вы мне не поверили. Что мне сделать, чтобы заставить вас...

Портрет.

Я поворачиваюсь, вижу Итана с Панчем на коленях. Сидит на диване как приклеенный.

– Иди сюда! – окликаю его я. – Принеси тот рисунок.

– Давайте не будем его в это втягивать, – вмешивается Норелли, но Итан уже спешит ко мне.

На одной руке у него сидит кот, в другой он несет лист бумаги. Итан протягивает мне портрет почти церемонно, как облатку для причастия.

– Видите это? – спрашиваю я, размахивая листом перед носом у Норелли так, что она отступает назад. – Взгляните на подпись, – прибавляю я.

Она морщит лоб.

И в третий раз за этот день звонят во входную дверь.

Глава 72

Литл смотрит на меня, потом подходит к двери и изучает домофон. Нажимает кнопку.

– Кто там? – спрашиваю я, но он уже открывает дверь.

Слышна четкая поступь. Появляется Алистер Рассел, в кардигане, с румяным от мороза лицом. Он кажется старше, чем в последний раз, когда я его видела.

Он орлиным взором окидывает комнату. Глаза его останавливаются на Итане.

– Сейчас же иди домой, – приказывает он сыну, но тот не двигается. – Оставь кота и уходи.

– Хочу, чтобы вы увидели это, – начинаю я, протягивая ему рисунок, но, игнорируя меня, он обращается к Литлу.

– Я рад, что вы здесь, – говорит он, но вид у него совсем не радостный. – Жена слышала, как эта женщина кричала из окна на моего сына, а потом я увидел, что подъехала ваша машина.

Помню, в прошлый раз он был вежливым, даже смущенным. Теперь нет.

Литл делает к нему шаг.

– Мистер Рассел…

– Она звонила мне домой – вы знали об этом? – (Литл не отвечает.) – И в мой прежний офис. Она звонила в мой прежний офис!

Значит, Алекс выдала меня.

– Почему вас уволили? – спрашиваю я.

Но он, распаляясь все больше, переходит в наступление.

– Вчера она преследовала мою жену – она говорила вам об этом? Думаю, нет. Увязалась за ней до кафе.

– Мы знаем об этом, сэр.

– Пыталась… конфликтовать с ней.

Я мельком смотрю на Итана. Похоже, он не сказал отцу, что после этого видел меня.

– Уже во второй раз мы встречаемся здесь. – В голосе Алистера слышится раздражение. – Сначала она утверждает, что видела в моем доме нападение. Теперь заманивает сына к себе домой. Это надо прекратить. Когда это закончится? – Он смотрит на меня в упор. – Она – опасный человек.

Я тычу пальцем в рисунок.

– Я знаю вашу жену...

– Вы не знаете мою жену! – орет он.

Я молчу.

– Вы никого не знаете! Сидите в своем доме и шпионите за людьми.

Чувствую, как шея у меня медленно краснеет. Руки падают вдоль тела.

Он продолжает:

– Вы придумали какие-то... встречи с женщиной, которая мне вовсе не жена и которая даже... – (Я жду следующего слова, как ожидают удара.) – не существует! А теперь вы надоедаете моему сыну. Надоедаете всем нам!

В комнате тихо.

– Ладно, – наконец произносит Литл.

– Она бредит, – добавляет Алистер.

Вот оно. Я бросаю взгляд на Итана – он уставился в пол.

– Ладно-ладно, – повторяет Литл. – Итан, думаю, тебе пора домой.

Мистер Рассел, не могли бы вы задержаться?

Но теперь настал мой черед.

– Останьтесь, – соглашаюсь я. – Может быть, вы сможете это объяснить.

Я снова поднимаю портрет над головой, вровень с глазами Алистера.

Он берет лист бумаги.

– Что это такое?

– Это рисунок, сделанный вашей женой.

Его лицо бледнеет.

– Когда она сидела здесь. За этим столом.

– Что это? – Литл подходит к Алистеру.

– Джейн нарисовала это для меня, – поясняю я.

– Это вы, – говорит Литл.

Я киваю.

– Она здесь была. Вот доказательство.

Алистер уже взял себя в руки.

– Это ничего не доказывает, – отрывисто бросает он. – Нет, это доказывает, что вы настолько не в себе, что, по сути дела, пытаетесь... сфабриковать улики. – Он фыркает. – Вы сошли с ума.

«Бац, сошла с ума», – думаю я. «Ребенок Розмари». Я хмурюсь.

– Что вы хотите этим сказать – «сфабриковать улики»?

– Вы сами это нарисовали.

Тут подает голос Норелли:

– Точно так же, как вы могли сделать тот снимок и послать его на свой

адрес, а мы не смогли бы доказать это.

Я отскакиваю назад, словно меня ударили.

– Я...

– Вы в порядке, доктор Фокс? – спрашивает Литл, шагнув ко мне.

Халат снова выскользывает у меня из рук и шлепается на пол.

Меня качает. Комната кружится как карусель. Алистер с гневом смотрит на меня, глаза Норелли потемнели, рука Литла зависла над моим плечом, Итан с котом на руках пятится к выходу. Все они проносятся мимо меня – не за кого уцепиться, не на кого опереться.

– Я не рисовала этот портрет. Его нарисовала Джейн. Прямо здесь. – Я указываю пальцем в сторону кухни. – И я не делала этот снимок. Не смогла бы. Я... Что-то происходит, а вы не хотите мне помочь.

По-другому сказать не получается. Неверными шагами иду к Итану, протягиваю к нему дрожащую руку, хватаю за плечо.

– Отойдите от него, – взрывается Алистер, но я, глядя в глаза Итана, громко восклицаю: – Что-то происходит!

– Что происходит?

Мы все как один поворачиваемся.

– Входная дверь была открыта, – говорит Дэвид.

Глава 73

Он стоит в дверном проеме с засунутыми в карманы руками, с потрепанной сумкой через плечо.

– Что происходит? – вновь спрашивает он, и я разжимаю пальцы, вцепившиеся в плечо Итана.

Норелли опускает руки.

– Кто вы?

Дэвид, в свой черед, скрещивает руки на груди.

– Я живу внизу.

– Значит, – говорит Литл, – вы тот самый знаменитый Дэвид.

– Не знал об этом.

– У вас есть фамилия, Дэвид?

– У большинства людей есть.

– Уинтерс, – бормочу я, выуживая его фамилию из глубин памяти.

Дэвид не обращает на меня внимания.

– Кто вы такие? – интересуется он.

– Полиция, – отвечает Норелли. – Я детектив Норелли, а это – детектив Литл.

Дэвид кивает в сторону Алистера:

– Вот его я знаю.

Алистер тоже кивает ему и цедит:

– Может, вы объясните, что не так с этой женщиной.

– Кто говорит, что с ней что-то не так?

Меня переполняет чувство благодарности. Как легко дышится! Хоть кто-то на моей стороне.

Потом я вспоминаю, кто этот «кто-то».

– Где вы были прошлой ночью, мистер Уинтерс? – спрашивает Литл.

– В Коннектикуте. По работе. – Дэвид сжимает челюсти. – Почему вы интересуетесь этим?

– Кто-то сфотографировал доктора Фокс во время сна. Около двух часов ночи. Потом послал ей снимок по электронной почте.

Дэвид моргает.

– Ну и дела. – Смотрит на меня. – Кто-то вломился в дом?

Литл не дает мне ответить.

– Может кто-то подтвердить, что прошлой ночью вы были в Коннектикуте?

Дэвид помахивает ногой.

- Дама, с которой я был.
- Кто она такая?
- Я не знаю ее фамилии.
- У нее есть номер телефона?
- Как и у большинства людей.

– Нам может понадобиться этот номер, – говорит Литл.

– Он – единственный, кто мог сделать этот снимок, – настаиваю я.

Дэвид хмурит брови:

- Что?

Глядя на него, в эти бездонные глаза, я начинаю колебаться и все-таки задаю вопрос:

- Это вы сфотографировали меня?

Он фыркает:

- Вы думаете, я приехал сюда и...
- Никто так не думает, – говорит Норелли.
- А я думаю, – возражаю я.

– Не понимаю, о чем вы толкуете, блин! – У Дэвида почти скучающий тон. Он протягивает свой телефон Норелли. – Вот. Позвоните ей. Ее зовут Элизабет.

Норелли уходит в гостиную.

Без выпивки мне не выдавить из себя и слова. Я отворачиваюсь от Литла, иду в кухню, за спиной слышу его голос:

– Доктор Фокс утверждает, что видела в доме напротив нападение на женщину. В доме мистера Рассела. Вам что-нибудь об этом известно?

- Нет. Вот почему она в тот раз спрашивала, не слышал ли я крики...

Я наливаю вино в стакан.

- Как я и говорил, ничего я не слышал.

– Конечно не слышали, – подхватывает Алистер.

Я поворачиваюсь к нему со стаканом в руке.

- Но Итан сказал...

– Итан, убирайся отсюда, чет побери! – орет Алистер. – Сколько раз...

– Успокойтесь, мистер Рассел. Доктор Фокс, не советую делать это сейчас, – говорит Литл, грозя мне пальцем.

Я ставлю стакан на столешницу, но продолжаю удерживать его в руке. Чувствуя прилив дерзости.

Детектив поворачивается к Дэвиду:

- Вы замечали что-либо необычное в доме по ту сторону сквера?
- В его доме? – спрашивает Дэвид, бросая взгляд на ощетинившегося

Алистера.

– Это... – начинает тот.

– Нет, ничего не видел. – Сумка Дэвида соскальзывает с плеча. Он выпрямляется, рывком поправляет ее. – Я туда особенно не смотрел.

Литл кивает.

– Угу. А вы видели миссис Рассел?

– Нет.

– Откуда вы знаете мистера Рассела?

– Я нанял его... – начинает Алистер, но Литл жестом останавливает его.

– Он нанял меня для выполнения некоторых работ, – поясняет Дэвид. – Его жену я не видел.

– Но у вас в спальне ее серьга.

Все смотрят на меня.

– Я видела в вашей спальне ее серьгу, – сжимая стакан, говорю я. – На тумбочке. Сережку с тремя жемчужинами, которая принадлежит Джейн Рассел.

Дэвид вздыхает:

– Нет, это сережка Кэтрин.

– Кэтрин? – изумляюсь я.

Он кивает.

– Это женщина, с которой я встречался. Ну, не то чтобы встречался, она просто несколько раз здесь ночевала.

– Когда это было? – спрашивает Литл.

– На прошлой неделе. Какое это имеет значение?

– Уже не имеет значения, – возвращая Дэвиду телефон, уверяет Норелли. Она вернулась из гостиной. – Элизабет Хью подтвердила, что была с ним в Дэррене прошлой ночью с полуночи до десяти утра.

– Потом я сразу поехал сюда, – говорит Дэвид.

– Так зачем вы были в его спальне? – спрашивает меня Норелли.

– Она шпионила за мной, – отвечает Дэвид.

Я краснею, но делаю ответный выпад:

– Вы взяли у меня резак для картона.

Он делает шаг вперед. Я вижу, что Литл напрягся.

– Вы сами мне его дали.

– Да, но потом вы положили его на место, ничего мне не сказав.

– Угу, у меня он был в кармане, когда я шел помочиться, и я положил резак на место. Так-то.

– Получилось, что вы вернули его как раз после того, как Джейн...

– Довольно! – шипит Норелли.

Я подношу стакан к губам, вино плещется у краев. Под взглядами окружающих делаю большой глоток.

Портрет. Фотография. Серьга. Резак для картона. Все доводы опровергнуты, все лопнуло, как мыльный пузырь. Не осталось ничего.

Почти ничего.

Я сглатываю, делаю глубокий вдох.

– Знаете, он сидел в тюрьме. – Эти слова слетели с моего языка, но я не в силах поверить, что произнесла их, не в силах поверить, что слышу их.

– Он сидел в тюрьме, – повторяю я, и кажется, становлюсь бесплотной. Однако продолжаю: – За нападение.

Дэвид стискивает зубы. Алистер пристально смотрит на него, а Норелли и Итан – на меня. А Литл – у Литла невыразимо печальный вид.

– Так почему бы вам не разобраться с ним? – предлагаю я. – Я вижу, как убивают женщину, – размахиваю я телефоном, – а вы говорите, что мне это померещилось. Говорите, я лгу. – Шмякаю телефон на столешницу кухонного острова. – Я показываю вам портрет, который она нарисовала и подписала, – я указываю на Алистера, на рисунок у него в руке, – а вы говорите, что я сама его нарисовала. В том доме живет женщина, которая выдает себя за другую, а вы даже не удосужились проверить. Даже не попытались.

Я делаю вперед небольшой шагок, и все отступают назад, словно я – приближающийся шторм, словно я – хищник. Ладно.

– Кто-то приходит в мой дом, когда я сплю, фотографирует меня и присыпает снимок – а вы обвиняете меня.

Чувствую, как горло сжимает спазм, голос хрипнет. По моим щекам катятся слезы. Но я продолжаю:

– Я не сумасшедшая, я ничего не придумала. Я не вижу того, чего нет. Все это началось в тот момент, когда я увидела, как зарезали *его* жену и *его* мать. – Указываю дрожащим пальцем на Алистера и Итана. – Вот что вам надо расследовать. Это те вопросы, на которые необходимо найти ответ. И не говорите мне, что ничего не было, поскольку я уверена в том, что видела это!

Тишина. Они оцепенели, ну просто живая картина. Даже Панч застыл, изогнув хвост в виде вопросительного знака.

Я вытираю нос и щеки тыльной стороной ладони. Откидываю упавшие на глаза волосы. Подношу стакан ко рту, осушаю его.

Литл приходит в себя. Одним длинным медленным шагом он пересекает полкухни, не сводя с меня взгляда. Я ставлю пустой стакан на

столешницу. Мы смотрим друг на друга через остров.

Он накрывает стакан ладонью. Отодвигает в сторону, словно это оружие.

– Дело в том, Анна, – медленно и тихо произносит он, – что вчера после нашего телефонного разговора я беседовал с вашим врачом.

У меня пересыхает во рту.

– С доктором Филдингом, – продолжает Литл. – Вы упоминали его в больнице. Просто я хотел поговорить с кем-то, кто вас знает.

У меня сердце оборвалось.

– Он искренне о вас заботится. Я не скрыл от него своей беспокоенности тем, что вы мне, то есть нам, рассказали. А еще я волновался за вас – как вы тут одна в таком большом доме? Ведь вы говорили, что ваши родные далеко и вам не с кем словом перемолвиться. И... и...

И я знаю, что он собирается сказать. Я так ему призательна, да, пусть именно он скажет об этом, потому что он добрый и у него теплый голос, а иначе я бы не выдержала, просто не выдержала...

Но Литла перебивает Норелли:

– Оказывается, ваш муж и ваша дочь погибли.

Глава 74

Никто никогда мне этого не говорил, не произносил эти слова в таком порядке.

Ни врач из отделения экстренной медицинской помощи, который сказал мне: «Ваш муж не выжил», пока врачи занимались моей ушибленной спиной, моей поврежденной трахеей.

Ни старшая медсестра, которая сорок минут спустя прошептала: «Я очень сожалею, миссис Фокс...» Она даже не закончила фразу, в этом не было необходимости.

Ни друзья – в основном друзья Эда, которые выражали мне соболезнования. Увы, я с болью поняла, что у нас с Ливви был слишком маленький круг общения. Да, друзья Эда пришли на похороны, роняли скучные слова. Эти люди могли сказать: «Они ушли от нас» или «Их больше нет с нами». Самые бесцеремонные из них говорили: «Они умерли».

Ни Бина. Ни доктор Филдинг.

А вот Норелли сделала это, разрушила чары, произнесла невыразимое: «Ваш муж и ваша дочь погибли».

Погибли. Да. Они не выжили, ушли от нас, умерли – они погибли. Я этого не отрицаю. Теперь я слышу умоляющий голос доктора Филдинга: «Разве вы не понимаете, Анна, что это такое? Это отрицание».

Абсолютно верно.

И все же, как мне объяснить происходящее? Любиту, или Норелли, или Алистеру, или Итану, или Дэвиду, или, наконец, Джейн? Я слышу их. Их голоса отзываются эхом во мне, но звучат *вне* меня. Я слышу их, когда меня переполняет боль утраты; даже могу сказать, что источником этой боли является их смерть. Я слышу их, когда мне надо с кем-то поговорить. Я слышу их в те моменты, когда меньше всего ожидаю этого. «Угадай кто», – скажут они, и я просияю, и мое сердце запоет.

И я отвечу.

Глава 75

Эти слова повисают в воздухе. Реют, как дым.

За плечами Литла я вижу Алистера и Итана с широко открытыми глазами, вижу Дэвида с отвисшей челюстью. Норелли по какой-то причине низко наклонила голову.

– Доктор Фокс...

Литл. Я концентрирую на нем взгляд. Он стоит с той стороны кухонного острова, его лицо освещено ярким послеполуденным солнцем.

– Анна... – говорит он.

Я замираю, просто не в силах пошевелиться.

Он делает вдох, потом задерживает дыхание. Выдыхает.

– Доктор Филдинг рассказал мне вашу историю.

Я зажмуриваюсь. Вижу перед собой лишь темноту. Слышу лишь голос Литла.

– Он сказал, что патрульный обнаружил вас у подножия скалы.

Да. Помню его голос, этот мощный крик, несущийся вниз по горному склону.

– И к этому моменту вы провели там две ночи. Во время метели. В разгар зимы.

Тридцать три часа с того момента, как мы нырнули с дороги в пропасть, до появления вертолета, винты которого с бешеной скоростью крутились у нас над головой.

– Он сказал, что, когда они добрались до вас, Оливия была еще жива.

«Мамочка», – прошептала она, когда ее положили на носилки и укутали маленькое тело одеялом.

– Но ваш муж уже ушел из жизни.

Нет, не ушел. Он находился там, был вполне осозаем, его тело остыпало на снегу. «Внутренние повреждения, – сказали мне врачи, – в сочетании с переохлаждением. Вы ничего не смогли бы сделать».

Я многое смогла бы.

– Вот когда начались ваши беды. Ваши проблемы вышли наружу. Посттравматический стресс. Просто... не могу себе это представить.

Господи, как я съеживалась под больничными лампами дневного света, как паниковала в патрульном автомобиле. В какую впадала депрессию в те первые разы, когда выходила из дома, пока наконец не осталась там.

И заперла двери.

И закрыла окна.

И поклялась, что буду скрываться от мира.

– Как я понимаю, вам хотелось быть в безопасном месте. Вас обнаружили почти замерзшей. Вы прошли через ад.

Я впиваюсь ногтями в ладонь.

– Доктор Филдинг сказал, что вы иногда... слышите их.

Я сильнее зажмуриваюсь, чтобы ни один лучик не пробился сквозь веки. «Знаете, это не галлюцинации, – говорила я ему. – Просто мне нравится воображать, что порой они здесь. Механизм психологической адаптации. Я понимаю, что избыточные контакты не идут на пользу».

– Иногда вы отвечаете им.

Чувствую на щеке солнце. «Лучше вам не увлекаться этими разговорами, – предупреждал Филдинг. – Нежелательно, чтобы это вошло в привычку».

– Понимаете, я был несколько сбит с толку, потому что из ваших слов следовало, что они где-то в другом месте.

Я не говорю, что в каком-то смысле это верно. У меня не осталось сил. Я пуста, как выпитая бутылка.

– Вы сказали мне, что расстались с мужем. Что ваша дочь сейчас с ним.

Еще одна фигура речи. Я так устала...

– Вы говорили мне то же самое.

Я открываю глаза. Сейчас свет заливает комнату, тени пропали. Все пятеро выстроились передо мной, как шахматные фигуры. Я смотрю на Алистера.

– Вы сказали, что они живут в другом месте, – скривив губы, с неприязненным видом изрекает он.

Конечно, я никогда не говорила, что они где-то живут. Я осторожна. Но это уже не имеет значения. Ничто не имеет значения.

Литл протягивает ладонь через остров и накрывает мою руку.

– Повторяю, вы прошли через настоящий ад. Должно быть, вы действительно уверены, что встречались с этой леди, – точно так же, как верите, что разговариваете с Оливией и... Эдом.

Перед тем как произнести имя Эда, он выдерживает крошечную паузу, словно сомневается, так ли звали моего мужа, хотя, возможно, просто задает себе темп. Я вглядываюсь в его глаза. Бездонные.

– Но того, что вы придумали, не существует, – вкрадчиво говорит он. – И нужно, чтобы вы освободились от этого.

Ловлю себя на том, что киваю. Потому что он прав. Я зашла слишком далеко. «Это надо прекратить», – сказал Алистер.

– Понимаете, есть люди, которые беспокоятся о вас. – Рука Литла придавливает мои пальцы. Хрустят костяшки. – Доктор Филдинг. И ваш физиотерапевт. И...

Мне так хочется продолжить список. И?.. На миг у меня замирает сердце – кто еще беспокоится обо мне?

– ...они хотят вам помочь, – завершает фразу Литл.

Я опускаю взгляд на столешницу острова, на свою руку, накрытую его ладонью. Рассматриваю потускневшее золото его обручального кольца. Рассматриваю свое кольцо.

Становится совсем тихо.

– Врач сказал... сказал мне, что принимаемые вами препараты могут вызывать галлюцинации.

И депрессию. И бессонницу. И спонтанное беспокойство. Но это не галлюцинации. А...

– Возможно, для вас это нормально. Во всяком случае, на вашем месте я воспринимал бы это именно так.

Вмешивается Норелли:

– Джейн Рассел...

Однако Литл, не отводя от меня взгляда, поднимает свободную руку, и Норелли умолкает.

– Ее личность подтвердилаась, – говорит он. – Той женщины из дома двести семь. Она та, кем себя называет.

Я не спрашиваю, как они узнали. Мне уже безразлично. Я устала, так устала.

– А что касается той леди, с которой вы якобы встречались, – полагаю, этого не было.

К своему удивлению, я чувствую, что киваю. Но тогда как...

Литл спешит мне на помощь:

– Вы говорили, что она помогла вам войти в дом. Но может, вы тогда сами справились. И... ну, не знаю... она вам пригрезилась.

«Если мне что-то грезится, когда я бодрствую...» Где я это слышала?

Представляю себе кадры из фильма, в цвете: я приподнимаюсь с крыльца и карабкаюсь по ступеням, с трудом пробираюсь в прихожую, в дом. Я будто это вспоминаю.

– Вы сказали, что она играла здесь в шахматы и рисовала ваш портрет. Но опять же...

Да, опять же. Господи. Я вновь вижу это – бутылки, флаконы с

пилюлями, пешки, ферзи, наступающие армии, черная и белая, мои руки протянуты над шахматной доской, зависли как вертолеты. Мои пальцы, запятнанные чернилами, с зажатой в них ручкой. Разве я не практиковалась в этой подписи, не выводила ее имя на двери душевой кабинки, окутанной паром? А буквы, постепенно исчезая, расплывались на стекле.

– Ваш врач был удивлен, он ничего такого не слышал. – Литл на миг умолкает. – Я подумал, а может быть, вы не рассказывали ему, потому что не хотели, чтобы он... стал разубеждять вас?

Я трясу головой.

– Не знаю, какие крики вы слышали...

А я знаю. Итан никогда не утверждал обратного. И в тот день я увидела его с ней в гостиной – он даже не смотрел на нее. Он уставился на свои колени, а не на пустое место рядом с собой.

Я бросаю на него взгляд, вижу, как он, не сводя с меня глаз, осторожно опускает Панча на пол.

– Немного непонятная штука с этой фотографией. Доктор Филдинг сказал, что иногда вы ведете себя импульсивно и, возможно, таким образом просите о помощи.

Неужели я это сделала? Все же я это сделала, верно? Да, сделала. Конечно, «угадай кто» – так я приветствую Эда и Ливви. Приветствовала. «Угадайктоанна».

– Что касается того, что вы видели в тот вечер...

Я знаю, что видела в тот вечер.

Я смотрела кино. Старый триллер, в который «Техниколор» вдохнул новую жизнь в цвете. «Окно во двор», «Подставное тело», «Фотоувеличение». Я смотрела шоурил, архивный материал из сотни самых знаменитых триллеров.

Я видела убийство без убийцы, без жертвы. Я видела пустую гостиную, свободный диван. Видела то, что хотела увидеть, что мне необходимо было увидеть. «Вам не тоскливо здесь в одиночестве?» – спросил Боги у Бэкколл, спросил у меня.

«Я родилась одинокой», – ответила она.

Я – нет. Меня сделали одинокой.

Если я настолько не в себе, что разговариваю с Эдом и Ливви, то определенно могу мысленно разыграть убийство. Особенно с помощью химии. И разве я постоянно не противилась правде? Не изворачивалась и неискажала факты?

Джейн – настоящая Джейн, Джейн из плоти и крови. Разумеется, она та, кем себя называет.

И конечно, серьга из комнаты Дэвида принадлежит Кэтрин, или как там ее.

Безусловно, прошлой ночью никто не входил в мой дом.

Все это накатывает на меня, как волна. Обрушивается на мои берега, очищает их, оставляя за собой лишь полоски ила, протянувшиеся к морю наподобие пальцев.

Я была не права.

Более того – меня ввели в заблуждение.

И даже больше – я несус за это ответственность.

«Если мне что-то грезится, когда я бодрствую, значит я схожу с ума».

Дело в этом. «Газовый свет».

Тишина. Не слышно даже дыхания Литла.

Молчание нарушает Алистер:

– Вот оно что. – Приоткрыв рот, он качает головой. – Я... ух ты!

Господи. – Он сурово смотрит на меня. – Господи.

Я проглатываю комок в горле.

Он не сводит с меня глаз, беззвучно двигает челюстью, опять качает головой. Наконец делает знак сыну и направляется к двери.

– Мы уходим.

Следя за отцом в прихожую, Итан поднимает взгляд, глаза его сияют.

– Мне так жаль, – произносит он тонким голосом.

Я едва не плачу.

Потом он уходит. За ним со скрипом закрывается дверь.

Нас осталось четверо.

Дэвид делает шаг вперед, говорит, глядя на носки своих ботинок.

– Значит, та девочка на фотографии умерла?

Я не отвечаю.

– Вы просили меня сохранить светокопии... Они принадлежали умершему человеку?

Я молчу.

– И...

Он указывает на стремянку, которой приперта дверь цокольного этажа.

Я ничего не говорю.

Он кивает, словно получил ответ. Потом поправляет сумку на плече, поворачивается и выходит за дверь.

Норелли смотрит ему вслед.

– Надо с ним поговорить?

– Он вам докучает? – спрашивает меня Литл.

Я качаю головой.

– Ладно, – говорит он, отпуская мою руку. – Что же теперь... Если честно... я не уполномочен заниматься дальше этим делом. Моя обязанность – закрыть его и обеспечить всем безопасное существование в будущем. Включая вас. Понимаю, вам было тяжело. Я имею в виду сегодня. Так что я хочу, чтобы вы позвонили доктору Филдингу. Полагаю, это важно.

С момента заявления Норелли я не произнесла ни слова. «Ваш муж и ваша дочь погибли». Не представляю себе, как зазвучит мой голос в этом новом мире, где была произнесена и услышана эта фраза.

Литл продолжает говорить.

– Знаю, вы боретесь и... – На миг он умолкает, а потом более спокойно повторяет: – Вы боретесь изо всех сил.

Я киваю. Он тоже.

– Похоже, я спрашиваю это при каждом нашем визите сюда: вы справитесь одна?

Я вновь медленно киваю.

– Анна?.. – Он смотрит на меня. – Доктор Фокс?..

Мы вернулись к доктору Фокс. Я открываю рот.

– Да.

Мой голос звучит так, словно я в наушниках, – как-то отдаленно. Приглушенно.

– В свете... – начинает Норелли, но Литл снова поднимает руку, и она умолкает.

Интересно, что она собиралась сказать.

– У вас есть мой номер, – напоминает он. – Позвоните доктору Филдингу. Пожалуйста. Он хочет с вами побеседовать. Не заставляйте нас волноваться. Нас обоих. – Он машет в сторону своей напарницы. – Меня и Вэл. В душе она очень добрая.

Норелли наблюдает за мной.

Литл делает шаг к двери и возвращается, словно не желая уходить.

– Как я уже говорил, у нас есть много добрых людей, которые могут с вами побеседовать, если вы захотите.

Норелли поворачивается, исчезает в прихожей. Слышу, как ее каблуки стучат по плитке. Открывается входная дверь.

Теперь остались только мы с Литлом. Он смотрит мимо меня, в окно.

– Знаете, – говорит он после краткой паузы, – не знаю, что бы я делал, случись что-нибудь с моими девочками. – Он смотрит мне в глаза. – Не знаю, что бы я делал.

Он откашливается, вскидывает ладонь.

– До свидания.

Выходит в прихожую и закрывает за собой дверь.

Секунду спустя слышу, как захлопывается входная дверь.

Я стою в кухне, смотрю, как мириады пылинок собираются, а потом растворяются в солнечном свете.

Моя рука подбирается к стакану. Я осторожно беру его, верчу в руке. Подношу к лицу, вдыхаю запах.

Потом швыряю чертову штуковину о стену и издаю пронзительный вопль. Так громко я никогда не кричала.

Глава 76

Я сижу на краю кровати, уставившись прямо перед собой. На стене колышутся тени.

Я зажгла маленькую французскую свечку в горшочке, только что вынутую из коробки, подарок к Рождеству, полученный мной от Ливви два года назад. С ароматом инжира. Она любит инжир.

Любила.

В комнате повеяло сквозняком. Пламя колеблется, цепляется за фитиль.

Проходит час. Потом другой.

Свечка быстро догорает, фитиль наполовину утонул в лужице воска. Я опускаю голову все ниже, уперев ладони в бедра.

Мой телефон загорается, вздрагивает. Джюлиан Филдинг. Он собирался навестить меня завтра. Не сможет.

Ночь опускается, как театральный занавес.

«Вот когда начались ваши беды, – сказал недавно Литл. – Ваши проблемы вышли наружу».

Мне сказали, что в больнице у меня был шок. Потом шок перерос в страх. Страх видоизменился, превратился в панику. К тому времени, как на сцене появился доктор Филдинг, у меня началась агорафобия. Он выразился наиболее просто и точно: «Тяжелый случай агорафобии».

Мне необходимы знакомые границы моего дома – поскольку я провела две ночи посреди враждебной дикой природы, под необъятным небом.

Мне необходимо окружение, которое я в состоянии контролировать, – потому что я видела, как медленно умирают мои близкие.

«Заметь, я не спрашиваю, что привело тебя на этот путь», – сказала мне Джейн. Или, скорее, я сама сказала это себе.

Жизнь привела меня на этот путь.

– Угадай кто?

Я качаю головой. Не хочу сейчас разговаривать с Эдом.

– Как себя чувствуешь, бездельница?

Но я вновь качаю головой. Не могу говорить. Не хочу.

– Мама?

Нет.

– Мамочка?

Я вздрагиваю.

Нет.

В какой-то момент я валюсь на бок, проваливаюсь в забытье. Просыпаюсь с болью в шее. Пламя свечи уменьшилось до крошечного голубого пятнышка, колеблющегося в прохладном воздухе. Комната погружена в темноту.

Я сажусь, потом встаю. Со скрипом, как ржавая лестница. Плетусь в ванную комнату.

Вернувшись, я вижу, что жилище Расселов сияет, как кукольный домик. Наверху Итан сидит за компьютером. В кухне Алистер нарезает что-то на доске. Морковь, подсвеченную ярким, как неон, кухонным светом. На столешнице бокал вина. У меня пересыхает во рту.

А в гостиной на канапе с полосатой обивкой сидит та женщина. Вероятно, мне следует называть ее Джейн.

У Джейн в руке телефон, другой рукой она водит по экрану, что-то нажимает. Может быть, прокручивает семейные снимки. Раскладывает пасьянс или играет в какую-нибудь другую игру. Или сплетничает с подругами. «Помнишь ту полуумную соседку?..»

У меня комок в горле. Подхожу к окнам и задергиваю шторы.

И стою там, в темноте, – продрогшая, бесконечно одинокая, преисполненная страха. А еще меня одолевает нечто, напоминающее сильное желание.

**Вторник,
9 ноября**

Глава 77

Утро я провожу в постели. Около полудня, борясь со сном, я набираю сообщение доктору Филдингу: «Не сегодня».

Он звонит мне через пять минут, оставляет голосовое сообщение. Я не прослушиваю его.

Минует полдень, к трем желудок у меня сводит от голода. Спускаюсь, достаю из холодильника помятый помидор.

Пока я откусываю от помидора, со мной пытается поговорить Эд. Потом Оливия. Я мотаю головой. У меня по подбородку стекает мякоть.

Кормлю кота. Проглатываю темазепам. Затем вторую таблетку, третью. Укладываюсь спать. Единственное, чего я хочу, – это уснуть.

Среда
10 ноября

Глава 78

Меня будит чувство голода. В кухне высыпаю в чашку коробку сухих завтраков «Грейп натс», добавляю немного молока, срок годности которого истекает сегодня. Я не особенно люблю «Грейп натс», а вот Эд любит. Любил. Хлопья царапают мне рот и глотку. Не знаю, зачем я продолжаю их покупать.

Хотя, конечно, знаю.

Мне хочется вернуться в постель, но вместо этого я иду в гостиную, тащусь к стойке с телевизором, выдвигаю ящик. Выбираю «Головокружение». Тема: ошибочное опознание или очарование обмана. Я помню диалоги наизусть. Как ни странно, они меня умиротворяют.

«Что с вами? – орет полицейский на Джимми Стюарта, то есть на меня. – Дайте руку!»

Потом он теряет опору под ногами, падает с крыши.

Как ни странно, это успокаивает.

В середине фильма заливаю молоком вторую чашку хлопьев. Когда я закрываю дверь холодильника, Эд ворчит на меня, Оливия что-то неотчетливо бубнит. Я возвращаюсь на диван, увеличиваю громкость телевизора.

«Его жена? – спрашивает женщина, сидящая в желтовато-зеленом „ягуаре“. – Бедняжка. Я ее не знала. Скажите, правда, что она действительно верила...»

Я глубже утапаю в подушках. Меня одолевает сон.

Несколько позже, во время сцены переодевания («Не хочу быть одетой как покойница!»), мой телефон начинает трястись, как в легком припадке, дребезжа по стеклу кофейного столика. Полагаю, это доктор Филдинг. Я протягиваю к телефону руку.

«Так я здесь ради этого? – кричит Ким Новак. – Чтобы тебе казалось, будто ты с той, которая умерла?»

На экране телефона высвечивается: «Уэсли Брилл».

На миг я замираю.

Потом приглушаю звук фильма и провожу по дисплею телефона большим пальцем. Подношу его к уху.

Оказывается, я не могу говорить. Но мне этого и не надо. После секундного молчания Уэсли приветствует меня:

– Слышу твое дыхание, Фокс.

Прошло почти одиннадцать месяцев, и я успела забыть, какой у него оглушительный голос.

– Фиби сказала, что ты звонила, – продолжает он. – Вчера собирался перезвонить, но не было времени. Куча дел.

Я ничего не говорю. Он тоже с минуту молчит.

– Ты там, Фокс?

– Я здесь.

Я уже много дней не слышала собственного голоса. Он кажется незнакомым, слабым, словно кто-то чревовещает внутри меня.

– Хорошо. Я подозревал что-то в этом роде. – Он словно жует слова – знаю, что в зубах у него зажата сигарета. – Моя догадка была правильной.

Волна белого шума. Он выдыхает дым через мундштук.

– Я хотела с тобой поговорить... – начинаю я.

Он затихает. Чувствую, как он переключает скорости – по-другому дышит. Входит в роль психолога.

– Я хотела сказать тебе...

Долгая пауза. Он откашливается. Понимаю, что он нервничает, и это так неожиданно. Уэсли Бриллиант раздражен.

– У меня сейчас тяжелые времена.

Вот так.

– Что именно тебя беспокоит? – спрашивает он.

«Смерть моего мужа и дочери!» – хочу я прокричать.

– Мм, гм...

Он удивляет или ждет объяснения?

– В тот вечер...

Не знаю, как закончить фразу. Чувствую себя стрелкой компаса, которая поворачивается туда-сюда и не может остановиться.

– Что у тебя на уме, Фокс?

Вполне в его духе подталкивать меня. В своей практике я обычно позволяю пациенту придерживаться собственного темпа. А вот Уэсли всегда подгоняет.

– В тот вечер...

В тот вечер, перед тем как наша машина нырнула со скалы, ты мне звонил. Я тебя не виню. И ни во что тебя не втягиваю. Просто хочу, чтобы ты знал.

В тот вечер все почти закончилось. Ему предшествовали четыре месяца лжи – мы лгали Фиби, которая могла застукать нас, я лгала Эду,

который все понял в тот декабрьский день, когда я по ошибке послала ему сообщение, предназначеннное тебе.

В тот вечер я сожалела о каждом проведенном вместе мгновении: об утрах в отеле за углом, когда сквозь шторы просачивался робкий свет; о вечерах, когда мы часами обменивались сообщениями по телефону. Сожалела о том дне, когда все началось с бокала вина в твоем офисе.

В тот вечер наш дом уже неделю как был выставлен на продажу, и брокер составил график посещений для осмотра. Я умоляла Эда простить меня, а он не хотел даже взглянуть на меня. «Я смотрел на тебя как на соседскую девчонку».

В тот вечер...

Но он перебивает меня.

– Откровенно говоря, Анна... – (Я напрягаюсь, поскольку он, при всей своей заявленной откровенности, редко называл меня по имени.) – Я пытался оставить это в прошлом. – Он умолкает. – Пытался, и в целом мне это удалось.

О-о.

– Ты не хотела видеть меня потом. В больнице. Я предложил навестить тебя дома, помнишь, но ты отказалась, не перезвонила мне.

Он запинается, спотыкается на словах, как человек, бредущий по глубокому снегу. Как женщина, что кругами ходит около разбитой машины.

– Я не знал и не знаю, видишься ли ты с кем-нибудь. Я имею в виду профессионала. С радостью кого-нибудь порекомендую. – Он делает паузу. – Или если тебя все устраивает, тогда... что ж. – Еще одна пауза, на этот раз более длинная. И наконец: – Не вполне понимаю, чего ты от меня хочешь.

Я ошиблась. Он не играет роль психолога, не надеется мне помочь. Он перезвонил мне только через два дня. Хочет от меня отделаться.

Чего же я от него хочу? Резонный вопрос. Я не виню его, правда. Не пытаю к нему ненависти. Не скучаю по нему.

Когда я позвонила в его офис – неужели это было всего два дня назад? – должно быть, я действительно чего-то хотела. Но потом Норелли произнесла те магические слова, и мир изменился. И теперь это не имеет значения.

Вероятно, я произнесла это вслух.

– Что не имеет значения? – спрашивает он.

«Ты», – думаю я. Но не говорю этого.

А просто завершаю разговор.

**Четверг,
11 ноября**

Глава 79

Ровно в одиннадцать раздается звонок в дверь. Я с трудом вылезаю из кровати, выглядываю в фасадные окна. У двери стоит Бина, ее черные волосы блестят на утреннем солнце. Я позабыла про ее сегодняшний визит. Совершенно вылетело из головы.

Я отступаю назад, обозреваю с востока на запад дома через улицу: «Сестры Грей», Миллеры, Такеда, заброшенный дуплекс. Моя южная империя.

Снова звонок.

Спускаюсь по лестнице, подхожу к двери в прихожую, вижу Бину на экране домофона. Нажимаю кнопку переговорного устройства.

– Сегодня мне нездоровится, – говорю я.

Смотрю на нее.

– Мне войти?

– Нет, я в порядке.

– Можно я войду?

– Нет. Спасибо. Мне правда нужно побывать одной.

Она кусает губы.

– Все в порядке?

– Просто мне нужно побывать одной, – повторяю я.

Она кивает:

– Ладно.

Я жду, пока она уйдет.

– Доктор Филдинг рассказал мне о том, что произошло. Он услышал от полицейских.

Я ничего не говорю, просто закрываю глаза. Долгая пауза.

– Что ж, увидимся на следующей неделе, – говорит она. – В среду, как обычно.

Может быть, и нет.

– Да.

– Звони мне, пожалуйста, если что-то понадобится.

Не буду звонить.

– Хорошо.

Я открываю глаза, вижу, как она снова кивает. Повернувшись, она спускается по ступеням.

С этим покончено. Сначала Уэсли, теперь Бина. Кто-то еще? Да: завтра

Ив. Напишу ему, чтобы отменил урок. Je ne peux pas... [31]

Напишу по-английски.

Перед тем как вернуться на лестницу, я наполняю кормом и водой миски Панча. Он трусит ко мне, опускает мордочку в миску, потом настораживается – зажурчало в трубах.

Дэвид внизу. Какое-то время я не вспоминала о нем.

Останавливаюсь у двери в цокольный этаж, хватаю стремянку, передвигаю ее в сторону. Стучу в дверь, зову его по имени.

Ничего. Снова зову.

Наконец слышу шаги. Поворачиваю замок и громко говорю:

– Я отперла дверь. Можешь подняться. Если хочешь, – добавляю я.

Я не успеваю договорить, дверь открывается, и вот он стоит передо мной на второй ступеньке сверху, в облегающей футболке и потертых джинсах. Мы смотрим друг на друга.

Я заговариваю первой:

– Я хотела...

– Убираюсь восвояси, – говорит он.

Я моргаю.

– Все складывается как-то... странно.

Я киваю.

Порывшись в заднем кармане брюк, он вытаскивает клочок бумаги. Протягивает мне.

Без слов беру, разворачиваю.

«Что-то пошло не так. Извини, если расстроил тебя. Оставил ключ под дверью».

Я вновь киваю. Из угла комнаты слышу тиканье дедушкиных часов.

– Ну что ж, – говорю я.

– Вот ключ. – Дэвид протягивает его на ладони. – Дверь за мной захлопнется.

Я беру у него ключ. Очередная пауза.

Он смотрит мне в глаза.

– Та серьга...

– О-о, нет необходимости...

– Она принадлежала леди по имени Кэтрин, как я уже сказал. Я не знаю жену того мужика, Рассела.

– Понятно, – говорю я. – Прости.

Теперь кивает и он. И закрывает дверь.

Я оставляю ее незапертой.

Вернувшись в спальню, я посылаю доктору Филдингу краткое сообщение: «У меня все хорошо. Увидимся в понедельник». Он немедленно перезванивает мне. Телефон долго звонит, потом замолкает.

Бина, Дэвид, доктор Филдинг. Я делаю в доме генеральную уборку.

Задерживаюсь у двери в ванную комнату, рассматривая душ, как будто это картина в галерее, – нет, решаю я, по крайней мере не сегодня. Выбираю халат (напоминаю себе, что надо постирать испачканный, хотя пятно от вина уже въелось в ткань) и спускаюсь в кабинет.

Уже три дня я не сидилась за компьютер. Беру мышь, передвигаю вбок. Экран освещается, запрашивает пароль. Ввожу его.

Вновь вижу свое спящее лицо.

Откидываюсь в кресле. Все это время за чернотой экрана пряталась омерзительная тайна. Ударяю ладонью по мыши как по змее, загоняю курсор в угол, кликаю по крестику, чтобы закрыть картинку.

Теперь рассматриваю адрес отправителя. «Угадайктоанна».

Угадай кто. Не помню, как делала это... как там выразилась Норелли? «Маленькое полуночное селфи»? Честно говоря, у меня совершенно нет памяти. И все же это мои слова, наши слова. А у Дэвида есть алиби. Интересно, прежде я никого не знала с алиби или без него. Но никто другой не мог попасть ко мне в спальню. И никто не сводит меня с ума, как героиню в «Газовом свете».

...А не остался ли этот снимок в моей камере?

Я хмурюсь.

Да, наверняка. Если только я не решила стереть его, но... ладно. Однако...

Мой «Нikon» примостился на краю письменного стола, ремешок свешивается. Я тянусь к нему. Включаю и рассматриваю карту памяти.

Последний снимок – Алистер Рассел, закутанный в зимнее пальто, взбегающий вверх по ступеням моего крыльца. Снято шестого ноября. С тех пор ничего. Выключаю камеру, кладу на стол.

Но в любом случае «Нikon» чересчур громоздок для селфи. Вынимаю телефон из кармана халата, ввожу пароль, нажимаю на иконку «Фото».

И вот он, первый снимок с конца, втиснутый в экран айфона. Открытый рот, растрепанные волосы, пухлая подушка – и временная метка 02:02.

Ни у кого больше нет пароля.

Есть еще один тест, но я заранее знаю ответ.

Открываю сетевой браузер, набираю «gmail.com». Загружается

мгновенно, заполняется поле с именем пользователя: «угадайктоанна».

Я действительно сделала это. Угадай кто, Анна.

Должно быть, это была я. Никто не знает пароля для компьютера. Даже если в доме был кто-то еще – ну допустим, Дэвид, – пароль есть только у меня.

Моя голова клонится к коленям.

Клянусь, я ничего из этого не помню.

Глава 80

Я засовываю телефон в карман, перевожу дух и вхожу в «Агору». Меня ожидает куча сообщений. Я бегло их просматриваю. В основном мои постоянные корреспонденты: ДискоМики, Педро из Боливии, Талия с залива Сан-Франциско. Салли4-я. «С животиком!!! – пишет она. – Должна родить в апреле!!!»

Я вперяю взгляд в экран. Болит сердце.

Перехожу к новичкам. Их четверо, ищут помощи. Мои пальцы зависают над клавиатурой, потом опускаются на колени. Кто я такая, чтобы советовать людям, как справляться с расстройствами психики?

Отмечаю все сообщения. Нажимаю «Удалить».

Собираюсь покинуть сайт, когда появляется окно чата.

БабуляЛиззи: Как поживаете, доктор Анна?

Почему бы и нет? Я рас прощалась со всеми прочими.

ВрачПришел: Привет, Лиззи! Сыновья еще с вами?

БабуляЛиззи: Только Уильям!

ВрачПришел: Здорово! А как ваши успехи?

БабуляЛиззи: По-настоящему удивительны. Я регулярно выхожу из дома. А как вы?

ВрачПришел: Все хорошо! Сегодня у меня день рождения.

Господи, по-моему, это правда. Совершенно позабыла. Мой день рождения. С прошлой недели об этом не думала.

БабуляЛиззи: Счастливого дня рождения! Сколько лет вам исполнилось?

ВрачПришел: Да не много. Если только не считать 39 большой цифрой.

БабуляЛиззи: Эх, где мои 39...

БабуляЛиззи: Вы получаете вести от родных?

Я стискиваю мышь.

ВрачПришел: Хочу быть с вами честной.

БабуляЛиззи: ??

ВрачПришел: Мои родные погибли в декабре прошлого года.

Курсор мигает.

ВрачПришел: В автокатастрофе.

ВрачПришел: У меня была любовная связь. Мы с мужемссорились, из-за этого и съехали с дороги.

ВрачПришел: Это я съехала с дороги.

ВрачПришел: Я лечусь у психиатра, чтобы справиться с чувством вины, а также агорафобией.

ВрачПришел: Хочу, чтобы вы знали правду.

Пора с этим кончать.

ВрачПришел: Мне пора. Рада, что у вас все хорошо.

БабуляЛиззи: Ах, бедная моя девочка!

Вижу, что Лиззи набирает следующее сообщение, но не жду, когда она закончит. Закрываю окно чата и покидаю сайт.

С «Агорой» покончено.

Глава 81

Я уже три дня обхожусь без выпивки.

Это приходит мне в голову, когда я чищу зубы. (Мое тело может обойтись без гигиенических процедур, рот – нет.) Три дня – когда я в последний раз выдерживала так долго? Я даже об этом не помышляла.

Наклонив голову, я сплевываю.

Аптечка забита тюбиками, флаконами и контейнерами с таблетками. Я достаю четыре.

Спускаюсь, из светового люка над головой струится серый вечерний свет.

Сидя на диване, выбираю флакон, переворачиваю, подтаскиваю к себе через кофейный столик. За флаконом, как хлебные крошки, тянется цепочка таблеток.

Рассматриваю их. Подсчитываю. Набираю в сложенную лодочкой ладонь. Рассыпаю по столу.

Подношу одну ко рту.

Нет – еще нет.

Быстро опускается ночь.

Поворачиваюсь к окну и бросаю долгий взгляд через сквер. Дом Расселов... Театр для моего неспокойного ума. «Как поэтично», – думаю я.

Окна нарядно сверкают – в честь дня рождения в доме горят свечи. А комнаты пусты.

Чувствую, что избавилась от умопомешательства. Я вздрагиваю.

Поднимаюсь по лестнице в свою комнату. Завтра пересмотрю некоторые из любимых фильмов. «Полуночное кружево». «Иностранный корреспондент» – по меньшей мере сцену у ветряной мельницы. «23 шага по Бейкер-стрит». Может быть, снова «Головокружение». Во время последнего просмотра я дремала.

А послезавтра...

Лежа в кровати и засыпая, прислушиваюсь к пульсу дома – дедушкины часы внизу отбивают девять, поскрипывают полы.

– С днем рождения, – хором говорят Эд и Ливви.

Перекатываюсь на другой бок.

Вспоминаю, что сегодня и у Джейн день рождения. День рождения, подаренный мной. Одиннадцатое число одиннадцатого месяца.

Много позже, глубокой ночью, когда я на миг просыпаюсь, слышу, как кот крадется по черному колодцу лестницы.

**Пятница,
12 ноября**

Глава 82

Сквозь световой люк льется солнце, освещая ступени и площадку у кухни. Попав в этот сияющий поток, я словно оказываюсь в лучах прожектора.

В остальных помещениях дома темно. Я задернула все шторы, опустила все жалюзи. Темнота плотная, как дым, я почти чувствую ее запах.

На телевизоре финальная сцена из «Веревки». Два красивых молодых человека, убитый сокурсник, чей труп спрятан в антикварном комоде, стоящем в центре гостиной, – и вновь Джимми Стоарт. Все как будто снято с одного дубля (на самом деле десятиминутные отрывки сшиты вместе, ностыковки почти незаметны, а это 1948 год). «Кошки-мышки, кошки-мышки!» – сердится Фарли Грейндженер, пока его плотно не опутывает сеть.

– Кто кошка, а кто мышка? – громко повторяю я очередную реплику.

Мой же кот растянулся на спинке дивана, его хвост покачивается, как кобра под дудку факира. Панч где-то повредил заднюю левую лапу – утром я заметила, что он сильно хромает. Я положила в его миску порцию на несколько дней, чтобы он не...

Звонок во входную дверь.

Я откидываюсь на подушки. Голова поворачивается к двери.

Какого черта?

Не Дэвид, не Бина. Разумеется, не доктор Филдинг – он оставил несколько голосовых сообщений, но сомневаюсь, что он придет без звонка. Если только не объявил об этом в голосовом сообщении, которое я проигнорировала.

Снова раздается звонок. Я ставлю фильм на паузу, опускаю ноги на пол, встаю. Подхожу к экрану домофона.

Это Итан. Руки засунуты в карманы, вокруг шеи обмотан шарф. Волосы сияют в солнечном свете.

Нажимаю на кнопку переговорного устройства.

– Родители знают, что ты здесь? – спрашиваю я.

– Все в порядке, – отвечает он.

Я молчу.

– Очень холодно, – добавляет он.

Нажимаю на кнопку.

Секунду спустя он входит в гостиную, за ним тянется шлейф

прохладного воздуха.

– Спасибо, – пыхтит он. – На улице такая холода. – Он оглядывается по сторонам. – Здесь совсем темно.

– Это потому, что снаружи так ярко, – говорю я, но он прав.

Я включаю торшер.

– Может быть, я подниму жалюзи?

– Конечно. А вообще не надо, и так хорошо. Правда?

– Хорошо, – говорит он.

Я усаживаюсь в кресло.

– Можно мне присесть сюда? – спрашивает Итан, указывая на диван.

Все «можно» да «можно». Чрезесчур вежлив для тинейджера.

– Конечно.

Он садится. Панч спрыгивает со спинки дивана, проворно заползает под него.

Итан оглядывает комнату.

– Этот камин работает?

– Он газовый, но да, работает. Хочешь, чтобы я включила?

– Нет, я просто спросил.

Тишина.

– Для чего здесь эти лекарства?

Я перевожу взгляд на кофейный столик, заваленный таблетками. Четыре флакона, один пустой, стоят посередине.

– Просто я их пересчитываю, – объясняю я. – Чтобы знать, сколько докупить.

– А-а, понятно.

Снова тишина.

– Я пришел... – начинает он в тот момент, когда я произношу его имя.

Я тороплюсь.

– Итан, мне так жаль.

Он наклоняет голову.

– Просто мне очень неловко. – Бедняга уткнулся взглядом в свои колени, но я напираю. – За всю эту заваруху, в которую втянула тебя. Я... была так... уверена. Была уверена, что происходит нечто ужасное.

Он кивает, глядя в пол.

– У меня был... был очень тяжелый год.

Я опускаю веки. Когда я вновь поднимаю их, наталкиваюсь на проницательный взор Итана. Глаза его блестят.

– Я потеряла ребенка и мужа. – Проглатываю комок. Я это сказала. – Они умерли. Погибли. – «Дыши, дыши. Раз, два, три, четыре», – говорю

про себя. – И я начала пить. Больше, чем обычно. И пичкала себя лекарствами. А это опасно и неправильно.

Он продолжает внимательно смотреть на меня.

– Дело не в том, что я... верила, будто они действительно общаются со мной... понимаешь... из...

– Того мира, – тихим голосом произносит он.

– Именно. – Я ерзаю на месте, наклоняюсь вперед. – Я понимала, что они ушли. Умерли. Но мне нравилось их слушать. И чувствовать... Это очень трудно объяснить.

– Вроде как выходить с ними на связь?

Я киваю. Он такой необычный подросток!

– Что касается остального – многого просто не могу вспомнить. Пожалуй, мне хотелось общаться с другими людьми. Мне это было нужно. – Я качаю головой, и волосы касаются щек. – Не понимаю. – Смотрю прямо на него. – Но мне так жаль. – Я откашливаюсь и выпрямляюсь. – Наверное, ты пришел сюда не затем, чтобы увидеть, как плачет взрослый человек.

– Я же плакал перед вами, – замечает он.

Я улыбаюсь:

– Логично.

– Я взял у вас фильм, помните? – Он вынимает из кармана куртки слипкейс с диском, кладет на кофейный столик.

«Когда настанет ночь». Я совсем об этом забыла.

– Ты смог его посмотреть? – спрашиваю я.

– Угу.

– Что ты об этом думаешь?

– Жутко. Тот парень...

– Роберт Монтгомери.

– Он играл Дэнни?

– Да.

– По-настоящему жутко. Мне нравится та сцена, где он спрашивает девушку... гм...

– Розалинд Рассел.

– Она играла Оливию?

– Да.

– Где он спрашивает ее, нравится ли он ей, а она ему: «Нет» – а он ей: «Всем прочим я нравлюсь».

Он хихикает. Я улыбаюсь.

– Рада, что тебе понравилось.

– Ага.

– Черно-белые фильмы не так уж плохи.

– Да, отличный фильм.

– Не стесняйся, бери что понравится.

– Спасибо.

– Но я не хочу, чтобы у тебя были неприятности с родителями. – (Теперь он смотрит в сторону, изучает каминную решетку.) – Знаю, они очень сердятся, – продолжаю я.

Он тихо фыркает.

– У них свои проблемы. – Снова смотрит на меня. – С ними действительно трудно жить. Супертрудно.

– Полагаю, большинство молодых людей того же мнения о своих родителях.

– Нет, мои и правда такие.

Я киваю.

– Жду не дождусь, когда поступлю в колледж, – говорит он. – Еще два года.

– Ты уже знаешь, куда хочешь поступить?

Он качает головой:

– Пока нет. Подальше отсюда. – Он заводит руку за спину, чешет спину. – Во всяком случае, друзей у меня здесь нет.

– У тебя есть девушка? – спрашиваю я.

Он качает головой.

– Бойфренд?

Он с удивлением смотрит на меня. Пожимает плечами.

– Пытаюсь разобраться, – объясняет он.

– Логично.

Интересно, в курсе ли родители.

Дедушкины часы бьют один, два, три, четыре раза.

– Знаешь, – говорю я, – квартира внизу свободна.

Итан хмурится:

– Что случилось с тем парнем?

– Он съехал. – Я вновь откашливаюсь. – Если хочешь, можешь пользоваться квартирой. Я понимаю, как человеку бывает нужно личное пространство.

Неужели я пытаюсь отомстить Алистеру и Джейн? Не думаю. Однако было бы неплохо, если бы здесь кто-нибудь жил, я уверена в этом. Вполне подойдет молодой человек, пусть даже одинокий подросток.

Я продолжаю в духе хвалебной рекламной речи:

– Телевизора там нет, но я могу сообщить тебе пароль от вай-фай. И там есть диван. – Я говорю выразительно, убеждая сама себя. – Ты сможешь здесь скрываться, если дома будет трудно.

Он пристально смотрит на меня.

– Это было бы здорово.

Пока он не передумал, я вскакиваю. Ключ Дэвида лежит на кухонной столешнице – маленький серебряный осколок в потемках. Я беру его и вручаю Итану, который поднимается мне навстречу.

– Потрясающе! – И он засовывает ключ в карман.

– Приходи в любое время, – говорю я ему.

Итан бросает взгляд на дверь.

– Пожалуй, мне пора домой.

– Конечно.

– Спасибо за… – Он хлопает по карману. – И за фильм.

– Пожалуйста.

Я провожаю его в прихожую.

Перед тем как уйти, Итан поворачивается, машет в сторону дивана.

– Котик сегодня тихий, – говорит он, глядя на меня. И с гордостью объявляет: – А у меня теперь есть телефон.

– Поздравляю.

– Хотите посмотреть?

– Разумеется.

Он протягивает мне потертый айфон.

– Подержанный, но все же.

– Потрясающе.

– А ваш какого поколения?

– Понятия не имею. А твой?

– Шестого. Почти новейший.

– Что ж, это здорово. Рада, что у тебя есть телефон.

– Я записал ваш номер. Хотите мой?

– Твой номер?

– Угу.

– Конечно. – Он прикасается к экрану, и я ощущаю в недрах халата гудение моего мобильного. – Теперь у вас есть мой номер, – объясняет он, давая отбой.

– Спасибо.

Итан тянется к дверной ручке, потом опускает руку и неожиданно серьезно глядит на меня.

– Мне очень жаль, что с вами все это случилось, – говорит он таким

мягким голосом, что у меня встает ком в горле.

Я киваю.

Он уходит. Я запираю за ним дверь.

Бреду обратно к дивану и смотрю на кофейный столик, на пилюли, разбросанные по нему, как звезды по ночному небу. Беру пульт, и фильм продолжается.

«Если честно, – говорит Джимми Стюарт, – это меня немного пугает».

**Суббота,
13 ноября**

Глава 83

Половина одиннадцатого, и я чувствую себя по-другому.

Может быть, дело в том, что я выспалась – две таблетки темазепама, двенадцать часов сна; а может, надо благодарить проснувшийся аппетит – после того как ушел Итан и фильм закончился, я приготовила себе сэндвич. За всю неделю в желудок попало что-то, похожее на приличную еду.

Как бы то ни было, я чувствую себя иначе.

Мне лучше.

Иду в ванную. Встаю под душ. Мои волосы намокают, струи барабанят по плечам. Проходит пятнадцать минут. Двадцать. Полчаса. Отмытая и благоухающая кожа кажется новой. Влезаю в джинсы и свитер. (Джинсы! Когда я в последний раз надевала джинсы?)

Подхожу к окну спальни, раздвигаю шторы – комната наполняется светом. Закрываю глаза, подставляя лицо под солнечные лучи.

Чувствую себя готовой к борьбе, готовой встретить новый день. Готовой выпить бокал вина. Всего один.

Спускаюсь, захожу в каждую комнату, поднимаю жалюзи, раздвигаю шторы. Дом затоплен светом.

В кухне наливаю себе мерло на несколько пальцев. («Только скотч измеряется пальцами», – слышу слова Эда. Отмахиваюсь, наливаю еще.)

Теперь – «Головокружение», раунд два. Устраиваюсь на диване, перематываю в начало, к той летальной сцене с рывком и падением с крыши. В кадре появляется Джимми Стюарт, который взбирается по лестнице. Последнее время я много с ним общаюсь.

Часом позже, за третьим бокалом.

«Он был готов поместить жену в лечебное учреждение, – нараспев говорит судебный чиновник, ведущий следствие, – где ее психическое здоровье оказалось бы в руках специалистов».

Засуетившись, я встаю, чтобы долить бокал.

Я решила, что днем поиграю в шахматы, зарегистрируюсь на сайте классических фильмов, может быть, займусь уборкой – в верхних комнатах полно пыли. Ни при каких обстоятельствах не стану следить за соседями.

Даже за Расселами.

В особенности за Расселами.

Стоя у окна кухни, я даже не смотрю на их дом. Поворачиваюсь к нему спиной, возвращаюсь к дивану, ложусь.

Проходит несколько мгновений.

«Жаль, что, зная ее суицидальные наклонности...»

Я бросаю взгляд на горку пиллюль на столе. Потом поднимаюсь, спускаю ноги на коврик и сгребаю пиллюли в горсть.

«Присяжные полагают, что Мадлен Элстер совершила самоубийство в состоянии психического расстройства».

Вы не правы, думаю я. Случилось нечто иное.

Одну за одной я опускаю таблетки во флаконы. Крепко завинчиваю крышки.

Потом устраиваюсь на диване и ловлю себя на мысли об Итане. Придет ли он еще? Может быть, захочет поболтать.

«Я не мог пойти дальше», – мрачно произносит Джимми.

– ...Не могла пойти дальше, – повторяю я.

Прошел еще один час. Кухню освещают косые лучи закатного солнца. Я уже порядком набралась. В комнату, прихрамывая, входит кот. Когда я пытаюсь осмотреть его лапу, жалобно мяукает.

Я хмурюсь. Хоть раз за этот год вспомнила я о ветеринаре?

– Безответственно с моей стороны, – говорю я Панчу.

Он жмурился, устраиваясь у меня в ногах.

На экране Джимми заставляет Ким Новак подняться на колокольню.

«Я не мог пойти за ней, но я пытался, Бог свидетель! – кричит он, хватая Ким за плечи. – Человеку не часто выпадает второй шанс. Я хочу избавиться от преследования!»

– Хочу избавиться от преследования, – говорю я.

Закрываю глаза, повторяю это снова. Гляжу кота. Тянусь за бокалом.

«А умерла именно она, не ты. Его настоящая жена! – кричит Джимми, скимая руки на ее горле. – Ты была двойником. Фальшивкой!»

У меня в голове что-то звенит, как сигнал радара. Тихий звук, высокий и отдаленный, но он меня отвлекает.

Правда, ненадолго. Откинувшись на спинку дивана, я делаю глоток вина из бокала.

Монахиня, вопль, звон колоколов, и фильм заканчивается.

– Вот как я хочу умереть, – сообщаю я коту.

Я отдираю себя от дивана, ставлю Панча на пол – он недоволен. Несу бокал в раковину. Надо поддерживать в доме порядок. Возможно, Итан

захочет проводить здесь время, и мне не стоит бродить по дому этакой мисс Хэвишем из «Больших надежд». (Очередной выбор клуба книголюбов Кристины Грей. Нужно узнать, что они читают сейчас. В этом точно нет никакого вреда.)

Наверх, в кабинет. Посещаю шахматный форум. Проходит два часа, и за окнами темнеет. Я выигрываю три матча подряд. Надо отметить. Беру в кухне бутылку мерло – я лучше играю, когда вмажу, – и наливаю в бокал на ходу, поднимаясь по ступеням. Вино капает на ротанг. Ничего, потом отмою.

Еще два часа, еще два триумфа. Я непобедима. Выплескиваю в бокал все, что осталось в бутылке. Я выпила больше, чем намеревалась, но завтра возьму себя в руки.

Начиная шестую партию, я думаю о двух прошедших неделях, об охватившей меня лихорадке. Это было похоже на гипноз, как у Джин Тирни из «Водоворота», или на умопомешательство, как у Ингрид Бергман из «Газового света». Я совершила вещи, о которых не помню. Не совершала вещей, о которых помню. Практикующий врач во мне потирает руки – несомненный эпизод истерии? Доктор Филдинг бы...

Проклятье!

Я по ошибке жертвуя ферзя – приняла его за слона. Господи, я выругалась. Давно я не ругалась. Я повторяю слово про себя, смакую его.

Хотя все же... Этот ферзь... Мой противник по «Рук-энд-ролл», конечно, набрасывается на меня.

«Что за фигня??? – посыпает он мне сообщение, состоящее в основном из акронимов интернет-сленга. – Плохой ход. Ну очень смешно!!!»

«Приняла за другую фигуру», – объясняю я, собираясь сделать глоток вина.

И внезапно цепенею.

Глава 84

Что, если...

Думай.

Мысль клубится, как капля крови в воде.

Хватаюсь за бокал.

Что, если...

Нет.

Да.

Что, если Джейн – женщина, которую я знала под именем Джейн, – вовсе не Джейн?

...Нет.

...Да.

Что, если...

Что, если она была совершенно другим человеком?

Именно об этом говорил мне Литл. Нет – это половина из того, что говорил Литл. Он сказал, что та женщина из дома двести семь, женщина с гладкими волосами и стройными бедрами, определенно, явно Джейн Рассел. Отлично. Согласна.

Но что, если женщина, с которой я встречалась, или думала, что встречалась, на самом деле вполне реальна – просто это другой человек, выдающий себя за Джейн? Фигура, которую я приняла за другую? Слон, которого я перепутала с ферзем?

Что, если она была двойником – та, что умерла? Что, если она была фальшивкой?

Я отстраняю бокал от губ. Ставлю на стол, отодвигаю в сторону.

Почему, правда?

Думай. Предположим, она реально существовала. Да, я отвергаю доводы Литла, отвергаю логику, предполагая, что была права – допустим, в большинстве случаев. Женщина не была фантомом. Она приходила туда, в их дом. Зачем Расселам понадобилось отрицать ее существование? Они могли бы правдоподобно настаивать на том, что она не Джейн, но пошли на шаг дальше.

Откуда она так много знала про них? Зачем она выдала себя за другую – за Джейн?

– Кем же она могла быть? – вдруг спрашивает Эд.

Нет. Перестань.

Я встаю, подхожу к окну. Поднимаю глаза к дому Расселов – дому через сквер. Алистер и Джейн стоят в кухне, разговаривают. Он держит ноутбук, ее руки скрещены на груди. Пусть оглянутся, думаю я. В темноте кабинета я чувствую себя в безопасности. Мне кажется, что я спряталась ото всех.

Вижу что-то краем глаза. Бросаю взгляд наверх, в спальню Итана.

Он замер у окна. Вижу тонкий силуэт на фоне горящей лампы. Обе ладони прижаты к стеклу, словно он пытается что-то разглядеть. Через секунду он поднимает руку. Машет мне.

У меня учащается пульс. Медленно машу ему в ответ.

Следующий ход.

Глава 85

Бина отвечает после первого звонка.

– У тебя все нормально?

– Я...

– Мне звонил твой врач. Он очень беспокоится.

– Знаю.

Я сижу на ступенях в тусклом лунном свете. У моих ног влажное пятно – там, где я днем пролила вино. Надо вытереть.

– Он говорит, что пытался до тебя дозвониться.

– Пытался. У меня все хорошо. Скажи ему, что я в порядке.

Послушай...

– Ты пила?

– Нет.

– Ты так разговариваешь, будто у тебя каша во рту.

– Нет. Просто я спала. Послушай, я подумала...

– Я думала, ты уже спишь.

Игнорирую это замечание.

– Я размышляла кое о чем.

– И о чем же? – осторожно спрашивает она.

– О людях, что живут на той стороне сквера. О той женщине.

– Ах, Анна... – Она вздыхает. – Я сама... хотела поговорить с тобой об этом в четверг, но ты не впустила меня.

– Знаю. Прости. Но...

– Той женщины не существовало.

– Она существовала. Просто я не могу доказать, что она существует сейчас. Но она была – из крови и плоти.

– Анна, ты сошла с ума. С этим покончено.

Я молчу.

– Доказывать тут нечего. – Бина говорит с нажимом, почти сердито, я ни разу не слышала у нее такого тона. – Не знаю, о чем ты размышляла или что с тобой... творилось, но с этим покончено. Ты всю жизнь себе исковеркаешь.

Прислушиваюсь к ее дыханию.

– Чем дольше это будет продолжаться, тем больше времени потребуется на излечение.

Тишина.

– Ты права.
– Ты серьезно?
Я вздыхаю:
– Да.
– Пожалуйста, скажи, что не наделаешь глупостей.
– Не наделаю.
– Обещай мне.
– Обещаю.
– Признайся, что все это были твои фантазии. Мне необходимо это услышать.
– Фантазии, и больше ничего.
Молчание.
– Бина, ты права. Извини. Это были... последствия шока или что-то в этом роде. Вроде возбуждения нейронов после смерти организма.
– Что ж, – говорит она теплым голосом, – я об этом не знала.
– Прости. Суть в том, что я не собираюсь совершать никаких глупостей.
– Ты обещала.
– Да.
– Значит, когда я приду к тебе на следующей неделе, то не услышу ничего... ну, как сказать... ничего тревожного.
– Ничего, кроме тревожных звуков, которые я обычно издаю.
Чувствую, что она улыбается.
– Доктор Филдинг сказал, что ты опять выходила из дома. Пошла в кафе.
Это было вечность назад.
– Выходила.
– Ну и как?
– О-о, ужасающе.
– Все так же?
– Так же.
Очередная пауза.
– И последний раз... – говорит она.
– Обещаю. Все это пустые выдумки.
Мы прощаемся друг с другом и заканчиваем разговор.
Потираю рукой затылок. Я часто так делаю, когда приходится лгать.

Глава 86

Перед тем как начать, надо все обдумать. Я не имею права на ошибку. У меня нет союзников.

Разве что один найдется. Правда, пока я не стану к нему обращаться. Не могу.

Надо, надо хорошо подумать. Но сначала необходимо спать. Может быть, дело в вине – вероятно, в нем, – но я вдруг чувствую, что очень устала. Смотрю на телефон. Почти половина одиннадцатого. Время летит.

Я возвращаюсь в гостиную, выключаю лампу. Поднимаюсь в кабинет, выключаю компьютер. Снова наверх, в спальню. Панч идет за мной, прихрамывая. Надо что-то сделать с его лапой. Возможно, Итан согласится отвезти кота к ветеринару.

Заглядываю в ванную. Я чересчур утомлена, чтобы вымыть лицо, почистить зубы. К тому же делала то и другое утром. Завтра наверстаю. Сбрасываю одежду, беру на руки кота, забираюсь в постель.

Панч разгуливает по простыням, устраивается в дальнем углу. Прислушиваюсь к его дыханию.

Однако – возможно, это вино, почти наверняка вино – мне не заснуть. Я лежу на спине, уставившись в потолок, на волнообразный узор розеток молдинга. Потом перекатываюсь на бок, всматриваюсь в темноту коридора. Переворачиваюсь на живот, прижимаюсь лицом к подушке.

Темазепам. По-прежнему во флаконе на кофейном столике. Надо подняться, спуститься. Вместо этого переворачиваюсь на другой бок.

Теперь я вижу то, что за сквером. В доме Расселов угомонились. В кухне темно, в гостиной задернуты шторы, лишь комната Итана озарена призрачным свечением компьютерного монитора.

Я всматриваюсь в дом, пока у меня не начинает рябить в глазах.

– Что ты собираешься делать, мамочка?

Я опять переворачиваюсь на живот, зарываюсь лицом в подушку, сжимаю веки. Не сейчас. Не сейчас. Сосредоточься на чем-то другом, чем-то другом.

Сосредоточься на Джейн.

Перематываю назад. Проигрываю разговор с Биной, вспоминаю Итана у окна, с распластанными по стеклу пальцами. Быстро перематываю «Головокружение», визит Итана. Одинокие часы этой недели проносятся передо мной в обратном порядке. Кухня заполняется посетителями –

сначала детективы, потом Дэвид, Алистер, Итан. Все мелькает, ускоряясь, расплываясь, — мимо кафе, мимо больницы, мимо того вечера, когда я видела, как она умирала. Камера прыгает с пола мне в руки — назад, назад, к тому моменту, когда Джейн повернулась от раковины ко мне лицом.

Стоп. Я ложусь на спину, открываю глаза. Надо мной, как экран, простирается потолок.

И весь кадр заполняет Джейн — женщина, которую я знала под этим именем. Она стоит у кухонного окна, коса вьется между лопатками.

Эта сцена идет с замедленным воспроизведением.

Джейн поворачивается ко мне, и я приближаю ее яркое лицо, блестящие глаза, мерцающий серебряный кулон. Теперь расширяю кадр — стакан воды в одной руке, стакан бренди в другой. «Понятия не имею, помогает ли бренди!» — звонко произносит она. Звук объемный.

Я фиксирую кадр.

Что сказал бы Уэсли? «Уточним наши вопросы, Фокс».

Вопрос первый: почему она при знакомстве называет себя Джейн Рассел?

...Дополнение к первому вопросу: разве она представилась? Разве не я первая заговорила с ней и назвала ее этим именем?

Перематываю снова до того момента, когда я впервые услышала ее голос. Она вновь поворачивается к раковине. Проигрываю: «Шла к соседям...»

Да. Именно так — в тот момент я и решила, кто она такая. В тот момент я неправильно прочитала субтитры.

Итак, вопрос второй: что она мне ответила? Я быстро перематываю вперед, смотрю на потолок, навожу камеру на ее рот и одновременно слышу свой голос: «Вы живете с другой стороны сквера. Вы Джейн Рассел».

Она вспыхивает. Ее губы приоткрываются, и она говорит...

Но сейчас я слышу посторонний звук за кадром.

Что-то там внизу.

Звон разбитого стекла.

Глава 87

Если я наберу 911, скоро ли явится помощь? Если позвонить Литлу, снимет ли он трубку?

Моя рука тянется в сторону.

Мобильного нет.

Хлопаю по подушке, по одеялу. Ничего. Телефона здесь нет.

Думай. Думай. Когда в последний раз звонила? На лестнице, когда разговаривала с Биной. А потом – потом я пошла в гостиную, чтобы выключить свет. Что я сделала с телефоном? Взяла с собой в кабинет? Оставила там?

Понимаю, что это не имеет значения. У меня его нет.

Тишину вновь разрывают эти звуки. Звон разбитого стекла.

Слезаю с кровати, одна нога перед другой, упираюсь ступнями в ковер. Рывком поднимаюсь. Нахожу висящий на стуле халат, надеваю его. Подбегаю к двери.

Снаружи из светового люка падает тусклый свет. Крадусь по коридору, прижимаясь спиной к стене. Спускаюсь по лестнице, едва дыша, с сильно бьющимся сердцем.

Останавливаюсь на следующей площадке. Внизу все тихо.

Медленно-медленно иду на цыпочках в кабинет, ощущая под ногами ротанг, потом ковер. Из дверного проема разглядываю письменный стол. Телефона там нет.

Поворачиваюсь кругом. До злоумышленника остается один этаж. Я безоружна. Не могу позвать на помощь.

Внизу бьется стекло.

Я вздрагиваю, задеваю бедром ручку двери в кладовку.

Дверь кладовки!

Хватаюсь за ручку. Поворачиваю. Слышу щелчок, открываю дверь.

Передо мной чернильная темнота. Делаю шаг вперед.

Тянусь вправо, касаюсь пальцами полки. Шнур от лампочки задевает меня по лбу. Рискнуть? Нет – свет слишком яркий, может просочиться на лестничную клетку.

В темноте передвигаюсь вперед, шаря перед собой руками, будто играю в жмурки. Пока одной рукой не нащупываю холодный металл ящика с инструментами. Нахожу защелку, открываю ее, залезаю внутрь.

Вот и резак для картона.

Выбираюсь из кладовки, зажав оружие в кулаке. Выдвигаю лезвие, оно мерцает в лунном свете. Подхожу к верху лестничного марша, прижимая локоть к боку и направив резак прямо вперед. Другой рукой хватаюсь за перила, чтобы спуститься.

И тут я вспоминаю про телефон в библиотеке. Городская линия. Всего в нескольких ярдах. Поворачиваюсь.

Но, не успев сделать и шага, слышу снизу другой звук.

– Миссис Фокс, – зовет кто-то. – Жду вас в кухне.

Глава 88

Мне знаком этот голос.

Я осторожно спускаюсь по лестнице, скользя ладонью по гладким перилам, в другой руке дрожит лезвие. Слышу свое дыхание. Слышу свои шаги.

– Это правильно. Только поживее, пожалуйста.

Внизу медлю у двери. Делаю глубокий вдох и, закашлявшись, брызгаю слюной. Пытаюсь сдержать кашель, хотя тот, кто вторгся в мой дом, знает, что я здесь.

– Входите же.

Я вхожу.

Кухню заливает лунный свет, посеребрив столешницы. Пустые бутылки у окна сияют. Кран сверкает, раковина ярко блестит. Поблескивает даже деревянный пол.

Он прислонился к кухонному острову – силуэт в белом свете. У его ног мерцают осколки стекла. Они разбросаны по всему полу. На столешнице выстроилась шеренга бутылок и бокалов, до краев наполненных луной.

– Извините за... – Он делает широкий жест рукой. – Беспорядок. Так не хотелось подниматься наверх.

Я ничего не говорю, но сжимаю пальцами рукоятку резака.

– Я был очень терпелив, миссис Фокс. – Алистер вздыхает, повернув голову, и я вижу его профиль, очерченный светом, – высокий лоб, нос с горбинкой. – Доктор Фокс. Как бы вы... себя ни называли. – Он с трудом ворочает языком. Понятно, что он сильно пьян. – Я был терпелив, – повторяет он. – Мирился со многими вещами. – Шмыгнув, он выбирает бокал без ножки, катает его в ладонях. – Мы все долго терпели вас, особенно я.

Теперь я вижу его более отчетливо – его куртка застегнута на молнию до воротника, и на руках темные перчатки. У меня сжимается горло.

Я по-прежнему не отвечаю. Подхожу к выключателю, протягиваю руку.

Стекло разбивается в нескольких дюймах от моей протянутой руки. Отскакиваю назад.

– Оставьте в покое долбаный выключатель! – рычит он.

Стою не двигаясь, ухватившись за дверной косяк.

– Кто-то должен был предупредить нас о такой соседке.

Он качает головой, посмеивается.

Я проглатываю комок. Его смех стихает.

– Вы дали моему сыну ключ от вашей квартиры. – Он поднимает ключ. – Возвращаю его. – Ключ со звоном падает на столешницу острова. – Даже не будь вы с приветом... я бы не хотел, чтобы мой сын путался со взрослой женщиной.

– Я вызову полицию, – шепчу я.

Он фыркает.

– Давайте. Вот ваш мобильный.

Он берет телефон со столешницы, подбрасывает и ловит, раз, другой...

Да, я оставила его в кухне. Какое-то мгновение я жду, что Алистер швырнет телефон на пол или запустит им в стену, но вместо этого он кладет его рядом с ключом.

– В полиции вас считают посмешищем, – делая шаг ко мне, говорит Рассел.

Я поднимаю резак.

– О-о! – ухмыляется он. – О-о! Что вы собираетесь делать с этим?

И делает еще шаг вперед.

На этот раз я делаю то же самое.

– Убирайтесь из моего дома! – требую я.

У меня дрожат руки. Лезвие сверкает в лунном свете, как полоска серебра.

Рассел замер, затаил дыхание.

– Кто была та женщина? – наступаю я.

И вдруг его рука тянется к моему горлу, вцепляется в него. Он толкает меня, и я сильно ударяюсь головой о стену. Вскрикиваю. Его пальцы впиваются мне в кожу.

– Ты, помешанная... – Винные пары его дыхания опаляют мне лицо, от них щиплет глаза. – Оставь в покое моего сына. Держись подальше от моей жены.

Я давлюсь, хриплю. Пытаюсь отодрать от горла пальцы Алистира, царапаю ногтями его запястье.

Другой рукой нацеливаю лезвие ему в бок. Но цель уплывает от меня, и резак падает на пол. Алистер наступает на него, сжимает мне горло. Я хриплю.

– Держись, твою мать, подальше от всех нас, – выдыхает он.

Проходит минута.

Другая.

Все плывет у меня перед глазами. По щекам текут слезы.
Я теряю сознание...

Он отпускает мою шею. Я ловлю ртом воздух, соскальзываю на пол.
Рассел возвышается надо мной. Пинком зашвыривает резак в угол.
– Помни об этом, – тяжело дыша, говорит он срывающимся голосом.
Я не в силах поднять на него глаза.

Но я слышу, как он произносит еще одно слово, очень тихо, даже
мягко:

– Пожалуйста.

Тишина. Смотрю на его ботинки. Он поворачивается к выходу.
Удаляется.

Проходя мимо острова, Рассел смахивает с него бокалы и бутылки.
Стеклянный водопад обрушивается на пол, и все разбивается вдребезги. Я
хочу закричать, но из горла вырывается сипение.

Алистер рывком распахивает дверь в прихожую. Слышу, как щелкает
замок входной двери, а потом она захлопывается.

Обхватив себя руками, я дотрагиваюсь до шеи. Меня сотрясают
рыдания.

И когда ко мне, прихрамывая, приближается Панч и робко лижет мне
руку, я принимаюсь рыдать еще сильнее.

**Воскресенье,
14 ноября**

Глава 89

Я рассматриваю свое горло в зеркале ванной. Пять синяков, темная полоса вокруг шеи.

Бросаю взгляд на Панча, свернувшегося на плиточном полу. Хромой кот и я. Ну и парочка.

Я не стану заявлять в полицию о вчерашнем вечере. Не стану, потому что не могу. Разумеется, доказательство есть – отпечатки пальцев на моей коже. Но полицейские прежде всего захотят узнать, зачем Алистер был здесь, а правда в том, что… Я предложила подростку, чьих родных я преследовала, тусоваться в моем цокольном этаже. Понимаете, в качестве замены моему умершему ребенку и умершему мужу. Это выглядит не очень хорошо.

– Выглядит не очень хорошо, – говорю я, проверяя, как звучит мой голос.

А звучит он слабо, устало.

Выхожу из ванной и спускаюсь по лестнице. Глубоко в кармане халата телефон ударяется о мое бедро.

Я собираю разбитое стекло, подметаю пол, выбрасываю все в контейнер для мусора. Стараюсь не думать о том, как Рассел схватил меня, стал душить. Как стоял надо мной, а потом топтал мерцающие осколки.

Под ногами доски из белой березы сверкают, как пляж.

За кухонным столом я верчу в руках резак для картона, прислушиваюсь к щелканью лезвия, когда оно скользит взад-вперед.

Я смотрю на ту сторону сквера. Дом Расселов тоже смотрит на меня пустыми глазницами окон. Интересно, где они. Интересно, где он.

Нужно было лучше примериться. Сильнее ударить. Представляю себе, как лезвие разрезает ему куртку, вспарывает кожу.

И тогда у меня в доме появился бы раненый мужчина.

Кладу резак на стол и подношу к губам кружку. В моем буфете нет чая – Эд был к нему равнодушен, а я предпочитала другие напитки, – так что прихлебываю теплую, чуть подсоленную воду. Горло жжет. Я морщусь.

Снова бросаю взгляд через сквер. Потом встаю, опускаю на окне жалюзи.

Вчерашний вечер кажется лихорадочным сном, облачком дыма. Киноэкран у меня на потолке. Звон разбитого стекла. Чернота кладовки.

Лестничные марши. И Алистер, который велит мне явиться и поджидает меня внизу.

Я дотрагиваюсь до горла. «Не говорите мне, что это был сон, что он сюда не приходил». Да, опять «Газовый свет».

Потому что это был не сон. («Это не сон! Это происходит на самом деле!» – Миа Фэрроу, «Ребенок Розмари».) В мой дом вторглись. Нанесли урон моей собственности. Мне угрожали. На меня напали. И я ничего не могу с этим поделать.

Ничего не могу... Теперь я знаю, что Алистер способен на насилие. Теперь я знаю, на что он способен. Но он прав – в полиции меня не станут слушать. Доктор Филдинг считает, что у меня бред. Я сказала Бине, обещала ей, что справлюсь с этим. Итан вне пределов досягаемости. Уэсли для меня потерян. Никого нет.

– Угадай кто?

На этот раз она, голос тихий, но внятный.

Нет. Я качаю головой.

«Кто была та женщина?» – спросила я вчера Алистера.

Если она существовала.

Я не знаю. И никогда не узнаю.

Глава 90

Провожу в постели все утро и послеполуденные часы, стараясь не плакать, стараясь не думать – о вчерашнем вечере, о сегодняшнем и завтрашнем дне, о Джейн.

За окном – низкие тучи с темным брюхом. Я открываю на телефоне погодное приложение. К вечеру обещают грозу.

Опускаются мрачные сумерки. Я задергиваю шторы и открываю ноутбук, кладу рядом с собой. Пока я смотрю «Шараду», он греет простыни.

«Что мне сделать, чтобы вы были довольны? – спрашивает Кэри Грант. – Стать следующей жертвой?»

Я вздрагиваю.

К концу фильма я уже почти сплю. Гремит финальная музыка. Я захлопываю ноутбук.

Позже я просыпаюсь от гудения телефона.

Предупреждение о чрезвычайной ситуации!

Угроза наводнения до трех часов утра по восточному поясному времени. Избегайте районов подтопления.

Следите за местными СМИ.

Национальная метеорологическая служба.

До чего бдительна эта НМС! Я и в самом деле планирую избегать районов подтопления. Вовсю зевая, с трудом вылезаю из кровати, бреду к окну.

Снаружи темно. Дождя пока нет, но тучи нависают низко, колышутся ветви сикомора. Слышу порывы ветра. Обхватываю себя руками.

На той стороне сквера в кухне Расселов горит свет. Алистер идет к холодильнику. Открывает, достает бутылку – наверное, пиво. Неужели опять напьется?

Я притрагиваюсь к горлу. Синяки болезненны на ощупь.

Плотно задергиваю шторы и возвращаюсь в постель. Стираю сообщение из телефона, смотрю на время: 21:29. Могу посмотреть еще один фильм. Могу выпить вина.

Рассеянно провожу пальцем по экрану. Пожалуй, выпью бокал. Всего

один – больно глотать.

Под кончиками пальцев ярко вспыхивает цвет. Смотрю на телефон – я включила просмотр снимков. Сердце упало – вот фотография, на которой я сплю. Фотография, которую якобы сделала я сама.

Отшатываюсь. В следующий момент удаляю ее.

Сразу же появляется предыдущий снимок.

Поначалу не узнаю его. Потом вспоминаю – я фотографировала, глядя в окно кухни. Оранжевый закат цвета шербета, далекие здания, что, как зубы, вгрызаются в него. Золотистая от света улица. Широко расправив крылья, в небе замерла одинокая птица.

И в стекле отражается женщина, которую я знала под именем Джейн.

Глава 91

Изображение полупрозрачное, с размытыми краями, но это, без сомнения, Джейн, как призрак, притаившаяся в правом нижнем углу. Она смотрит прямо в камеру – выражение лица спокойное, губы полуоткрыты. Одна рука срезана рамкой кадра – припоминаю, она тушит сигарету в миске. Над головой кольцо густого дыма. Отметка времени 18:04, дата – почти две недели назад.

Джейн. Едва дыша, я склоняюсь над экраном.

Джейн.

«Мир – прекрасное место», – сказала она.

«Не забывай об этом. И не упусти его», – сказала она.

«Молодец», – сказала она.

Она действительно говорила все это, потому что на самом деле была здесь.

Джейн.

Я скатываюсь с кровати, увлекая за собой простыни. Ноутбук соскальзывает на пол. Подбегаю к окну, отдергиваю шторы.

Теперь в гостиной Расселов горит свет. В той комнате все и началось. Оба они сидят на полосатом канапе – Алистер и его жена. Он ссгутился, в руке зажата бутылка пива. Она поджалла под себя ноги и проводит ладонью по своим блестящим волосам.

Лгуны.

Смотрю на телефон у себя в руке.

Как с этим быть?

Будто слышу отповедь Литла: «Снимок ничего не доказывает, помимо того, что он был сделан, – и это снимок неизвестной женщины». Тут не поспоришь.

– Доктор Филдинг тоже не станет тебя слушать, – говорит мне Эд.

Заткнись.

Но он прав.

Думай. Думай.

– А как насчет Бины, мамочка?

Перестань.

Думай.

Есть только один ход. Я перевожу взгляд с гостиной на темную спальню наверху.

Возьму пешку.

– Алло? – Голос птенца, слабый и ломкий.

Сквозь тьму всматриваюсь в его окно. Никаких признаков человеческого присутствия.

– Это Анна, – говорю я.

– Знаю. – Почти шепот.

– Где ты?

– В своей комнате.

– Я тебя не вижу.

Мгновение спустя он, как призрак, появляется у окна – в белой футболке, тонкий и бледный. Я кладу ладонь на стекло.

– Ты меня видишь? – спрашиваю я.

– Да.

– Надо, чтобы ты сюда пришел.

– Не могу. – Он качает головой. – Мне не разрешают.

Перевожу взгляд ниже, на гостиную. Алистер и Джейн сидят в тех же позах.

– Я знаю, но это очень важно. Очень важно.

– Папа забрал у меня ключ.

– Знаю.

Пауза.

– Если я вас вижу... – Он не договаривает.

– И что?

– Если я вас вижу, то и они вас видят.

Качнувшись назад, я задергиваю шторы, оставляя между ними щель.

Изучаю гостиную. Все по-прежнему.

– Просто зайди, – говорю я. – Пожалуйста. Ты не...

– Что-что?

– Ты... когда сможешь выйти из дома?

Еще одна пауза. Вижу, как он глядит на телефон, потом снова прижимает его к уху.

– В десять родители смотрят сериал «Хорошая жена». Может быть, тогда смогу выйти.

Теперь и я бросаю взгляд на часы в мобильном. Осталось двадцать минут.

– Ладно. Хорошо.

– У вас все в порядке?

– Да. – Не стоит тревожить его. «Вы ненадежны». – Мне необходимо

кое о чем с тобой поговорить.

– Мне проще было бы зайти завтра.

– Это не может ждать. Правда...

Опускаю взгляд ниже. Джейн уставилась на свои колени, она тоже скимает в руке бутылку пива. Алистер вышел.

– Заканчивай разговор, – говорю я срывающимся голосом.

– Почему?

– Нажми отбой!

Он открывает рот.

Комната озаряется ярким светом.

За спиной у Итана стоит Алистер, держит палец на выключателе.

Итан резко поворачивается,роняя руку вдоль тела. Линия замолкает.

Я не дыша наблюдаю эту сцену.

Алистер маячит в проеме двери, что-то говорит. Итан делает шаг вперед, поднимает руку, размахивает телефоном.

На миг они замирают.

Затем Алистер устремляется к сыну. Забирает у него телефон. Смотрит в него. Потом на Итана.

Проходит мимо него к окну, сердито всматривается в темноту. Я отступаю дальше в спальню.

Алистер раскидывает руки, закрывает ставнями обе половинки окна. Плотно прижимает.

Комната наглухо запаяна.

Шах и мат.

Глава 92

Отворачиваюсь и не мигая устремляю взгляд в свою спальню.

Не могу себе представить, что происходит в том доме. Из-за меня.

Тащусь к лестнице. На каждой ступени замедляю шаг, думаю об Итане. Он там, за теми окнами, наедине с отцом.

Спускаюсь ниже и ниже.

Вхожу в кухню. Пока я ополаскиваю стакан в раковине, раздаются приглушенные раскаты грома. Я всматриваюсь в прорези жалюзи. По небу несутся тучи, ветер треплет ветки деревьев. Он явно усиливается. Приближается гроза.

Я сижу за столом, держа в руках бутылку мерло. «Серебряная бухта, Новая Зеландия» – написано на этикетке, ниже небольшая картинка с кораблем в море. Может, я смогу переехать в Новую Зеландию, начать там новую жизнь. Мне нравится название «Серебряная бухта». Хотелось бы снова поплыть на корабле.

Если я когда-нибудь выйду из этого дома.

Подхожу к окну и приподнимаю рейку жалюзи – по стеклу барабанит дождь. Смотрю на ту сторону сквера. Ставни в доме Расселов по-прежнему закрыты.

Едва я возвращаюсь к столу, как раздается звонок в дверь.

Он взрывает тишину, словно сигнал тревоги. У меня вздрогивает рука, вино расплескивается из бокала. Я поднимаю глаза на дверь.

Это он. Это Алистер.

На меня нападает страх. Пальцы ныряют в карман, хватают телефон. Другой рукой тянусь к резаку.

Встаю и медленно иду через кухню. Подхожу к домофону. Собравшись с духом, смотрю на экран.

Итан.

Облегченно вздыхаю.

Обхватив себя руками, Итан раскачивается взад-вперед. Нажимаю на кнопку и отпираю. Минуту спустя он уже внутри. В волосах сверкают дождевые капли.

– Что ты здесь делаешь?

Он таращит на меня глаза:

– Вы же просили зайти.

– Я думала, твой отец...

Итан закрывает дверь, идет мимо меня в гостиную.

– Я сказал, что звонил друг, с которым мы ходим в бассейн.

– Разве отец не проверил твой телефон? – следуя за гостем, спрашиваю я.

– Я сохранил ваш номер под другим именем.

– Что, если бы он мне перезвонил?

Итан пожимает плечами.

– Не перезвонил же. Что это такое? – Он смотрит на резак для картона.

– Ничего.

Опускаю резак в карман.

– Можно мне в туалет?

Я киваю.

Пока он находится в красной комнате, я просматриваю свой телефон, подготавливаю следующий ход.

Слышу шум слива унитаза, журчание воды в кране, и Итан возвращается.

– Где Панч?

– Не знаю.

– Как его лапка?

– Хорошо. – В данный момент меня это не волнует. – Хочу тебе кое-что показать. – Я вкладываю телефон ему в руку. – Нажми на «Фото».

Он смотрит на меня, нахмурив брови.

– Просто открой приложение, – прошу я.

Пока он это делает, я наблюдаю за выражением его лица. Дедушкины часы начинают отбивать десять. Я затаила дыхание.

С минуту ничего не происходит. Итан безмятежен.

– Наша улица. На восходе, – произносит он. – Или... постойте, это же запад. Значит, это зака...

Он умолкает.

Вот оно.

Проходит мгновение.

Он поднимает на меня широко раскрытые глаза.

Шесть ударов, семь.

Открывает рот.

Восемь, девять.

– Что... – начинает он.

Десять.

– Думаю, пора сказать правду, – говорю я ему.

Глава 93

При последнем ударе часов он встает передо мной, едва дыша. Я хватаю его за плечо и веду к дивану. Мы садимся. Итан не выпускает телефона из рук.

Я ничего не говорю, просто смотрю на него. Сердце у меня трепыхается, как муха в кулаке. Чтобы унять дрожь в руках, я прижимаю их к коленям.

Он что-то шепчет.

– Что-что?

Откашливается.

– Когда вы это нашли?

– Сегодня вечером, как раз перед тем как позвонить тебе.

Кивок.

– Кто она?

Он продолжает смотреть на экран телефона. На долю секунды мне кажется, что он не услышал меня.

– Кто...

– Это моя мать.

Я хмурюсь:

– Нет, детектив сказал, что твоя мать...

– Моя настоящая мать. Биологическая.

Я в изумлении смотрю на Итана:

– Тебя усыновили?

Он ничего не говорит, а только кивает, опустив глаза.

– Значит... – Я наклоняюсь вперед, приглаживаю волосы. – Значит...

– Она... не знаю даже, с чего начать.

Я закрываю глаза, стараясь избавиться от замешательства. Мальчика следует направлять. Это я могу.

Наклоняюсь ближе, разглаживая халат на бедрах, смотрю на Итана.

– Когда тебя усыновили? – спрашиваю я.

Вздохнув, он откидывается на подушки, они сминаются.

– Когда мне было пять.

– Почему так поздно?

– Потому что она... она принимала наркотики, – говорит он, запинаясь, как жеребенок на травке, делающий первые шаги. Интересно, сколько раз Итан произносил эти слова прежде. – Она принимала

наркотики. И была совсем еще... юной.

Это объясняет, почему Джейн выглядела такой моложавой.

– И я стал жить с мамой и папой.

Я изучаю его лицо. Кончиком языка он облизывает губы, на висках блестят капли дождя.

– Где ты рос? – спрашиваю я.

– До Бостона?

– Да.

– В Сан-Франциско. Родители взяли меня оттуда.

Я борюсь с желанием прикоснуться к нему. Беру у него телефон, кладу на стол.

– Однажды она меня нашла, – продолжает он. – Когда мне было двенадцать. Приехала в Бостон. Появилась около нашего дома и спросила папу, можно ли ей увидеть меня. Он сказал «нет».

– Значит, тебе не дали поговорить с ней?

– Нет. – Он умолкает. Ему нужно отдохнуться. Глаза у него горят. – Родители очень бесились. Велели сказать им, если она попытается снова увидеть меня.

Я киваю, прислоняюсь к подушкам. Теперь Итан говорит более свободно.

– А потом мы переехали сюда.

– Но твой отец потерял работу.

– Ага. – Он явно насторожился.

– А почему?

Итан беспокойно ерзает.

– Было что-то, связанное с женой его босса. Не знаю. Родители частоссорились из-за этого.

«Все это весьма таинственно», – злорадствовала Алекс. Теперь я знаю. Небольшая интрижка. Ничего особенного. Интересно, стоило ли оно того.

– Сразу после переезда мама вернулась в Бостон по какому-то делу. И для того, думаю, чтобы улизнуть от отца. Тогда он тоже поехал туда. Они оставили меня одного на одну ночь. Они и раньше так делали. И она появилась.

– Твоя биологическая мать?

– Да.

– Как ее зовут?

Он сопит. Вытирает нос.

– Кэти.

– И она пришла к вам домой.

– Угу.

Снова сопит.

– Когда, если точно?

– Не помню. – Итан качает головой. – Нет, постойте, был Хеллоуин.

Вечер нашей встречи с Джейн...

– Она сказала мне, что... завязала, – говорит он, выжимая из себя слова, как воду из мокрого полотенца. – Что больше не принимает наркотики.

Я киваю.

– Она прочитала в Сети о переводе отца и узнала, что мы переезжаем в Нью-Йорк. Взяла и отправилась за нами. А когда родители уехали в Бостон, решила воспользоваться моментом.

Он умолкает, потирая ладони.

– А что произошло потом?

– А потом... – Он прикрывает веки. – Потом она пришла в дом.

– И ты с ней разговаривал?

– Угу. Я ее впустил.

– Это было на Хеллоуин?

– Угу. В тот день.

– В тот день и я с ней встретилась, – говорю я.

Он кивает, опустив голову.

– Она пошла в гостиницу за фотоальбомом. Хотела показать мне старые снимки. Детские фото и всякое такое. А на обратном пути увидела вас.

Вспоминаю, как она помогала мне подняться, придерживая за пояс, а ее волосы касались моей щеки.

– Но она называлась твоей матерью. Джейн Рассел.

Он снова кивает.

– Ты знал об этом.

– Угу.

– Зачем? Зачем ей было выдавать себя за другого человека?

Наконец он поднимает на меня взгляд:

– Она сказала, что не делала этого. Утверждала, что это вы назвали ее именем мамы, и она не сразу придумала отговорку. Не забывайте, ей не следовало находиться там. Да и здесь тоже. – Он обводит рукой комнату. Молчит, снова чешет ладонь. – Кроме того, ей нравилось делать вид, что она... ну, вы понимаете... моя мама.

Раскат грома, словно небеса раскололись. Мы оба вздрагиваем.

Минуту спустя я продолжаю давить на него:

– Так что же случилось потом? После того, как она мне помогла?

Он переводит взгляд на свои руки.

– Она вернулась в дом, и мы поговорили еще. О том, каким я был в раннем детстве. О том, чем она занималась с того момента, как отказалась от меня. Показывала мне снимки.

– А потом?

– Ушла.

– Вернулась в гостиницу?

Он медленно качает головой.

– Куда она направилась?

– Ну, тогда я не знал.

У меня падает сердце.

– Куда она пошла? – добиваюсь ответа я.

Он вновь поднимает на меня глаза:

– Сюда.

Тиканье часов.

– В каком смысле?

– Она познакомилась с тем парнем, который живет внизу. Или жил.

Я цепенею.

– С Дэвидом?

Итан кивает.

Я вспоминаю утро после Хеллоуина, шум воды в трубах внизу, когда мы с Дэвидом рассматривали дохлую крысу. Вспоминаю серьгу на тумбочке. «Она принадлежала леди по имени Кэтрин». Кэти.

– Она была у меня в цокольном этаже, – говорю я.

– Я узнал об этом не сразу, – настаивает он.

– Долго она здесь пробыла?

– До... – Его голос еле слышен.

– До какого времени?

Он сплел пальцы.

– Она вернулась на следующий день после Хеллоуина, и мы немного пообщались. Я говорил, что скажу родителям: мол, хочу видеться с ней официально. Потому что мне без малого семнадцать, а когда исполнится восемнадцать, я смогу делать что захочу. Так что я позвонил маме и папе и сказал им. Папа стал ругаться, – продолжает он. – Мама будто помешалась, а отец просто рассвирепел. Он скоро приехал и стал допытываться, где она, а я не хотел говорить, и он...

Из глаза у него выкатывается слезинка.

Я кладу руку ему на плечо.

– Ударил тебя? – спрашиваю я.

Он кивает. Мы сидим молча.

Итан судорожно вздыхает раз, другой.

– Я знал, что она была у вас, – дрожащим голосом говорит он. – Я видел вас здесь... – Он смотрит в кухню. – Из моей комнаты. В конце концов я признался отцу. Простите. Мне так жаль.

Теперь он плачет.

– О-о... – Я не решаюсь снова положить руку ему на плечо.

– Просто чтобы он отвязался...

– Понимаю.

– В смысле... – Итан чешет нос пальцем. – Я видел, что она вышла из вашего дома. И знал, что он не найдет ее. Вот тогда отец и явился к вам.

– Да.

– Я наблюдал за вами. Молил Бога, чтобы он не разозлился на вас.

– Нет, не разозлился.

«Просто хотел узнать, были ли у вас сегодня гости, – объяснил Алистер. А позднее заявил: – Я искал сына, не жену». Ложь!

– Потом, сразу после его возвращения, она... она появилась вновь. Она не знала, что отец уже дома. Он должен был приехать на следующий день. Она позвонила в дверь, и он заставил меня открыть и пригласить ее. Я очень испугался.

Я ничего не говорю, слушаю.

– Мы пытались поговорить с ним. Мы оба.

– В гостиной, – бормочу я.

Он моргает.

– Вы видели?

– Видела.

Помню, как они сидели там, Итан и Джейн – то есть Кэти – на маленьком диване, Алистер в кресле напротив. «Кто знает, что происходит в чужой семье?»

– Ничего хорошего не вышло. – Он дышит неровно, начинает икать. – Отец сказал ей, что, если она снова придет, он вызовет полицию и ее арестуют. И больше она нам докучать не будет.

Я продолжаю думать об этой картине в окне: ребенок, отец, мать... «Кто знает, что происходит...»

А потом я вспоминаю кое-что еще.

– На следующий день... – начинаю я.

Он кивает, уставившись в пол. Сплетает пальцы на коленях.

– Она пришла снова. И отец сказал, что убьет ее. Он схватил ее за

горло.

Тишина. Эти слова будто звучат эхом. «...Убьет ее. Он схватил ее за горло». Вспоминаю, как Алистер прижал меня к стене и его пальцы сомкнулись на моем горле.

– И она пронзительно закричала, – тихо говорю я.

– Ага.

– Вот тогда я позвонила вам домой.

Он снова кивает.

– Почему ты не рассказал мне о том, что происходит?

– Он был там. И мне было страшно, – тонким голоском говорит Итан. У него мокрые щеки. – Я хотел это сделать. Когда он ушел, я бросился сюда.

– Знаю. Знаю об этом.

– Я пытался...

– Знаю.

– А на следующий день из Бостона вернулась мама. – Он сопит. – И Кэти опять пришла. Тем же вечером. Наверное, она думала, что с мамой легче будет говорить.

Он опускает лицо в ладони, трет щеки.

– Так что же случилось?

Какое-то время он молча косится на меня, почти подозрительно.

– Вы правда не видели?

– Нет. Я видела только, как твоя... как она на кого-то кричит, а потом увидела ее с... – Моя рука трепещет у груди. – С чем-то в... И это все. – Я умолкаю.

Он начинает рассказывать, и теперь его голос звучит более низко и ровно:

– Они пошли наверх поговорить. Папа, мама и она. Я был в своей комнате, но все слышал. Папа хотел вызвать полицию. Она... моя... все твердила, что я ее сын и надо дать нам возможность встречаться: мол, родители не должны этому мешать. А мама кричала на нее, говорила, что добьется того, чтобы она меня больше не увидела. А потом все стихло. Минуту спустя я пошел вниз, и она была...

Итан морщится, начинает бессвязно лопотать. Кипящие в его груди рыдания прорываются наружу. Он смотрит влево, непрерывно ерзает.

– Она лежала на полу. Ее зарезали. – Теперь Итан указывает на свою грудь. – Ножом для распечатывания писем.

Я по инерции киваю, потом замираю:

– Погоди – кто ее зарезал?

Он захочится кашлем и наконец выдавливает:

– Моя мать.

Я в изумлении смотрю на него.

– Сказала, не хочет, чтобы кто-то... – Он икает. – Забрал меня.

Он наклоняется вперед, выставив козырьком ладони над бровями.

Плачет, плечи его сотрясаются.

«Моя мать». Я все поняла неправильно. Все перепутала.

– Она говорила, что очень долго ждала, когда у нее появится ребенок, и...

Я закрываю глаза.

– ...и не позволит, чтобы та женщина снова причинила мне боль.

Слышу, как он тихо рыдает.

Проходит минута, потом другая. Я размышляю о Джейн, настоящей Джейн, размышляю о том материнском инстинкте, том порыве, который овладел мной в ущелье. Она так долго ждала, когда у нее появится ребенок. Она не хотела, чтобы кто-то его забрал.

Открыв глаза, я вижу, что его слезы иссякли. Итан хватает ртом воздух, словно только что пробежал стометровку.

– Она сделала это ради меня, – бормочет он. – Чтобы защитить меня.

Проходит еще одна минута.

Он откашливается.

– Они отвезли ее... отвезли ее в наш дом в северной части штата и там похоронили.

Он кладет руки себе на колени.

– Так вот, значит, где она! – восклицаю я.

Глубокий вздох.

– Да.

– А что произошло, когда на следующий день приехала полиция с расследованием?

– Это было так страшно, – говорит он. – Я был в кухне, но слышал, как они разговаривали в гостиной. Полицейские сказали, что кто-то сообщил о нарушении порядка накануне вечером. Мои родители все отрицали. А потом, когда выяснилось, что это были вы, они быстро поняли, на чьей стороне перевес. Ну что значили ваши слова, если мы трое утверждали, что ничего не было? Ведь никто больше ее не видел.

– Но ее видел Дэвид. Он провел с ней... – Я перебираю в уме даты. – Четыре ночи.

– Об этом стало известно позже, когда мы прозондировали ее телефон, чтобы узнать, с кем она разговаривала. Отец сказал, что вряд ли кто-нибудь

прислушается к словам парня, живущего в цокольном этаже. Так что они были против вас. А еще отец сказал, что вы...

Он умолкает.

– Я – что?

Он сглатывает.

– Что вы неадекватны и много пьете.

Я не отвечаю. Слышу, как в окна барабанит дождь.

– Тогда мы еще не знали про ваших родных.

Закрываю глаза и начинаю считать. Раз. Два.

На счет «три» Итан нарушает паузу. Его тон сдержан:

– Чувствую, что уже давно держу это втайне от всех. Я так больше не могу.

Открываю глаза. В сумраке гостиной, в неярком свете лампы он кажется ангелом.

– Придется заявить в полицию.

Итан наклоняется вперед, обняв свои колени. Потом выпрямляется, секунду смотрит на меня и отводит глаза.

– Итан.

– Я знаю, – едва слышно говорит он.

Сзади раздается мяуканье. Поворачиваюсь. На спинке дивана устроился Панч. Наклонив голову набок, он снова мяукает.

– Вот он. – Итан протягивает руку, но кот шарахается и убегает прочь. – Похоже, я ему больше не нравлюсь, – тихо произносит Итан.

– Послушай. – Я откашливаюсь. – Это очень, очень серьезно. Хочу позвонить детективу Литлу и попросить его приехать сюда, чтобы ты рассказал ему то, что рассказал мне.

– Можно сказать им? Сначала.

Я хмурюсь.

– Кому сказать? Твоей...

– Моей маме. И папе.

– Нет, – качая головой, говорю я. – Мы...

– О-о, пожалуйста. Пожалуйста.

Его голос срывается.

– Итан, мы...

– Ну пожалуйста! Пожалуйста! – Он почти перешел на визг.

Я с изумлением смотрю на него – из глаз льются слезы, лицо пошло пятнами. Едва не обезумел от страха. Неужели я позволю ему слезами добиться своего?

Но он продолжает говорить, захлебываясь рыданиями:

– Она сделала это ради меня. – Глаза его наполнены слезами. – Ради меня. Не могу... не могу так с ней поступить. После всего, что она сделала для меня.

Я едва дышу.

– Я...

– Разве не лучше будет для них, если они заявят в полицию? – спрашивает он.

Обдумываю это. Лучше для них, лучше для него. И все же...

– Они бесятся с того самого момента, как это произошло. Реально сходят с ума. – У него блестит верхняя губа – пот и сопли. Он вытирает рот. – Папа сказал маме, что им надо пойти в полицию. Они меня послушаются.

– Я не...

– Послушаются. – Твердо кивает головой, дыхание становится глубоким. – Если я скажу, что разговаривал с вами и, в случае их отказа, вы сами заявите в полицию.

– Ты уверен...

Что можно доверять твоей матери? Что Алистер не нападет на тебя? Что никто из них не придет ко мне?

– Вы можете подождать, пока я не поговорю с ними? Если... если я позволю полиции забрать их сейчас, я не... – Он переводит взгляд на свои руки. – Короче, не могу этого допустить. Я потом себе не прощу. – Его голос вновь становится тонким. – Нужно дать им шанс помочь самим себе. – Он говорит с трудом. – Она моя мать.

Итан имеет в виду Джейн.

Мой опыт в данной ситуации ничего не подсказывает. Я думаю об Уэсли, о том, что он посоветовал бы. «Решай сама, Фокс».

Могу ли я позволить мальчику вернуться в этот дом? К этим людям?

Или придется обречь его на пожизненные сожаления? Я знаю, каково это, – мне знакома эта непрестанная боль. Не хочу, чтобы он это испытал.

– Хорошо, – говорю я.

Он моргает.

– Хорошо?

– Да. Скажи им.

Он таращит глаза, словно в недоумении, но потом приходит в себя.

– Спасибо.

– Прошу тебя, будь очень осторожен.

– Постараюсь.

Он встает.

– Что ты собираешься сказать?

Снова садится, всхлипывает, вздыхает.

– Наверное... я скажу, что... вы знаете. Что у вас есть доказательства. – Он кивает. – Я скажу правду. Что я рассказал вам о случившемся, и вы считаете, что нам следует заявить в полицию. – У него дрожит голос. – Прежде чем это сделаете вы. – Трет глаза. – Что, повашему, будет с ними?

Я медлю с ответом.

– Ну... думаю, в полиции поймут, что твоим родителям сильно надоедали, что она... что Кэти, по сути дела, преследовала тебя. И вероятно, нарушала принятые после твоего усыновления договоренности.

Он медленно кивает.

– И, – добавляю я, – полицейские учтут, что это случилось во время ссоры.

Итан кусает губы.

– Это будет нелегко. – Опускает глаза. – Да, – выдыхает он. Потом смотрит на меня с таким выражением, что я начинаю ерзать. – Спасибо.

– Что ж, я...

– Правда. – Он сглатывает. – Спасибо.

Я киваю.

– У тебя ведь есть мобильный?

– Ага. – Он хлопает по карману куртки.

– Позвони мне, если... Просто дай знать, что все хорошо.

– Ладно.

Он вновь поднимается. Я встаю вместе с ним. Он идет к двери.

– Итан...

Оборачивается.

– Мне надо это знать. Твой отец...

Он смотрит на меня.

– Твой отец приходил в мой дом вечером?

Итан хмурится:

– Угу. Вчера вечером. Я думал...

– Нет, я имею в виду на прошлой неделе.

Он ничего не говорит.

– Мне пытались доказать, что воображение сыграло со мной злую шутку и в вашем доме тиши да гладь. А оказалось, я была права. Еще меня уверяли, будто я сама нарисовала свой портрет, чего не было и быть не могло. Теперь мне необходимо знать, кто меня сфотографировал. Потому что... – слышу свой дрожащий голос, – меньше всего мне хочется, чтобы

это сделала я сама.

Молчание.

– Не знаю, – говорит Итан. – Как он попал бы к вам?

На этот вопрос я ответить не сумею.

Мы вместе подходим к двери. Он тянется к дверной ручке, и я заключаю его в объятия, крепко прижимаю к себе.

– Пожалуйста, будь осторожен, – шепчу я.

Мы стоим так несколько мгновений, а в окна стучит дождь, и снаружи шумит ветер.

Печально улыбаясь, Итан отступает назад. После чего выходит за дверь.

Глава 94

Я раздвигаю шторы, смотрю, как он поднимается по ступеням крыльца, вставляет ключ в замок. Открывает дверь, а потом исчезает за ней.

Правильно ли я сделала, что отпустила его? Следовало ли сначала предупредить Литла? Надо ли было позвать ко мне домой Алистера и Джейн?

Слишком поздно.

Я вглядываюсь в дом по ту сторону сквера, в его пустые комнаты. Где-то в глубине этого дома Итан разговаривает с родителями. У меня те же ощущения, что я испытывала каждый день с Оливией: «Пожалуйста, будь осторожна».

Есть одна вещь, которую я уяснила за все время работы с детьми. Если можно свести эти годы к единственному откровению, то оно таково: дети необычайно гибкие. Они способны выдержать пренебрежение, вынести надругательство, выжить там, где взрослые терпят крах. Я всем сердцем болею за Итана. Ему понадобится эта гибкость. Он должен все выдержать.

Какая жестокая история... Вернувшись в гостиную, я вся дрожу. Выключаю лампу. Бедная женщина. Бедный ребенок.

И бедная Джейн. Про Алистера так не скажу, но Джейн заслуживает сочувствия.

По моей щеке катится слеза. Смахиваю ее пальцем, вытираю руку о халат.

У меня тяжелеют веки. Поднимаюсь в спальню – буду там с волнением ждать новостей.

Стою у окна, оглядываю дом на той стороне сквера. Никаких признаков жизни.

До крови обгрызаю ноготь на большом пальце.

Расхаживаю по комнате круг за кругом по ковру.

Бросаю взгляд на телефон. Прошло полчаса.

Мне нужно отвлечься. Нужно успокоить нервы. Посмотреть что-нибудь знакомое. Расслабляющее.

«Тень сомнения». Сценарий Торнтона Уайлдера, любимый фильм Хича среди собственных творений. Наивная молодая женщина узнает, что ее герой не тот, за кого себя выдает. «Просто мы существуем рядом, и ничего не происходит, – жалуется она. – Эта рутина просто ужасна. Мы

едим, пьем, и больше ничего. У нас даже не бывает интересных разговоров». Пока не приезжает с визитом ее дядя Чарли.

Честно говоря, эта героиня уже давно лишилась моей симпатии.

Смотрю фильм на ноутбуке, обсасывая поврежденный большой палец. Через несколько минут является кот, запрыгивает ко мне в постель. Трогаю его лапку, он шипит.

Пока история на экране закручивается в тугой узел, что-то закручивается и во мне, какая-то непонятная тревога. Интересно, что сейчас происходит на той стороне сквера?

Мой телефонibriует, сползая ко мне по подушке. Хватаю его. Пришло сообщение.

«*Идем в полицию*».

23:33. Забываюсь сном.

Почти сразу просыпаюсь, встаю с кровати и раздвигаю шторы. Дождь барабанит по окнам, как артиллерийский огонь, и они превращаются в водопады.

Сквозь мглу бури виден неосвещенный дом на той стороне сквера.

«Ты многого не знаешь, очень многого».

За моей спиной продолжается фильм.

«Ты живешь как во сне, – усмехается дядя Чарли. – Ты как слепой лунатик. Откуда тебе знать, каков этот мир? Знаешь, если вскрыть фасады домов, увидишь там кучу мерзавцев. Шевели мозгами. Набирайся опыта».

В полосах света, падающего из окна, спускаюсь в ванную. Нужна таблетка, которая поможет мне снова уснуть, – может быть, мелатонин. Сегодня он мне понадобится.

Глотаю таблетку. На экране падает чье-то тело, вижу тормоза поезда, накапливаются чьи-то долги.

– Угадай кто.

На этот раз не могу прогнать его, потому что я сплю, хотя знаю об этом. Сон очень четкий.

Все же пытаюсь.

– Оставь меня в покое, Эд.

– Перестань. Поговори со мной.

– Нет.

Я не вижу его, не вижу ничего. Постойте – видны какие-то очертания, его тень.

– Думаю, нам надо поговорить.

– Нет. Уходи.

Темнота. Тишина.

– Что-то идет не так.

– Нет.

Но он прав, – действительно, что-то идет не так. От беспокойства сводит кишки.

– Слушай, этот Алистер оказался тем еще уродом, да?

– Не хочу об этом говорить.

– Чуть не забыл. Ливви хочет тебя о чем-то спросить.

– Не хочу слушать.

– Всего один вопрос. – Блеск зубов, кривая ухмылка. – Простой вопрос.

– Нет.

– Давай, ягодка. Спроси мамочку.

– Я сказала...

Но она уже приближает губы к моему уху, говоря громким шепотом, каким обычно рассказывает свои секреты:

– Как там лапка у Панча?

Я просыпаюсь моментально, словно меня окунули в воду. Глаза у меня широко распахиваются. По потолку у меня над головой пробегает полоска света.

Я скатываюсь с кровати и бегу к шторам, задергиваю их. Комната погружается во мрак. Глядя в щелку, я вижу сквозь пелену дождя дом Расселов, подставляющий плечи разгневанному небу, которое прорезают зигзаги молний. Гремят глухие раскаты грома.

Возвращаюсь к кровати. Пока я укладываюсь, Панч тихонько мяукает.

«Как там лапка у Панча?»

Вот что меня беспокоило.

Когда Итан увидел кота, растянувшегося на спинке дивана, и протянул руку, Панч тут же соскользнул на пол и заполз под диван. Я щурюсь, представляя себе эту сценку с разных ракурсов. Нет, Итан не мог заметить, что кот хромает.

Или мог? Дотрагиваюсь до Панча, он начинает мурлыкать. На телефоне 01:10.

Мне в глаза бьет яркий свет от экрана. Мигаю, смотрю в потолок.

– Как он узнал о твоей лапке? – спрашиваю кота в темноте.

– Потому что я прихожу к вам по ночам, – говорит Итан.

**Понедельник,
15 ноября**

Глава 95

Я шокирована. Сильно вздрагиваю и резко поворачиваю голову к двери.

Комната освещается белым сиянием молнии. Он стоит в дверном проеме, прислонившись к косяку, голова в ореоле дождевых капель, на шее болтается шарф.

Я произношу, запинаясь:

– Я думала... ты ушел домой.

– Я ушел. – Голос тихий, но говорит Итан отчетливо. – Пожелал им спокойной ночи. Подождал, пока они лягут спать. – Его губы кривятся в легкой усмешке. – Потом вернулся сюда. Я часто сюда прихожу, – добавляет он.

– Что?

Я не понимаю, что происходит.

– Должен вам сказать, – говорит он, – я встречался со многими психологами, и вы первая, кто не распознал у меня расстройства личности. – Он поднимает брови. – Полагаю, вы не самая лучшая сердцеведка на свете.

Мой рот открывается и закрывается, как разболтанная дверь.

– Правда, вы меня заинтересовали, – продолжает он. – Да. Вот почему я часто к вам заглядывал, хотя и понимал, что не следует. Меня интересуют женщины постарше. – Он хмурится. – Извините, это вас обижает?

Я не в силах пошевелиться.

– Надеюсь, нет. – Вздох. – У босса моего отца была жена, которая меня привлекала. Дженифер. Мне она нравилась. Я ей тоже вроде нравился. Только... – Он меняет положение, прислоняется своим длинным телом к противоположному косяку. – Случилось... недоразумение. Как раз перед нашим переездом. Я пришел к ним домой. Ночью. И ей это не понравилось. Или она так сказала. – Теперь он пристально смотрит на меня. – Она знала, что делает.

Тут я замечаю это в его кулаке. Сверкающая серебряная полоска.

Лезвие. Нож для писем.

Итан переводит взгляд с моего лица на свою руку и обратно. У меня ком в горле.

– Его я применил на Кэти, – оживленно объясняет он. – Потому что она никак не хотела оставить меня в покое. Я говорил-говорил, просил ее

не раз и не два, а она просто... – Качает головой. – Не могла остановиться. – Шмыгает носом. – Вроде вас.

– Но, – хриплю я, – сегодня... ты... – Голос мой замирает.

– Что?

Облизываю губы.

– Ты сказал мне...

– Я много чего говорил вам, чтобы... извините, чтобы вы заткнулись. Простите за невежливость. Вы очень хорошая. Но мне надо было вас угомонить. Чтобы позаботиться кое о чем. – Он беспокойно двигается. – Вы хотели вызвать полицию. А мне нужно было время для... ну, понимаете. Время, чтобы подготовиться.

Замечаю краем глаза какое-то движение – кот вытягивается на кровати. Он смотрит на Итана, жалобно мяукает.

– Этот дикий кот, – говорит Итан. – В детстве мне нравился фильм «Эта дикая кошка»! – Итан улыбается Панчу. – Кстати, похоже, я сломал ему лапу. Мне жаль. – Он размахивает ножом для писем, и лезвие мерцает. – Ваш кот ночью все ходил за мной по дому, и я потерял терпение. К тому же я аллергик, я вам говорил. Не хотелось чиханием вас разбудить. Жаль, вы сейчас не спите.

– Ты действительно приходил сюда ночью?

Он делает шаг в мою сторону, лезвие мерцает в тусклом свете жидким серебром.

– Я прихожу сюда почти каждую ночь.

Чувствую, что у меня перехватывает дыхание.

– Каким образом?

Он вновь улыбается.

– Я взял ключ, когда вы записывали ваш телефонный номер. Я увидел ключ на крючке, когда в первый раз пришел сюда, и потом понял, что вы даже не заметите его отсутствие. Непохоже, что вы им пользуетесь. Я заказал дубликат и потом повесил ключ на место. – Снова улыбка. – Это просто.

Он хихикает, прижав ко рту свободную руку.

– Извините. Мне казалось... Я думал, вы догадались, раз позвали меня сегодня. И не знал, как мне быть. Это было у меня в кармане. – Он снова машет ножом для писем. – Так, на всякий случай. И я изо всех сил вилял и врал. Но вы все это скучали. «У папы плохой характер. О, я так испугался. О-о, мне не разрешают иметь телефон». Вы пороли всякую чепуху. Я уже говорил, вы не великная сердцеведка. Эй! – вдруг восклицает он. – У меня идея: анализируйте меня. Вы ведь хотите узнать о моем детстве? Все хотят

узнать о моем детстве.

Я тупо киваю.

– Вам это понравится. Это же мечта, мечта психоаналитика. Кэти, – он с презрением выплевывает это слово, – была ширяльщицей. Шлюха на крэке, и герой в придачу. Героиновая шлюха. Она так и не сказала мне, кто мой отец. Да уж, этой чувихе не стоило рожать. – Он смотрит на нож для писем. – Она начала принимать наркоту, когда мне был год. Так мне сказали родители. Конечно, я почти ничего не помню. То есть мне было пять, когда меня у нее забрали. Но я помню, что часто был голоден. Помню иглы с какой-то дрянью. Помню, ее друзья по поводу и без повода меня поколачивали.

Я молчу.

– Спорю, мой настоящий отец не стал бы этого делать.

Я ничего не говорю.

– Помню, как у одной из ее подруг был передоз. Она умерла прямо у меня на глазах. Это мое первое воспоминание. Мне было четыре.

Опять молчание. Он тихо вздыхает.

– Я совсем отился от рук. Она то пыталась помочь мне, то начинала воспитывать, но в конце концов совершенно одурела от дряни. Так я попал в систему опеки, и меня взяли мама с папой. – Он пожимает плечами. – Они... угу. Они многое мне дали. – Еще один вздох. – Знаю, что доставлял им уйму беспокойства. Вот почему они забрали меня из школы. А папа потерял работу, потому что я хотел поближе познакомиться с Дженифер. Он бесился из-за этого, но знаете... – Итан хмурит брови. – В общем, не повезло.

Комната вновь освещается вспышкой молнии. Грохочет гром.

– Ну ладно. Так вот, о Кэти... – Теперь он смотрит в окно, на ту сторону сквера. – Как вы уже знаете, она нашла нас в Бостоне, но мама не разрешала ей поговорить со мной. А потом она разыскала нас в Нью-Йорке, появилась в тот день, когда я был один. Она показала мне медальон с моей фотографией. И я разговаривал с ней, потому что мне было интересно. А больше всего я хотел узнать, кто мой настоящий отец. – Он устремляет взгляд на меня. – Знаете, каково это – спрашивать себя: твой отец такой же никудышный человек, как и мать? И надеяться, что нет. Но Кэти сказала, что это не имеет значения. На ее фотографиях его не было. А фотки у нее были, и всё это чистая правда. Ну... – Он немного смущен. – Ладно, это еще не всё. Помните тот день, когда вы услышали ее крик? Я схватил ее за горло. Не так уж сильно, но к тому времени я уже устал от нее. Просто я хотел, чтобы она ушла. Она совсем свихнулась. Никак не хотела

заткнуться. До этого Алистер и не догадывался, что она здесь. Потом-то папа ее предупредил: «Убирайся, пока он не сделал что-нибудь ужасное». Потом позвонили вы, и мне пришлось притвориться, что я напуган, и вы позвонили еще раз, и папа сделал вид, что все у нас нормально... – Итан качает головой. – А эта сука все же на следующий день вернулась. К тому моменту она меня успела разозлить. Сильно разозлить. Мне плевать было на фотки. Плевать на то, что она научилась ходить под парусом или изучала язык глухонемых. И, как я говорил, она ничего не рассказала о моем настоящем отце. Возможно, не могла. Или вообще не знала, кто он. – Итан фыркает. – Значит, так. Она вернулась. Я был в своей комнате и слышал, как она спорит с папой. Я не мог больше этого выносить. Я хотел, чтобы она ушла, мне плевать было на ее душеподавляющую историю. Я ненавидел ее за то, что она со мной сделала, ненавидел за то, что не говорит про отца. Я хотел, чтобы она исчезла из моей жизни. И я схватил это со стола, – он машет ножом для писем, – спустился, вбежал в комнату и просто... – Он резко выбрасывает руку с ножом. – Это случилось так быстро. Она даже не вскрикнула.

Я думаю о том, что он мне рассказывал всего несколько часов назад: как Джейн зарезала Кэти. И вспоминаю, как он отвел глаза в сторону.

Теперь глаза у него блестят.

– Это как будто сильно возбуждало. Счастье, что вы не видели того, что произошло. Или видели не всё. – Он пристально смотрит на меня. – Хотя вполне достаточно.

Он делает медленный шагок к кровати. Еще один.

– Мама понятия об этом не имеет. Ни о чем. Ее там не было – она вернулась на следующее утро. Папа заставил меня поклясться, что я ей не скажу. Он хочет ее оградить от этого. Я ему очень сочувствую. Трудно держать в тайне от жены такой большой секрет. – Итан делает третий шаг. – А вас она считает полуумной.

Еще один шаг, и он стоит рядом со мной, лезвие на уровне моего горла.

– Итак? – говорит он.

Я подываю от ужаса.

Потом он садится на край кровати, дотрагиваясь спиной до моих коленей.

– Анализируйте меня. – Наклоняет голову. – Вылечите меня.

Я отшатываюсь. Нет. Не могу.

«Можешь, мамочка».

Нет. Нет. Все кончено.

«Давай, Анна».

У него есть оружие.

«У тебя есть твой ум».

Хорошо. Хорошо.

Раз, два, три, четыре.

– Я знаю, кто я такой, – тихим, успокаивающим голосом произносит Итан. – Это поможет?

Психопат. Кажущееся очарование, нестабильная личность, аффективное уплощение. И в руке – нож для писем.

– В детстве ты... мучил животных, – говорю я, стараясь придать голосу твердость.

– Угу, но это просто. Я дал вашему коту крысу, которую перед тем искромсал. Я поймал ее в нашем подвале. Этот город отвратителен. – Он смотрит на лезвие. Потом на меня. – Что-то еще? Продолжайте. Вы способны на большее.

Делаю глубокий вдох и продолжаю угадывать.

– Тебе нравится манипулировать людьми.

– Ну да. То есть... угу. – Он чешет загривок. – Это забавно. И просто.

С вами совсем просто.

Он подмигивает мне.

Что-то задевает мою руку. Краем глаза вижу, что телефон, скользнув с подушки, уперся в мой локоть.

– С Дженифер я почувствовал себя слишком сильным. – У Итана задумчивый вид. – Это было чересчур. Не надо было торопиться. – Он кладет нож на бедро, поглаживает лезвием джинсы, словно точит. Оно вжикиает по ткани. – И я не хотел, чтобы вы считали меня угрозой. Поэтому сказал, что скучаю по друзьям. Сделал вид, что я гей. Несколько раз пускал слезу. Вам стало жаль меня, и вы подумали, что я этот... – Он умолкает. – Потому что, как уже было сказано, я, типа, не могу тебя достать.

Я закрываю глаза. Мысленно вижу телефон, будто он освещен.

– Послушайте – вы заметили, как я раздевался перед окном? Я делал это пару раз. Знаю, один раз вы меня видели.

С трудом сглатываю. Медленно завожу локоть обратно на подушку, и телефон скользит вдоль моей руки.

– Что еще? Может быть, проблемы с папочкой? – Он снова ухмыляется. – Знаю, что иногда говорил о нем. Мой настоящий отец не Алистер. Алистер – просто несчастный мужик.

Чувствую у запястья прохладный и гладкий экран.

– Ты не...

– Что?

– Ты не уважаешь личное пространство других людей.

– Что ж, я здесь, не так ли?

Я снова киваю. Провожу по экрану большим пальцем.

– Я вам говорил: вы мне интересны. Та старая стерва из нашего квартала рассказала мне о вас. Ну, очевидно, не все. С тех пор я многое узнал. Вот поэтому я и принес ту свечку. Мама ничего об этом не знала. Она не разрешила бы мне. – Он умолкает, разглядывает меня. – Спорю, вы были хорошенькой.

Он подносит нож для писем к моему лицу. Отводит лезвием прядь со щеки. Я вздрагиваю, судорожно вздыхаю.

– Та леди сказала, что вы все время сидите дома. Это тоже было интересно. Странная женщина, которая никогда не выходит на улицу. Этакая чудачка.

Я зажимаю в пальцах телефон. Дотронусь до экрана с паролем и наберу эти четыре цифры. Я много раз их набирала. Смогу сделать это в темноте. Смогу сделать, если рядом сидит Итан.

– Я чувствовал, что должен узнать вас.

Прикасаюсь к кнопке на телефоне, нажимаю ее. Кашляю, чтобы замаскировать щелчок.

– Мои родители... – начинает он, поворачиваясь к окну.

И умолкает.

Моя голова поворачивается вслед за ним. И я вижу то, что видит он: свечение телефона, отраженное в стекле.

Он судорожно вздыхает. Я тоже.

Я мельком взглядаю на него. Он смотрит на меня в упор.

Потом ухмыляется.

– Шутка. – Он указывает на телефон ножом для писем. – Я успел изменить код. Как раз перед тем, как вы проснулись. Я не дурак. Не собираюсь оставлять рядом с вами работающий телефон.

У меня перехватывает дыхание.

– А из того, что в библиотеке, я вынул батарейки. Говорю, чтобы потом не удивлялись.

Я цепенею.

Он машет в сторону двери.

– Так или иначе я уже две недели прихожу сюда по ночам, разгуливаю по дому, наблюдаю за вами. Мне здесь нравится. Тихо и темно. – У него задумчивый голос. – Мне даже интересно, как вы живете. Такое чувство, будто я исследую вашу жизнь. Типа, пишу очерк. Я даже... – Он

улыбается. – Сфотографировал вас на ваш телефон. – Гримаса. – Или это было слишком? Чувствую, что да, перебор. О-о... но спросите меня, как я разблокировал ваш телефон.

Я молчу.

– Спросите. – В его голосе слышится угроза.

– Как ты разблокировал мой телефон? – шепчу я.

Он широко улыбается, как ребенок, который знает, что сейчас скажет что-то умное.

– Вы сами научили меня.

Я качаю головой:

– Нет.

Он закатывает глаза.

– Ну хорошо – научили не меня. – Он наклоняется ко мне. – Научили ту старую суку из Монтаны.

– Лиззи?

Он кивает.

– Ты... шпионил за нами?

Он глубоко вздыхает.

– Господи, вы и правда глупая. Кстати, я не учил плавать детей-инвалидов. Я бы скорее сам утопился. Нет, Анна, я и есть Лиззи.

У меня отваливается челюсть.

– Или был, – говорит он. – В последнее время она часто выходит из дома. Думаю, ей намного лучше. Благодаря сыновьям – как там их зовут?

– Боу и Уильям, – не задумываясь отвечаю я.

Он снова хихикает.

– Черт меня дери. Не могу поверить, что вы это помните. – Смеется громче. – Боу. Клянусь, я придумал это с ходу.

Я с изумлением смотрю на него.

– В тот день, когда я впервые зашел к вам, на ноутбуке был открыт тот дурацкий сайт. Дома я сразу создал аккаунт. Познакомился со всякого рода одинокими лузерами. ДискоМики, или как его там. – Он качает головой. – Это так смешно. Но он свел меня с вами. Надо же было с чего-то начать, чтобы вы не удивлялись новому знакомству. Ну ладно. Вы рассказали Лиззи, как шифровать пароли. Заменять буквы на цифры, и прочее деръмо. НАСА отдыхает.

Мне никак не проглотить застрявший в горле ком.

– Или использовать дату рождения – так вы сказали. А вы говорили мне, что ваша дочь родилась в День святого Валентина. Два и четырнадцать. Вот таким образом я влез в ваш телефон и сделал ту фотку,

на которой вы храпите. Потом я поменял пароль, чтобы подшутить над вами. – Он грозит мне пальцем. – Я спустился и влез в ваш настольный компьютер. – Наклонившись ко мне, он говорит с расстановкой: – Конечно, паролем было имя Оливии. Для компьютера и почтового ящика. И конечно, вы просто поменяли местами буквы. Как посоветовали Лиззи. – Он качает головой. – Но ты офигенно тупая, а?

Я ничего не говорю.

Он сердито смотрит на меня.

– Я задал тебе вопрос, – говорит он. – Ты ведь офигенно тупая, да?

– Очень, – говорю я.

– Очень – что?

– Очень глупая.

– Кто глупый?

– Я.

– Просто офигенно тупая.

– Да.

Он кивает. В окна хлещет дождь.

– Значит, я создал аккаунт «Джимейл». На твоем компьютере. Ты писала Лиззи, что твои родные при разговоре по телефону всегда говорили: «Угадай кто» – и этого никак нельзя было пропустить. Угадай кто, Анна? – Он хихикает. – Потом я послал снимок на твой адрес. Жаль, я не видел твоего лица.

Он снова хихикает.

В комнате не хватает воздуха. Тяжело дышать.

– И я просто обязан был вставить в аккаунт имя моей матери. Готов поспорить, это привело тебя в экстаз. – Он ухмыляется. – Но ты рассказала Лиззи кое-что еще. – Он снова наклоняется вперед, направив нож для писем мне в грудь. – У тебя был роман, потаскуха. И ты угробила своих близких.

Я лишаюсь дара речи. У меня ничего не осталось.

– А потом ты свихнулась из-за Кэти. Это было безумие, у тебя крыша поехала. Вполне объяснимо, понимаю. Я пырнул ее на глазах у отца, и он тоже чуть не рехнулся. Хотя, честно говоря, я думаю, он испытал облегчение, что ее не стало. Мне-то точно полегчало. Я уже говорил, она меня достала. – Он придвигается ближе ко мне. – Подвинься.

Я подгибаю ноги, упираюсь в его бедро.

– Надо было зашторить окна, но все произошло так быстро. Во всяком случае, отрицать это было совсем просто. Проще, чем лгать. Проще, чем говорить правду. – Он качает головой. – Мне, типа, немного жаль папу. Он

просто хотел защитить меня.

– Он пытался защитить тебя от меня, – говорю я. – Пусть даже он и знал...

– Нет, – безразличным тоном возражает Итан. – Он пытался защитить вас от меня.

«Я бы не хотел, чтобы мой сын путался со взрослой женщиной», – сказал Алистер.

Не ради Итана, но ради меня.

– Но что поделать? Один из психологов сказал родителям, что я просто испорченный. – Он вновь пожимает плечами. – Прекрасно. Охренительно.

Гнев, сквернословие – его куда-то заносит. Кровь стучит у меня в висках. Сосредоточься. Вспоминай. Думай.

– Знаешь, мне и копов немного жалко. Тот мужик всё пытался поладить с тобой. Ну просто святой. – Опять хмыкает. – Другая – настоящая стерва.

Я его почти не слушаю.

– Расскажи о матери, – бормочу я.

Он смотрит на меня.

– Что?

– Твоя мама, – кивая, говорю я. – Расскажи мне о ней.

Пауза. Грохотание грома.

– Что... рассказать? – осторожно спрашивает он.

Я откашиваюсь.

– Ты говорил, ее дружки плохо с тобой обращались.

Теперь он смотрит на меня со злостью.

– Я говорил, они поколачивали меня.

– Да. Уверена, это часто случалось.

– Угу. – Продолжает сердито смотреть на меня. – А что?

– Ты сказал, что считал себя испорченным.

– Я сказал, что так говорил другой психолог.

– Я в это не верю. Не верю в то, что ты просто испорченный.

Итан наклоняет голову:

– Не веришь?

– Нет. – Пытаюсь выровнять дыхание. – Не верю, что люди так устроены. – Приподнявшись, опираясь спиной о подушки, разглаживаю одеяло на бедрах. – Ты устроен не так.

– Правда?

Он свободно держит лезвие в руке.

– В детстве с тобой случались нехорошие вещи. Были вещи, которые

тебе не надо было видеть. То, что ты не мог контролировать. – Мой голос крепнет. – Но ты смог это пережить.

Он вздрагивает.

– Она не была тебе хорошей матерью. Ты прав.

Он судорожно сглатывает. Я тоже сглатываю.

– Думаю, ты был сильно травмирован к тому времени, когда тебя усыновили. Полагаю... – Рискнуть? – Полагаю, родители очень тебя любят. Даже если они не идеальны, – добавляю я.

Слегка нахмутившись, он смотрит мне в глаза.

– Они меня боятся, – говорит он.

Я киваю.

– Ты сам это сказал, – замечаю я. – Сказал, что Алистер пытался защитить меня, не давая нам сталкиваться.

Он не двигается.

– Но думаю, он и за тебя боялся. Хотел и тебя защитить. – Я протягиваю руку. – Думаю, когда они забрали тебя домой, то спасли тебя.

Он наблюдает за мной.

– Они любят тебя, – говорю я. – Ты заслуживаешь любви. И если мы поговорим с ними, я уверена, они сделают все, чтобы защищать тебя и в дальнейшем. Оба. Я знаю, они хотят... найти с тобой общий язык.

Я протягиваю руку к его плечу.

– Не твоя вина в том, что происходило с тобой в детстве, – шепчу я. – И...

– Хватит пороть чепуху.

Не дав прикоснуться к себе, он резко отодвигается. Я убираю руку.

Я его потеряла. Чувствую, как кровь отливает от лица. Во рту пересохло.

Он наклоняется ко мне, заглядывает мне в лицо блестящими выразительными глазами.

– Чем от меня пахнет?

Я качаю головой.

– Давай. Понюхай. Чем от меня пахнет?

Я вдыхаю. Вспоминаю о том первом разе, когда вдыхала аромат свечи.

Лаванда.

– Дождем, – отвечаю я.

– И?..

Не могу заставить себя это сказать.

– Одеколоном.

– «Романс» Ральфа Лорена, – добавляет он. – Хотел, чтобы тебе было

приятно.

Я снова качаю головой.

– О да. Чего я никак не могу решить, – в задумчивости продолжает он, – будет ли это падение с лестницы или передозировка. В последнее время ты такая грустная, и все такое. И на кофейном столике полно таблеток. К тому же ты такая развалина, блин, и вполне можешь оступиться на лестнице.

Я не верю в происходящее. Смотрю на кота. Он снова спит, улегшись на бок.

– Я буду по тебе скучать. Никто больше не будет. Ни одна душа ничего не заметит, а после никто не станет горевать.

Я подтягиваю к себе ноги под одеялом.

– Разве только твой психолог, но спорю, он сыт тобой по горло. Ты писала Лиззи, что он смирился с твоей агорафобией и чувством вины. Господи Иисусе. Еще один хренов святой.

Я закрываю глаза.

– Смотри на меня, когда я с тобой разговариваю, сука!

Изо всех сил лягаю его ногами.

Глава 96

Я попала ему в живот. Он сгибается пополам, а я поджимаю ноги и снова лягаю его, теперь уже в лицо. Пяткой ударяю его в нос. Он валится на пол.

Отбрасываю одеяло и выскакиваю из постели, выбегаю в темный коридор.

Надо мной по стеклу светового фонаря хлещет дождь. Я спотыкаюсь на ковровой дорожке, опускаюсь на колени. Хватаюсь слабой рукой за перила.

Вдруг лестница освещается белым светом вспыхнувшей над головой молнии. И в этот миг я бросаю взгляд между балюсинами, вижу каждую освещенную ступень, спираль лестницы, уходящую вниз, вниз, до самого дна.

Вниз, вниз, вниз.

Я моргаю. Лестничный пролет вновь погружается во тьму. Ничего не видно, ничего не слышно, кроме барабанной дроби дождя.

Я поднимаюсь, бегу вниз по ступеням. Снаружи слышатся раскаты грома. А потом...

– Ты, сука. – Слышу, как он, хромая, выходит на площадку. – Сука.

Балюсина скрипит, когда он ударяется об нее.

Мне надо попасть в кухню. К резаку, лежащему без чехла на кухонном столе. К осколкам стекла, сверкающим в контейнере для мусора. К домофону.

К двери.

«Но разве ты сможешь выйти на улицу?» – шепотом спрашивает Эд.

Надо. Оставь меня в покое.

«Он догонит тебя в кухне. Ты не успеешь выйти наружу. И даже если успеешь...»

Я спускаюсь на следующий этаж и кручуясь, как стрелка компаса, пытаюсь сориентироваться. Кабинет. Библиотека. Кладовка. Ванная.

«Выбери что-то одно».

Подожди...

«Выбери одно».

Ванная. Хватаюсь за ручку, рывком открываю дверь, вхожу внутрь. Затаилась в дверном проеме, дышу часто и прерывисто.

...И вот он мчится вниз по лестнице. Я затаила дыхание.

Добегает до площадки. Останавливается в четырех футах от меня. Ощущаю дуновение воздуха.

Несколько секунд не слышу ничего, кроме стука дождя. По спине у меня струится пот.

– Анна.

Тихий строгий голос. Я съеживаюсь.

Схватившись за косяк рукой, я вглядываюсь в темноту площадки.

Он почти не виден – тень среди теней, – но я различаю разворот его плеч, смутно белеют руки. Он стоит ко мне спиной. Не могу понять, в какой руке у него нож для писем.

Он медленно поворачивается. Вижу его в профиль, лицом к двери в библиотеку. Замер и смотрит прямо перед собой.

Потом он снова поворачивается, на этот раз быстрее. Я не успеваю отступить в ванную, и он смотрит прямо на меня.

Я не двигаюсь. Не могу.

– Анна, – тихо произносит он.

У меня приоткрываются губы. Сердце бешено колотится.

Мы смотрим друг на друга. Я сейчас закричу.

Он отворачивается.

Не разглядел меня. Не ориентируется в темноте. Но я-то к ней привыкла, привыкла к тусклому освещению. Я вижу, что он...

Направляется к верху лестницы. В одной руке сверкает лезвие, другую он засунул в карман.

– Анна, – зовет он, вынимая руку из кармана и вскидывая перед собой.

Из ладони вырывается лучик света. Это телефон с включенным фонариком.

Из дверного проема я начинаю различать ступени и белесые стены. За окном грохочет гром.

Итан поворачивается еще раз, лучик света обегает площадку, как луч маяка. Сначала дверь кладовки. Он шагает к ней, распахивает. Направляет телефон внутрь.

Затем кабинет. Онходит туда, освещает комнату телефоном. Смотрю ему в спину, собираюсь броситься на лестницу. Вниз, вниз, вниз.

«Но он тебя поймает».

У меня нет другого выхода.

«Есть».

Куда?

«Вверх, вверх, вверх».

Я качаю головой, когда Итан выходит из кабинета. На очереди

библиотека, а потом ванная. Мне надо выбраться, прежде чем...

Я задеваю бедром за дверную ручку. Она поворачивается с тихим скрипом.

Он резко оборачивается, направив луч мимо двери в библиотеку прямо мне в глаза.

Я ослеплена. Время останавливается.

— Вот ты где, — выдыхает он.

И тут я бросаюсь к нему навстречу. От удара плечом в живот он хрипит. Ничего не вижу. Толкаю его в сторону лестницы...

...И вдруг он исчезает. Я слышу, как он лавиной скатывается по ступенькам. Лучик света мечется по потолку.

«Вверх, вверх, вверх», — шепчет Оливия.

Я поворачиваюсь, в глазах мельтешат искры. Ударяюсь ногой об основание лестницы, спотыкаюсь, заползаю на следующую ступеньку. Поднимаюсь и бегу.

На площадке кручусь, глаза привыкают к темноте. Впереди маячит дверь в мою спальню, напротив — гостевая комната.

Вверх, вверх, вверх.

Но наверху только свободная комната. И твоя спальня.

Вверх.

Крыша?

Вверх.

Но как? Как я это сделаю?

«Бездельница, — говорит Эд, — у тебя нет выбора».

Двумя этажами ниже Итан начинает подниматься по лестнице. Я карабкаюсь вверх. Подошвы горят от ротанговой дорожки, балясины скрипят под моей рукой.

Я врываюсь на следующую площадку, устремляюсь в угол под люком. Шарю рукой над головой, нахожу цепь. Цепляюсь пальцами и дергаю.

Глава 97

Когда дверца распахивается, лицо мне орошают водяные брызги. С металлическим скрежетом опускается лесенка. Из нижней части лестничного колодца доносятся крики Итана, но из-за ветра слова различить невозможно.

Я прищуриваюсь, чтобы вода не попадала в глаза, и начинаю карабкаться. Раз, два, три, четыре, перекладины холодные и скользкие, лесенка скрипит под моим весом. На седьмой ступеньке чувствую, что моя голова находится вровень с крышей, а шум...

От шума я едва не падаю вниз. Буря ревет как зверь. Ветер словно рвет когтями воздух, кромсает его. Струи дождя, острые как зубы, впиваются мне в кожу. Вода окатывает лицо, волосы...

Догнал! Хватает меня за лодыжку.

Я в бешенстве стряхиваю его руку. Рывок – и я перекатываюсь на бок, оказавшись между люком и световым фонарем. Опираясь рукой на изогнутое стекло купола, я с трудом поднимаюсь и открываю глаза.

Вокруг меня опрокинутый мир. Сквозь пелену бури слышу собственный стон.

Даже в темноте вижу, что на крыше непроходимые заросли. Растения словно вырвались из горшков и клумб, стены увиты лозой. Плющ карабкается по вентиляционному блоку. Впереди виднеются обломки шпалеры, все ее двенадцать футов, покосившиеся набок под весом листьев.

И над всем этим не просто идет дождь, а вздымаются, как паруса, обширные полотнища воды. Они падают на крышу, пенятся на каменной кладке. Промокший халат облепил мое тело.

Я медленно поворачиваюсь, чувствуя слабость в коленях. С трех сторон отвесные края на высоте четвертого этажа, с востока, как гора, возвышается стена школы Святой Димфны.

Надо мной небо. Вокруг открытое пространство. Пальцы сжимаются. Ноги трясутся. Дышу прерывисто. Вокруг невообразимый шум.

Вижу внизу темную дыру – люк. Из него появляется рука, согнутая для защиты от дождя. Итан.

Темный силуэт поднимается на крышу, в руке поблескивает серебристое острие ножа для писем.

Я останавливаюсь, неуверенно отступаю назад. Задеваю ступней купол светового фонаря, чувствую, как он слегка поддается – хрупкий, Дэвид

предупреждал меня. «Если на него упадет ветка, все окно может вылететь».

Тень появляется рядом со мной. Я вскрикиваю, но ветер относит мой крик прочь, как сухой лист.

Итан удивленно отшатывается. Потом смеется.

– Никто тебя не услышит. – Он пытается перекричать завывание бури. – Мы в...

Едва он произносит это, как дождь припускает еще сильнее.

Мне нельзя двигаться назад, иначе наступлю на световой фонарь. Делаю шагок в сторону, всего на дюйм, и попадаю ступней на мокрый металл. Смотрю вниз. Лейка для полива, которую перевернул Дэвид.

Ко мне приближается Итан, весь промокший. Он тяжело дышит, на темном лице блестят глаза.

Наклонившись, я хватаю лейку, бросаю в него – но у меня кружится голова, и лейка выскользывает из руки, отлетает в сторону.

Он пригибается.

И я бегу.

В темноту, в заросли, страшась неба над головой, а еще больше – мальчика, идущего за мной по пятам. Мысленно представляю себе план крыши – слева ряд самшитовых деревьев, за ними цветочные клумбы. Справа пустые кашпо и привалившиеся к ним, как пьянички, мешки с грунтом. Прямо впереди шпалера.

Грохочет гром. Молнии прорезают тучи, заливают крышу белым светом. Завеса дождя содрогается, ходит ходуном. Я устремляюсь сквозь нее. В любой момент небо может обвалиться и разнести меня в клочья, но все же сердце мое бьется, кровь разогревает сосуды, и я несусь к шпалере.

На входе в галерею – стена воды. Я прорываюсь сквозь нее в туннель, темный, как крытый мост, влажный, будто джунгли. Здесь, под пологом ветвей и лиан,тише, словно буря бушует за стеной. Слышу собственное тяжелое дыхание. С одной стороны стоит небольшая скамья. «Через тернии к звездам».

Они в дальнем конце туннеля, как я и рассчитывала. Бросаюсь туда. Хватаю обеими руками. Поворачиваюсь.

За водопадом маячит силуэт. Вспоминаю, что именно таким впервые его увидела – тень, пропадающая сквозь заиндевевшее стекло входной двери.

А потом он проходит сквозь водяную завесу.

– Это же просто идеально. – Он вытирает мокрое лицо, двигается ко мне. Куртка у него промокла, концы шарфа свисают вниз. В руке зажат нож для писем. – Я собирался сломать тебе шею, но так даже лучше. – Он

изгибает бровь. – Ты так ошалела, что спрыгнула с крыши.

Я трясу головой.

Итан улыбается.

– Ты не согласна? Что у тебя там такое?

И тогда он видит, что у меня «там такое».

Я держу в дрожащих руках садовые ножницы – они тяжелые, и я вся трясусь – но поднимаю их к его груди и делаю шаг вперед.

Он больше не улыбается.

– Опусти это, – говорит он.

Я снова качаю головой, подхожу ближе. Он в нерешительности.

– Опусти, – повторяет он.

Я делаю еще шаг вперед, щелкаю ножницами.

Он бросает взгляд на лезвие у себя в руке.

И отступает в завесу дождя.

Я выжидаю несколько мгновений, хватая ртом воздух. Итан растаял.

Медленно-медленно пробираюсь к арке входа. Там останавливаюсь, чувствуя, как мне в лицо летят брызги, и направляю ножницы концами вперед, на манер лозоходца.

Потом я выдвигаю свое оружие и прыгаю через водяную завесу. Если Итан поджидает меня, то он...

Я замираю, с волос ручьями стекает вода, одежда насквозь промокла. Его там нет.

Обследую поверхность крыши.

Никаких его следов нет у самшита.

Около вентиляционного блока.

На цветочных клумбах.

Над головой вспыхивает молния, и крыша освещается белым светом. Вижу, что вокруг пусто – лишь буйно разросшиеся растения и холодный дождь.

Но если его здесь нет, значит...

Он набрасывается на меня сзади быстро и решительно, и от неожиданности я кричу. Я роняю ножницы и падаю вместе с ним, ударившись виском о мокрую крышу. Слышу треск, рот наполняется кровью.

Сцепившись, мы катимся по битуму и врезаемся в бортик светового фонаря. Я чувствую, как стекло сотрясается от удара.

– Сука, – бормочет он, обдавая мое ухо горячим дыханием.

Но тут он выпрямляется, придавив мне горло ступней. Я задыхаюсь.

– Не беси меня, – хрипит он. – Ты спрыгнешь с этой крыши, или я

скину тебя. Давай.

Смотрю, как на битуме рядом со мной вскипают капли дождя.

– Какую сторону выбираешь? Сквер или улицу?

Я зажмуриваюсь.

– Твоя мать... – шепчу я.

– Что?

– Твоя мать...

Он чуть ослабляет давление на мою шею.

– Моя мать?

Я киваю.

– Что с ней?

– Она сказала мне...

Теперь он опять давит сильнее, чуть не задушив меня.

– Что сказала?

Глаза у меня вылезают из орбит, рот открывается. Я задыхаюсь.

Он снова ослабляет хватку.

– Что сказала?

Дышу глубже.

– Сказала мне, – говорю я, – кто твой отец.

Он не шевелится. Дождь струится по моим щекам. Чувствую на языке резкий вкус крови.

– Вранье.

Я кашляю, качаю головой:

– Нет.

– Ты даже не знала, кто она такая, – говорит он. – Принимала ее за другую. Ты не знала, что я усыновлен. – Он придавливает ногой мою шею. – Так как же она могла...

– Она мне это сказала. Я не... – Говорю сдавленным голосом. – Тогда я не понимала, но она сказала мне...

Он снова молчит. С хрипом вдыхаю воздух, на битуме шипит дождь.

– Кто?

Я молчу.

Он бьет меня ногой в живот. Я втягиваю в себя воздух, корчусь, но Итан хватает меня за рубашку, дергает, я встаю на колени. Валюсь вперед. Он сжимает мое горло.

– Что она сказала?! – вопит он.

Я тереблю свою шею в жалких попытках освободиться. Он тянет меня вверх, и я поднимаюсь на трясущихся ногах. И вот мы стоим лицом друг к другу.

Он выглядит таким юным, с гладкой, омытой дождем кожей, с пухлыми губами, с прилипшими ко лбу блестящими волосами. «Очень милый мальчик». За его спиной я вижу пространство сквера, очертания громадного дома Расселов. Пятками ощущаю бортик светового фонаря.

– Скажи мне!

Пытаюсь говорить, не получается.

– Скажи.

Хриплю.

Он ослабляет хватку. Опускаю глаза – нож для писем по-прежнему зажат у него в кулаке.

– Он был архитектором, – ловя ртом воздух, выдавливаю я.

Он смотрит на меня. Дождь заполонил пространство. В том числе пространство между мной и Итаном.

– Он любил темный шоколад, – говорю я. – Называл ее бездельницей.

Рука Итана соскальзывает с моей шеи.

– Он любил фильмы. Они оба увлекались кино. Им нравилось...

Он хмурится, перебивает:

– Когда она рассказала тебе об этом?

– В тот вечер, когда пришла ко мне. Она сказала, что любила его.

– Что с ним случилось? Где он?

Я закрываю глаза.

– Он умер.

– Когда?

Я качаю головой.

– Давно. Это не важно. Он умер, и у нее все разладилось.

Он снова хватает меня за горло, и я распахиваю глаза.

– Нет, это важно. Когда...

– Важно то, что он тебя любил, – хриплю я.

Он застывает и убирает руку с моего горла.

– Он любил тебя, – повторяю я. – Оба они любили.

Итан сердито смотрит на меня, в руке у него зажат нож для писем. Я тяжело дышу.

И обнимаю его.

Он напрягается, но потом его тело обмякает. Мы стоим под дождем, я обнимаю его за плечи, его руки висят вдоль туловища.

Покачнувшись, я падаю от слабости, и он удерживает меня. Я снова на ногах, но мы поменялись местами. Мои руки упираются ему в грудь, я чувствую, как бьется его сердце.

– Они оба любили, – бормочу я.

А потом, навалившись на него всем телом, я толкаю его на фонарь.

Глава 98

Он приземляется на спину. Фонарь сотрясается.

Итан ничего не говорит, лишь смущенно смотрит на меня, словно я задала ему трудный вопрос.

Нож для писем отлетел в сторону. Раскинув руки на стекле, Итан пытается приподняться. У меня замирает сердце. Время тоже останавливается.

Световой фонарь раскальвается. На фоне шума от бури это происходит беззвучно.

В следующее мгновение Итан пропадает из виду. Если он и закричал, я не услышала.

Я ковыляю к бортику светового фонаря, заглядываю в лестничный проем. В пустоте, как искры, кружатся дождевые капли, на площадке подо мной сверкает россыпь разбитого стекла. Глубже заглянуть невозможно – там чересчур темно.

В оцепенении стою в гуще бури. У ног хлюпает вода.

Потом я отступаю в сторону. Осторожно огибаю фонарь. Подхожу к люку, все так же распахнутому.

Спускаюсь. Вниз, вниз, вниз. Пальцы соскальзывают с перекладин.

Вот и площадка, ковровая дорожка намокла от воды. Поспешно прохожу под проломом в крыше. На меня низвергаются дождевые потоки.

У спальни Оливии останавливаюсь. Заглядываю внутрь.

Мое дитя. Мой ангел. Прости меня.

Через секунду поворачиваюсь, иду вниз по лестнице. Ротанг сухой и шершавый. У площадки я снова притормаживаю, потом прохожу под водопадом и замедляю шаг в дверях своей спальни. Оглядываю кровать, шторы, черный призрак дома Расселов за сквером.

Еще раз через дождевой душ, еще раз вниз по лестнице, и вот я в библиотеке – библиотеке Эда, моей библиотеке, – смотрю в окно на шквал дождя. Часы на камине бьют. Два часа ночи.

Я отворачиваюсь и выхожу из комнаты.

С площадки мне уже видно распростертое на полу тело, тело падшего ангела. Я спускаюсь по лестнице.

Его голова рдеет в венце темной крови. Одна рука прижата к сердцу. Глаза смотрят на меня.

Я оглядываюсь.

А потом прохожу мимо него.
В кухню.
Включаю штепсель городской линии, чтобы позвонить детективу
Литлу.

Шесть недель спустя

Глава 99

Час назад на землю опустились последние снежинки, и теперь полуденное солнце парит в пронзительно-голубом небе – небе, созданном «не для согревания тела, но единствено для услаждения глаза», как писал Набоков в «Подлинной жизни Себастьяна Найта». Я составила собственную программу чтения. Больше никаких удаленных клубов книголюбов.

Действительно – услаждает глаз. Как и улица внизу, белоснежная, ярко сверкающая на солнце. Утром выпало очень много снега – объявили, что толщина покрова достигла четырнадцати дюймов. Я часами смотрела из окна спальни, как он валит – заносит тротуары, заметает ступени, превращает в сугробы цветочные ящики. После десяти из дома оживленной стайкой высыпали четверо Греев. С радостным визгом они под снегопадом протоптали дорожку по кварталу и скоро пропали из виду. А на той стороне улицы на крыльце своего дома, восторгаясь погодой, появилась Рита Миллер с кружкой в руке, закутанная в халат. За ее спиной нарисовался муж, обнял Риту, положил подбородок ей на плечо. Она поцеловала его в щеку.

Кстати, я узнала ее настоящее имя – мне сообщил его Литл, после того как расспросил соседей. Сью. Я была разочарована.

Сквер теперь похож на искрящееся заснеженное поле. Прямо за ним сгорбился под ослепительным небом дом с закрытыми ставнями – наиболее ярые газеты окрестили его «дом за четыре миллиона долларов, в котором жил подросток-убийца»! Я знаю, он стоит меньше, но «три миллиона четыреста пятьдесят тысяч долларов» звучит не так привлекательно.

Дом пустует уже несколько недель. В то памятное утро Литл навестил меня во второй раз – после прибытия полиции, после того как фельдшеры скорой помощи забрали тело. Его тело. Детектив сказал, что Алистер Рассел был арестован по обвинению в соучастии в убийстве. Как только он услышал про сына, сразу сознался. По его словам, все произошло так, как описал Итан. Очевидно, Алистер сломался. Джейн оказалась более стойкой. Интересно, что она знала – и знала ли она.

– Должен перед вами извиниться, – качая головой, пробормотал Литл. – И Вэл – господи, она тоже просит прощения.

Я приняла их извинения.

На следующий день Литл снова заехал ко мне. Все это время журналисты стучали в дверь, осаждали домофон. Я игнорировала их. Уж что-что, а за последний год я хорошо научилась игнорировать внешний мир.

– Как поживаете, Анна Фокс? – спросил Литл. – А это, должно быть, знаменитый психиатр?

Вслед за мной из библиотеки вышел доктор Филдинг. Теперь он стоял рядом со мной, рассматривая детектива, и, видимо, был поражен – уж больно велик этот Литл.

– Рад, что у нее есть вы, – пожимая доктору руку, сказал детектив.

– Я тоже рад, – ответил доктор Филдинг.

И я тоже. За прошедшие шесть недель я обрела уравновешенность и ясность сознания. Что касается светового фонаря, то его починили. Профессиональная уборщица навела в доме идеальную чистоту. Лекарства я принимаю как положено. Пью меньше. По сути дела, не пью совсем, отчасти благодаря кудеснице Пэм. Она носит татуировку.

– Я имела дело с очень разными людьми в очень разных ситуациях, – заявила она во время первого визита.

– Это может быть совершенно новая ситуация, – сказала я.

Я пыталась извиниться перед Дэвидом – звонила ему раз десять, но он не ответил. Интересно, где он, все ли у него хорошо. Под кроватью в цокольном этаже я нашла его наушники. Взяла их с собой, засунула в ящик стола. На тот случай, если он все-таки перезвонит и...

Несколько недель назад я вновь вступила в «Агору». Это мое племя, нечто вроде семьи. «Клянусь делать все возможное для исцеления и поддержания здоровья моих пациентов...»

Я стараюсь не поддаваться Эду и Ливви. Не всегда получается, не каждый раз, – порой, когда слышу их по ночам, я бормочу что-то в ответ. Но разговоры окончены.

Глава 100

– Давай.

Рука у Бины сухая. У меня наоборот.

– Давай-давай.

Она распахнула дверь в сад. Задувает пронизывающий ветер.

– Ты сделала это на крыше под дождем.

Но тогда было другое. Я боролась за свою жизнь.

– Это твой сад. При солнечном свете.

Верно.

– И у тебя на ногах теплые ботинки.

Тоже верно. Я нашла их в кладовке. Не надевала их с того вечера в Вермонте.

– Так чего же ты ждешь?

Ничего – я больше ничего не жду. Я ждала возвращения близких – они не вернутся. Ждала, когда пройдет моя депрессия, – она пройдет только при усилии с моей стороны.

Я ждала возвращения в мир. Теперь это время пришло.

Теперь, когда солнце ярко освещает мой дом. Теперь, когда у меня ясная голова и острое зрение. Теперь, когда Бина ведет меня к двери.

Она права – я сделала это на крыше под дождем. Я боролась за свою жизнь. Значит, я не должна желать смерти.

И коль скоро я не хочу умирать, я должна начать жить.

– Чего же ты ждешь?

Раз, два, три, четыре.

Бина отпускает мою руку и входит в сад. По снегу тянется цепочка ее следов. Оборачивается, манит меня:

– Давай.

Я зажмуриваюсь.

Открываю глаза.

И делаю шаг к свету.

Благодарности

Дженнифер Джоел, другу, агенту и бесценной советчице.
Фелисити Блант, за ее чудеса.
Джейку Смит-Босанкею и Элис Дилл, которые открыли передо мной мир.

Командам ICM и «Curtis Brown».

Дженнифер Брил и Джулии Уиздом, моим ясноглазым великодушным сторонницам.

Командам «Morrow» и «Harper».

Моим международным издателям, с благодарностью.

Джози Фридман, Грегу Мурэдиану, Элизабет Габлер и Дрю Рид.

Моим родным и друзьям.

Хоуп Брукс, проницательной первой читательнице и неугомонному чирлидеру.

Роберту Дуглас-Фэрхерсту, давнишнему вдохновителю.

Лиэйту Стелику, сказавшему, что я могу.

Джорджу С. Георгиеву, сказавшему, что я должен.

notes

Примечания

1

Мезонет (от фр. maisonette – маленький дом) – дом с квартирами, помещения которых расположены в двух или трех уровнях.

2

Боз-ар (от фр. *beaux-arts* – изящные искусства) – эклектичный стиль архитектуры, поддерживающий традиции итальянского ренессанса и французского барокко.

3

Двусмысленная фраза, произнесенная героиней фильма «Иметь и не иметь» режиссера Говарда Хоукса (1944).

4

Muman (от англ. meetup) – неформальная встреча по интересам.

5

Наррн (англ.) – приложение для знакомств.

6

Аверсивная терапия (от лат. *aversatio* – отвращение) – методы лечения и коррекции поведения, основанные на контролируемом использовании неприятных или доставляющих болезненные ощущения стимулов.

7

Радость (от англ. joy).

8

Фильм Жюля Дассена (1955) вышел на советские экраны под названием «Мужские разборки».

9

ЧАВО – сокращенное выражение «частые вопросы». Означает ответы на наиболее часто задаваемые вопросы. Аналог англоязычного выражения FAQ (от англ. «frequently asked questions»).

10

Ричард Никсон – единственный президент США (1969–1974), досрочно подавший в отставку.

11

Имеется в виду песня из оперы «Порги и Бесс» Джорджа Гershвина.

12

«Говардс-Энд» – роман Эдварда Моргана Форстера, семейная сага.

13

Верно сказано (*фр.*).

14

Ид – в психоанализе обозначение бессознательной, иррациональной части психики. В русском языке ему соответствует термин «оно».

15

LOL – акроним от «laughing out loud» – «ну очень смешно» (англ.).

16

Цитируется роман «Джуд Незаметный» Томаса Гарди. Перевод Н. Шерешевской, Н. Маркович.

Боги – прозвище, которое дали друзья и поклонники актеру Хамфри Богарту.

18

Игра слов: имя дворецкого Ларча из фильма «Семейка Аддамс» созвучно с английским глаголом *lurch* – «пошатываться».

19

Экспеллиармус – обезоруживающее противника заклинание из книг Дж. К. Роулинг о Гарри Поттере.

20

Little – маленький (*англ.*).

21

Miz – нейтральное обращение к женщине в англоязычных странах, независимо от того, замужем она или нет.

Цитата из комической оперы «Корабль ее величества „Пинафор“, или Возлюбленная матроса», написанной композитором Артуром Салливаном на либретто Уильяма Гилберта.

23

2,2 промилле.

24

Вдвоем (*фр.*).

25

Водоворот (*англ.*).

26

Героиня имеет в виду мангры.

27

ИМХО – акроним от «In my humble opinion» – «По моему скромному мнению» (англ.).

28

Цитата из баллады «Волшебница Шалот» Альфреда Теннисона.
Перевод Константина Бальмонта.

29

Героиня имеет в виду профессора Ван Дузена, героя рассказов Жака Фатрелла.

30

Музыку к фильму «Знаки» (2002) написал Джеймс Ньютон Ховард. Бернард Херрман создал музыкальное сопровождение к фильмам Альфреда Хичкока, снятым с 1955 по 1964 год.

31

Я не могу... (*φρ.*)